

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

АББАДОННА.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

Toutes les pages de la vie humaine sout dignes d'être lues. Le sage nous instruit, le gai nous amuse, l'imprudent nous enseigne ce qu'il faut éviter, l'absurde nous guérit du spleen.

***

Каждая изъ страницъ человѣческой жизни достойна быть прочитанною. Умная научаетъ насъ; веселая забавляетъ; безразсудная изъясняетъ намъ, чего надобно избѣгать; нелѣпая вылечиваетъ насъ отъ сплина.

***

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 9 дня 1839 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Печатано въ типографіи Конрада Вингебера.

СОДЕРЖАНІЕ.

— Наша *Жизнь*, наши отношенія разлучаютъ насъ съ *Поэзіею.*

»Но можете ли вы отдѣлить совершенно Поэзію отъ Жизни?«

»Что такое Жизнь, если не Поэзія, только прозою выраженная?«

»Что такое Поэзія, если не та же самая Жизнь, разцвѣченная стихами воображенія и риѳмою мечты!«

— Нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ отдѣлилъ часть души своей, и

создалъ изъ нея *Искусство*, Поэзія перешла въ это созданіе человѣческое, а душа человѣческая, лишенная теплоты поэтической, сдѣлалась холодна, подобно уму.

»Будто это возможно! — Какое Искусство придумаетъ и выразитъ все то, что придумываетъ и выражаетъ Жизнь? Безъ повѣрки Жизнью, ваше Искусство блестящая игрушка, кукла, которую ломаютъ умъ и опытъ.«

— И вы называете Жизнью нашъ нынѣшній расчетъ съ временемъ? И будто Жизнь, этотъ протестованный вексель на счастье, наша черствая радость, наше смѣшное горе, колыбель, сдѣланная изъ обломковъ гроба отцовскаго, крошечныя страсти, водевильная любовь . . . это Жизнь?

»Зачѣмъ говорите вы о мелочной спо-

собности существовать, которую люди такъ дерзко называютъ Жизнью?«

— Зачѣмъ говорите вы о привидѣніи, которое люди, такъ безбожно, называютъ Искусствомъ?

»Согласитесь однакожъ, что ваше Искусство прекрасная статуя, для которой до сихъ поръ человѣкъ дѣлаетъ форму, и едва ли когда нибудь додѣлаетъ! То онъ ставитъ ее на ходули, и одѣваетъ лоскутьями воображенія; то ломаетъ въ теоретическіе кусочки, и размѣриваетъ эти кусочки умомъ. Вдругъ онъ броситъ ее на Востокъ; потомъ кинетъ въ Средніе вѣка; потомъ въ Грецію; потомъ сердится, и готовъ забросить ее на небо, или зашвырнуть въ адъ: это жалкій списокъ съ Жизни, пестрый, смѣшной списокъ — грамата на Прекрас-

ное, подписанная злымъ духомъ, и написанная на выворотъ, по-Арабски.«

— Нѣтъ! безъ Искусства Жизнь похожа на пустыню, на лѣсъ, на вспаханное поле, а не на садъ цвѣтущій: только Искусство разводитъ на ней сады очаровательные.

»Оно худо чиститъ эти сады, и допускаетъ ихъ заростать бѣленою и чертополохомъ.«

— Которыя засѣваетъ Жизнь наша. Не правда ли?

»Постарайтесь помирить ихъ.«

— Это не возможно. Огонь и вода никогда не примирятся: либо огонь потухнетъ, либо вода изсохнетъ.

»Прекрасно! Знаете ли что: не вражда ли ихъ, не это ли кипѣніе воды,

палимой огнемъ, есть истинное соединеніе Жизни съ Поэзіею, бытія непроизвольнаго съ Искусствомъ произвольнымъ, неволи съ волею, ограниченнаго съ безграничнымъ?«

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ люди умно поступаютъ: пользуются этою враждою воды и огня; варятъ себѣ пищу при ея посредствѣ; съ ея помощью двигаются по морямъ, летаютъ подъ облака, врываются въ землю. Не такъ ли точно они любуются статуями, картинами, слушаютъ стихи и музыку, не думая о томъ, что передъ ними слѣдствіе борьбы непримиримой, гибельной, распри между небомъ и землею, между Жизнью и Поэзіею?

»Но что́ же изображаетъ при этомъ воду, и что́ огонь?«

— *Огонь* — Поэзія; *вода* — Жизнь!

»Но Океанъ, это безмѣрное собраніе воды, развѣ *не Поэзія?*«

— Можете ли сравнивать эту огромную землянную лужу съ океаномъ огня, Солнцемъ, истиннымъ символомъ Поэзіи!

»И въ лужѣ тонетъ однакожъ человѣкъ, горделиво называющій себя царемъ Природы.«

— А подлетѣть къ солнцу, онъ и подумать не смѣетъ!

»Онъ дожидается пока солнце притянетъ къ себѣ землю поближе.«

— Тогда Жизнь и Поэзія помирятся.

»Хорошъ будетъ этотъ миръ . . . . Вѣдь это *смерть!*«

— Да, не уже ли до тѣхъ поръ люди не узнаютъ, что совершенный миръ бываетъ только на кладбищѣ? . . .

АББАДДОННА.

ЧАСТЬ I.

La Nature plus marârte, que mère, a jeté l'homme dans la vie avec un corps nu, frêle et débile, une âme que l'inquiétude agite, que la crainte abat, que la fatigue épuise, que les passions emportent, et où cependant reste, comme à demiétouffée une divine etincelle d'intelligence et de génie . . . .

S. Augustin, *Lib. IV, contra Pelagium.*

═

Природа, болѣе мачиха, нежели мать, бросила человѣка въ жизнь съ тѣломъ нагимъ, слабымъ, ничтожнымъ, съ душею, которую тревожатъ заботы, сражаетъ робость, истощаетъ усталость, увлекаютъ страсти, но въ которой между тѣмъ, хотя полузадушенная, всегда остается божественная искра разсудка и генія.

Блаж. Августинъ, *противъ Пелагія, кн. IV.*

АББАДДОННА.

ГЛАВА I.

Въ одномъ изъ большихъ городовъ Германіи, столицѣ небольшаго княжества, въ отдаленной улицѣ этого большаго города, на четвертомъ этажѣ огромнаго дома свѣтился въ окошкѣ огонекъ. Ночь уже наступила, и была темная, осенняя. Дождь порывисто и сильно стучалъ въ окна богатыхъ и бѣдныхъ, безъ различія. Вѣтеръ свободно гулялъ по улицамъ; задуваемый имъ, огонь уличныхъ фонарей дрожалъ слабымъ отблескомъ въ грязи мостовой, а не свѣтилъ ярко для проходящихъ, которыхъ нужда, или прихоть, или то и другое вмѣстѣ, заставляли скитаться по улицамъ, подъ дождемъ, по грязи и сырости, дрожа отъ голода и вѣтра осенняго.

Но не осень и непогода, а нужда была однакожъ главною причиною, что проходящіе зябли и дрожали. Убѣдительнымъ доказательствомъ могли послужить богачи, спокойно ѣхавшіе въ то же время въ своихъ каретахъ, какъ будто совсѣмъ не было ни дождя, ни холода, и какъ будто отъ яркихъ фонарей на ихъ каретахъ исчезала для нихъ осенняя темнота. Бѣдняки тащились пѣшкомъ, большая часть въ ветхихъ шинеляхъ и плащахъ, и отъ того жаловались они на холодъ и осень. Но самымъ лучшимъ убѣжденіемъ, что они сами были въ этомъ виноваты, могла послужить комната на четвертомъ этажѣ, о которой мы упомянули выше. Въ ней находился въ это время какой-то одинокій жилецъ, и онъ зябъ и дрожалъ, хотя дождь не падалъ на него сверху, а только стучалъ въ его окошко, и вѣтеръ не ходилъ свободно у него въ комнатѣ, но только вылъ и свисталъ около стѣнѣ его жилища, и по временамъ прокрадывался порывами въ ветхое окно. Бѣдный жилецъ зябъ и дрожалъ, и не могъ согрѣться, хотя на немъ надѣта была половина всего платья, какое только находилось въ его возвышенной подъ кровлю комнатѣ.

Странно было видѣть, что этотъ жилецъ, въ самомъ дѣлѣ, накуталъ на себя множество всякой всячины, вмѣсто одного какого нибудь теплаго шлафрока. Шерстяной шарфъ опутывалъ его шею, шелъ крестъ на крестъ по груди, обвивался вокругъ тѣла и завязанъ былъ на спинѣ. Но шарфъ этотъ былъ изношенъ, истертъ, и яркіе цвѣта его потемнѣли отъ долговременнаго употребленія. Онъ не составлялъ уже красиваго наряда, и не грѣлъ. Подъ шарфомъ видны были фуфайка, жилетъ, фракъ; сверхъ шарфа, сюртукъ надѣтъ былъ на незнакомца, и шинель наброшена еще сверхъ сюртука. Увы! вся эта разнообразная уборка носила на себѣ слѣды опустошеній неумолимаго времени; сюртукъ и фракъ казались сшитыми не изъ сукна, но изъ какой-то особенной ткани, безъ ворсы. Рукава ихъ были починены на локтяхъ, а края рукавовъ висѣли мелкими лоскутками. Ноги свои думалъ согрѣть незнакомецъ старою шубою, разостлавъ ее на полу, въ видѣ ковра.

Все остальное въ комнатѣ не составляло противоположности съ нарядомъ незнакомца. Въ углу находилось что-то похожее на каминъ; но,

по видимому, этотъ ветхій каминъ былъ опредѣленъ совсѣмъ не для нагрѣванія комнаты: въ немъ стояло нѣсколько старыхъ огромныхъ книгъ, и паукъ мирно заткалъ огромную сѣть отъ стѣнки камина до книгъ, бывшихъ на срединѣ его. Обломокъ зеркала, дрянная бритва, стаканъ, фаянсовая тарелка, оловянная ложка, лежали и стояли на каминѣ. Кромѣ стола, за которымъ сидѣлъ незнакомецъ, въ комнатѣ были еще кресла, съ изорванною подушкою и изломанною спинкою, и старинный стулъ, у котораго недоставало одной ножки; ее замѣняла стѣна комнаты: къ стѣнѣ этой оборочень былъ стулъ, какъ будто ему совѣстно было передъ креслами, у которыхъ всѣ четыре ножки оставались еще цѣлы. Впрочемъ, бѣдный стулъ могъ гордиться тѣмъ, что замѣнялъ хозяину своему шкафъ. Пространство между спинкою стула и стѣною было обращено въ хранилище для нарядпаго платья: тутъ лежали фракъ, жилетъ, сюртукъ, довольно ветхіе, но тщательно вычищенные и сложенные. Дыроватый шелковый платокъ закрывалъ ихъ отъ пыли. Одинъ изъ четырехъ угловъ комнаты былъ загороженъ ширмами, съ грубой холстины которыхъ слетѣла уже, отъ давняго употребленія, половина зеле-

ной краски, какою были онѣ вымазаны нѣкогда.

Вотъ каково было тѣсное жилище незнакомца, позднимъ вечеромъ, осенью сидѣвшаго въ своей комнатѣ подъ облаками, за письменнымъ столикомъ. Желая познакомить съ нимъ нашихъ читателей, мы сдѣлали подробное топографическое описаніе его жилища. Теперь можете ли угадать, кто былъ этотъ незнакомецъ, по старой пословицѣ: скажи мнѣ, какъ живешь ты, и я скажу кто ты? Но для подобной разгадки наше описаніе жилища незнакомца будетъ не полно. Надобно докончить его еще нѣсколькими отдѣльными чертами.

По описанію, нами сдѣланному, вы скажете только: это какой-то *бѣднякъ*. Но если мы прибавимъ, что онъ сидѣлъ за столикомъ, и на этомъ столикѣ безпорядочно набросаны были книги и книжонки, тетрадки, листы, лоскутья бумагъ, что на полу и по угламъ комнаты были также сброшены книги и бумаги, и все это было въ пыли и безпорядкѣ — нѣтъ сомнѣнія въ вашемъ отвѣтѣ: жилецъ подоблачной комнаты былъ какой нибудь бѣдный пач-

кунъ бумаги — *писатель*, какъ горделиво называетъ себя всякій, пишущій бумаги недѣловыя.

Что значитъ наружность, внѣшность! Если бы вы увидѣли нашего незнакомца въ красивомъ, тепломъ кабинетѣ, хотя не великолѣпно, за то чисто прибранномъ, съ ковромъ на полу, диванами около стѣнъ, конторкою у одной стѣны, столомъ краснаго дерева у другой; если бы увидѣли вы на столѣ его необходимую принадлежность каждаго порядочнаго кабинета — бронзоваго маленькаго Наполеона; и притомъ часы въ красивомъ футлярѣ, Амура съ мраморною плиткою надъ бумагами, множество галантерейныхъ бездѣлокъ на конторкѣ, и цвѣты на окнахъ, и эстампы на стѣнахъ; если бы, сверхъ того, самъ онъ былъ въ пестромъ какомъ нибудь халатѣ, въ Вольтеровскихъ креслахъ, съ сигарою въ зубахъ, съ собакою у ногъ, и кругомъ его разбросано было множество томиковъ и брошюрокъ, вновь полученныхъ изъ Парижа, и альманаховъ Англійскихъ, и сѣрыхъ книженокъ Лейпцигскихъ — я увѣренъ: вы не назвали бы его пачкуномъ бумаги. Нѣтъ! вы сказали бы: это *литераторъ* какой-нибудь, пи-

сатель. Что значитъ наружность! И диво ли послѣ этого, что люди думаютъ только объ ней, когда на каждомъ шагу видимъ доказательства, что только она и важна для людей!

Правда: людямъ нѣкогда углубляться далѣе. Боже мой! когда имъ: у каждаго изъ нихъ столько своего дѣла! И стоитъ ли труда разгадывать загадки людскихъ душъ, сердецъ и умовъ, послѣ безпрерывныхъ опытовъ, что разгадка всего чаще не стоитъ труда, какой вы употребите на нее!

Но знаете ли однакожъ, что всего болѣе изъ великолѣпныхъ и красивыхъ кабинетовъ льются къ вамъ потоки чистой воды, въ стихахъ и прозѣ, затопляющіе собою всякую литературу? Знаете ли, что всего болѣе изъ бѣдныхъ, запачканныхъ чердаковъ выходятъ великія, чудныя созданія ума и воображенія, сверкаютъ эти искры, освѣщающія собою вѣкъ и современниковъ? На чердакѣ была написана *Новая Элоиза*; въ винномъ, замаранномъ погребкѣ создавались фантазіи Гофмана; на изломанныхъ клавикордахъ разыгрывались прежде всего симфоніи Бетховена, въ углу какой нибудь бѣдной комнатки. Не презирай-

те же чердакомъ, гдѣ въ пыли и лоскутьяхъ, воображеніемъ своимъ поэтъ насаждаетъ очаровательные сады Армидины; философъ рѣшаетъ задачу, можетъ быть, важную для всего Человѣчества; прозаикъ раскрываетъ великія тайны души человѣческой! Зачѣмъ бояться чердака? Если бы вы знали, сколько зла придумываютъ въ великолѣпныхъ кабинетахъ, и какъ темно бываетъ отъ дыханія пороковъ въ раззолоченныхъ гостиныхъ и будуарахъ — вы на чердаки убѣгали бы отдыхать и любить людей, среди лоскутьевъ, изломанной мебели, пыли и паутины — необходимыхъ спутниковъ бѣдности!

Бѣденъ былъ незнакомецъ, о которомъ говоримъ мы, котораго видѣли мы пишущаго за столикомъ, на чердакѣ подъ кровлею. Бѣденъ — объ этомъ нѣтъ спора; но познакомимся съ нимъ поближе. Можетъ быть, не найдемъ ли мы и въ немъ чего нибудь достойнаго замѣчанія.

Странный нарядъ незнакомца не могъ однакожъ скрыть, что это былъ молодой человѣкъ, и что онъ былъ не дуренъ собою, хотя волосы его некрасиво острижены, худо причесаны, и борода не выбрита; но черты лица его были

прекрасны, юны и благородны; взоръ воспламененъ чувствомъ. Онъ писалъ что-то поспѣшно, останавливался, размахивалъ руками, билъ тактъ, опять начиналъ писать, переставалъ, и, казалось, онъ забывалъ и холодъ, и жилище свое. Сальная свѣчка, въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, сильно нагорала у него, и онъ не замѣчалъ этого, пока не становилось совсѣмъ темно. Тогда, вдругъ опомнившись, онъ бралъ ножницы (щипцовъ у него не было), осторожно снималъ нагаръ со свѣчки, бросалъ его на полъ, и топталъ ногою на полу.

Кто такой былъ этотъ человѣкъ, и что̀ онъ писалъ? Вотъ, кстати, на столикѣ его лежитъ счетъ изъ мелочной лавочки: »*хлѣбъ — пива бутылка — сельдь — хлѣбъ — хлѣбъ — сельдь — хлѣбъ*« — Бѣднякъ! онъ не роскошничаетъ! Внизу подписано: *Изъ мелочной лавочки Генриха Буттерброда Вильгельму Рейхенбаху — просятъ объ уплатѣ.* И такъ: это *Вильгельмъ Рейхенбахъ.* Вотъ еще и письмо съ такимъ же адресомъ: »Въ N. N., въ Ней-Кирхенскомъ предмѣстіи, въ улицѣ Черной Овцы, въ домѣ г-на слѣсаря Доминика Штуля, въ 4-мъ этажѣ, въ комнатѣ No 14-го.« Такъ: это самое то пред-

мѣстіе, улица, домъ, этажъ, комната. Мы знаемъ уже имя незнакомца; остается узнать: кто онъ? Можетъ быть, онъ самъ все это разскажетъ.

Вильгельмъ Рейхенбахъ писалъ еще нѣсколько минутъ. Но онъ бросилъ потомъ перо, схватилъ листъ бумати, имъ исписанный, изодралъ его съ сердцемъ въ мелкіе кусочки, и вскричалъ съ досадою; »Нѣтъ! я никогда этого не кончу! Проклятая сцена!« — Кусочки изодраннаго листа разлетѣлись во всѣ стороны. »Однакожъ, тутъ было нѣсколько стиховъ прекрасныхъ!« подумалъ Вильгельмъ, съ сожалѣніемъ смотря на лоскутки, разбросанные по полу. — »Какъ жаль, что я изодралъ ихъ, не одумавшись!«

Онъ наклонился головою на руку, устремилъ глаза на бумаги, передъ нимъ лежавшія, и горестно промолвилъ: »Какъ недоволенъ я всѣмъ тѣмъ, что тутъ написано! Какъ все это кажется мнѣ слабо, глупо, несвязно! Моя послѣдняя надежда, мой *Арминій!* не уже ли и ты мнѣ измѣнишь, какъ измѣнили мнѣ мой *Аттила,* мой *Тамерланъ,* мой *Ріензи!* Идея столькихъ лѣтъ, трудъ столькихъ мѣсяцовъ — я готовъ

уничтожить тебя, хотя.... что будетъ со мною, когда я тебя уничтожу? Погибшіе годы юности, мечта обманувшая меня, увѣрившая, что я *поэтъ,* что Поэзія есть мое назначеніе въ мірѣ — и все это обманъ? Нѣтъ, нѣтъ! не обманъ эта мечта! Ей пожертвовалъ я всею моею будущностью, а чему жертвуемъ мы столь много' то не можетъ быть обманомъ, или — Провидѣніе было бы несправедливо, влагая въ душу человѣка пламень неугасимый ничѣмъ, стремленіе, ничѣмъ непобѣдимое!« — Вильгельмъ взялъ письмо, о которомъ мы упоминали, поцѣловалъ его горячо, и съ жаромъ воскликнулъ: »Добрая мать моя! и послѣ всего, что я дѣлалъ, послѣ всѣхъ моихъ безразсудствъ — ни одного упрека! Только просьба — возвратиться къ тебѣ, утѣшить тебя моимъ присутствіемъ, посвятить тебѣ жизнь мою.... Нѣтъ, я не возвращусь къ тебѣ съ моею бѣдностью, моимъ ничтожествомъ, не возвращусь быть предметомъ насмѣшекъ сосѣдей въ нашемъ городишкѣ, предметомъ сплетней и сужденій этихъ пустоголовыхъ стариковъ, упрековъ тебѣ, мать моя! Или увидишь ты меня поэтомъ, передъ которымъ преклоняется отечество, которому рукоплещутъ современники, или....у меня достанетъ еще денегъ купить пистолетъ!«...

Рука Вильгельма протянулась къ кошельку, лежавшему передъ нимъ на столикѣ, ощупывала его, и ничего въ немъ не находила. »Ничего!« промолвилъ онъ печально. — »Ничего! Не на что даже купить пистолетъ и двѣ пули?... Ну! я продамъ моего Шиллера — вырву изъ него одинъ листочекъ, только *одинъ,* котораго не отдамъ ни за что въ мірѣ!« Онъ вскочилъ со стула, схватилъ толстый томъ, раскрылъ его, и съ горестью смотрѣлъ на бѣлый листочекъ подлѣ переплета, на которомъ было написано женскою рукою: *Вильгельму, въ день его рожденія, Генріэтта.* — Этотъ листочекъ, этотъ святой залогъ любви«.... думалъ Вильгельмъ — »Я помню, какъ она скрывала отъ меня и отъ матери свою работу, копила деньги цѣлый годъ, и такъ нежданно подарила мнѣ тебя, божественный Шиллеръ! Счастливый день! И я не исполню надежды нашей, Генріэтта? Нѣтъ, добрая мать моя — нѣтъ, моя милая Генріэтта! мы еще будемъ счастливы! Съ каждымъ днемъ надежда темнѣетъ, мечты исчезаютъ; но она не исчезнетъ, онѣ не потемнѣютъ вовсе — я не унижусь, не паду передъ холоднымъ, гордымъ свѣтомъ; люди не будутъ имѣть наслажденія сказать мнѣ: что, глупецъ? Наконецъ, ты приходишь къ намъ

просить работы изъ хлѣба? Ты бросаешь твою безумную мысль — жить въ поднебесномъ мірѣ Искусства? — Нѣтъ! лучше плачьте надъ обезображеннымъ трупомъ, нежели надъ пристыженнымъ, безславнымъ Вильгельмомъ! — Однакожъ, поздно, а ни одна свѣтлая идея не мелькаетъ въ моей головѣ.... *Арминій* мой не конченъ — и еще день погибъ; и весь трудъ мой кажется мнѣ теперь такъ ничтоженъ, такой вздоръ, такой наборъ словъ — я усталъ, утомился!...«

По видимому, въ эту минуту земныя потребности одолѣли Вильгельма, что ни говорилъ онъ. Вильгельмъ всталъ, молчаливо подошелъ къ камину, взялъ въ руки бутылку, и уныло оборотилъ се къ свѣту. »Ни одной капли!« промолвилъ онъ, ставя бутылку на прежнее мѣсто. »А мнѣ казалось, что въ ней оставалось еще съ рюмку вина!...« Въ это время замѣтилъ онъ мышь; хитрое животное тихонько пробиралось по краишку камина, къ тарелкѣ. Вильгельмъ улыбнулся. »Ты ошибешься, бѣдняжка, голодная подруга моего уединенія!« сказалъ онъ. — »Ни одного кусочка хлѣба не найдешь ты! — А не худо бы теперь съѣсть что нибудь. — Завтра,

прости мой *Арминій!* Завтра я не примусь за тебя: мнѣ надобно докончить поутру мой переводъ для книгопродавца, эту глупую брошюрку: *Открытіе важнѣйшихъ секретовъ, по которому человѣкъ легко можетъ сдѣлаться богатымъ.* И я перевожу это *открытіе,* на чердакѣ моемъ, когда мнѣ нѣчего ужинать!«...

Теперь мы знаемъ незнакомца, жителя Ней-Кирхенскаго предмѣстія, улицы Черной Овцы, бѣдной комнаты подъ № 14-мъ, въ 4-мъ этажѣ, въ домѣ г-на слѣсаря Доминика Штуля. Онъ, Вильгельмъ Рейхенбахъ, молодой человѣкъ, переводитъ изъ хлѣба брошюрки для книгопродавцевъ, и мечтаетъ о Поэзіи, создаетъ трагедію на своемъ чердакѣ, уничтоживъ три или четыре трагедіи, написанныя прежде. Добрая мать зоветъ его изъ очарованныхъ садовъ Поэзіи въ бѣдное свое уединеніе, а Любовь указываетъ ему на будущее, какъ на исполненіе прекрасной мечты его: быть великимъ поэтомъ. Между тѣмъ онъ долженъ по счету въ мелочную лавочку, хотя бутылка пива, сельдь и хлѣбъ нерѣдко составляютъ весь обѣдъ его; ему нечѣмъ вытопить камина въ осенній холодный вечеръ, и онъ принужденъ ложиться спать безъ

ужина. Надобна ли вамъ послѣ сего болѣе подробная біографія Вильгельма Рейхенбаха? Вы уже знаете ее.

Мы познакомились съ Вильгельмомъ въ невеселую для него минуту жизни, когда рука его не находитъ ни одного гроша въ кошелькѣ, а воображеніе отказывается докончить трагедію, на которой основаны всѣ его надежды, всѣ мечты его поэтической и вещественной жизни. Смѣшны эти поэты — что за странный такой народъ! Я не буду ручаться, что за нѣсколько минутъ Вильгельму жизнь казалась раемъ небеснымъ; что онъ не слыхалъ вѣтра осенняго, не чувствовалъ голода; что легкій воздушный образъ Генріэтты вдохновлялъ его, и онъ, перенесенный въ лѣса древней Германіи, на яву бился кровавымъ мечемъ съ побѣдителями міра, Римлянами, слышалъ побѣдную пѣснь Арминія, присутствовалъ при заклинаніяхъ Веледы. Онъ, конечно, забывалъ тогда и осень, и чердакъ свой, и то, что ему надобно лечь голоднымъ. Но минута: вдохновеніе исчезло, и свинцовая существенность оборвала крылья у души его, и онъ готовъ промѣнять подарокъ своей Генріэтты на пару пуль, и

этими пулями окончить и мечты, и жизнь, и трагедію свою.

Онъ стоялъ еще нѣсколько времени среди комнаты своей, угрюмый и нерѣшительный, и, какъ будто бы ему необходимо надобно было сыскать постороннюю какую нибудь причину для своей досады, ворчалъ сквозь зубы, потирая руки: »Проклятая погода! Какой холодъ, какая сырость!«

Вдругъ сильно дунулъ вѣтеръ. Ветхое окно въ комнатѣ Вильгельма задрожало; цѣлое стекло выпало изъ него, разбилось, зазвенѣло, и вѣтеръ порывисто ворвался въ окно, вмѣстѣ съ дождемъ, брызнувшимъ на треногій стулъ. Страшная тревога! Стулъ покатился и упалъ, вмѣстѣ съ платьемъ, на немъ лежавшимъ; листы трагедіи завертѣлись, полетѣли по комнатѣ; свѣча едва не потухла. Поспѣшно бросился Вильгельмъ, схватилъ подушку, лежавшую за ширмами, и заткнулъ ею разбитое стекло. Увы, бѣдный поэтъ! гдѣ твой *Арминій?* Вотъ онъ разбросанъ по частямъ, такъ же, какъ прахъ героя Арминія развѣянъ бурями вѣковъ по дремучимъ лѣсамъ древней Германіи, и какъ разнесены вѣтрами

пустынь побѣдныя пѣсни его воиновъ и заклинанія его бардовъ.

»Теперь разсердится Вильгельмъ!« — Какъ вы ошибаетесь! Какъ худо знаете вы этихъ поэтовъ! Посмотрите: напротивъ, онъ въ какомъ-то восторгѣ. Загородивъ путь дождю и вѣтру въ свое жилище, онъ бросается къ своему столику, и, подобно Архимеду, готовъ воскликнуть: *нашелъ, нашелъ!* — Не подбирая разлетѣвшихся листковъ Арминія, не поправляя свѣчи, которая начала оплывать отъ свѣтильни, покривленной вѣтромъ, Вильгельмъ беретъ перо свое и ищетъ бумаги. »Прекрасно!« говоритъ онъ — »Какая богатая мысль! Это будетъ совершенно ново, разительно! О Тацитъ! благодарю тебя! О Генріэтта, милый другъ мой! работа моя кончена! Поздравляю тебя, Германія, съ новымъ поэтическимъ созданіемъ: мой *Арминій* конченъ!«

Между тѣмъ, онъ ищетъ бумаги и не находитъ. »Не уже ли не осталось ни одного листа? Да, вотъ, кстати!« Вильгельмъ беретъ длинный счетъ изъ мелочной лавочки господина Буттерброда, и на другой сторонѣ его пишетъ свои стихи, не смотря на масляныя пятна

въ бумагѣ. Онъ пишетъ; рука его едва успѣваетъ летать за мыслью; глаза его сверкаютъ, щеки горятъ, время летитъ — онъ ничего не замѣчаетъ. »Кончено, Генріэтта, кончено!« восклицаетъ онъ, вскакивая со стула, и ему, какъ Гамлету въ минуту явленія духа — уже мечтается Богъ знаетъ что, мечтается его Арминій на великолѣпной сценѣ, слышатся рукоплесканія зрителей, видится Генріэтта, въ слезахъ упадающая на грудь его, съ тихимъ шопотомъ: »Мой милый поэтъ!« Онъ чувствуетъ, какъ вокругъ его шепчутъ: »Вотъ онъ, вотъ творецъ Арминія, вотъ честь отечества Рейхенбахъ!« — Вильгельмъ едва дышетъ — у него жаръ въ головѣ; грудь его стѣснена невыносимыми чувствами; слезы капаютъ изъ глазъ его . . . .

Юность, Любовь и Поэзія! съ вами ли не забыть человѣку все на свѣтѣ?

»Не уже ли я не подѣлюсь съ нею моею радостью? Съ кѣмъ же мнѣ подѣлиться, кромѣ ея? И могу ли быть счастливъ, если не раздѣлю моего чувства ни съ кѣмъ? — Къ Генріэттѣ, къ Генріэттѣ! — Но теперь должно быть поздно — который-то часъ? Какъ нарочно, часы не

звонятъ на башнѣ, когда въ другое время надоѣдаютъ мнѣ своимъ безполезнымъ звономъ! — Поздно — и какая ужасная погода! — Но, кажется, вѣтеръ и дождь утихли« . . . . продолжалъ Вильгельмъ, стараясь всмотрѣться на улицу сквозь свое закоптѣлое окошко. »Что до погоды и до времени! Если онѣ уже спятъ, если уже такъ поздно, я буду счастливъ и тѣмъ, что прошепчу подлѣ дверей моей Генріэтты: Я кончилъ моего Арминія, милый другъ! Надѣйся, моя Генріэтта: мечты наши сбываются! — Скорѣе, скорѣе!«

И Вильгельмъ спѣшилъ собрать разбросанные по комнатѣ листы своей трагедіи; сбросилъ ихъ кучею на столъ; наскоро поправилъ свой туалетъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ затушилъ уже свою свѣчку, и спускался осторожно по высокой лѣстницѣ, гдѣ потухавшіе фонари освѣщали вытертыя каменныя ступеньки, веревку, служившую вмѣсто перилъ, и горшки, кадки и всякія домашнія снадобья, выставляемыя въ корридоры жильцами верхнихъ этажей. Подобно Данте, проходившему въ Рай съ своимъ Виргиліемъ черезъ Адъ и Чистилище, Вильгельмъ прошелъ сквозь нѣсколько душ-

ныхъ атмосферъ и чадъ изъ кухонь, по сырой, грязной лѣстницѣ, съ своимъ Арминіемъ въ душѣ, съ мыслью о своей Генріэттѣ. Вотъ онъ на улицѣ. Какая радость, какая добрая примѣта: дождь и вѣтеръ перестали; мѣсяцъ прорѣзалъ сѣрыя облака, и серебряными лучами своими освѣщаетъ землю. На ближней колокольнѣ ударило девять часовъ. »Еще не поздно — поспѣшимъ!« сказалъ Вильгельмъ, и почти бѣгомъ пустился онъ по скользкимъ, неровнымъ тротуарамъ.

Путь былъ не близокъ. Вильгельмъ думалъ замѣнить отдаленность поспѣшностью; не смотрѣлъ подъ ноги, спотыкался, едва не упалъ нѣсколько разъ, и не одна старуха, сбитая имъ съ ногъ, бранила его, не одинъ ночной сторожъ, поправлявшій фонари, и отъ сильнаго толчка полетѣвшій на землю, провожалъ его бранью. Вильгельмъ ничего не слыхалъ, бормоталъ стихи изъ своего *Арминія,* и не чувствовалъ ни усталости, ни потоковъ дождевой воды, обливавшей его изъ кровельныхъ трубъ. Генріэтта жила на другомъ концѣ города въ Алтъ-Кирхенскомъ предмѣстьи. Вильгельмъ не замѣтилъ, какъ прошелъ мимо поворота въ улицу, гдѣ жила она.

Въ досадѣ поворотилъ онъ назадъ, далекимъ обходомъ, и когда завидѣлъ онъ домъ, гдѣ жила Генріэтта, уже давно пробило *десять* часовъ.

Только теперь, когда этотъ старый каменный домъ, облѣпленный вывѣсками и современный Тридцати-лѣтней войнѣ, выказывалъ свои угловатыя формы при мѣсячномъ свѣтѣ, Вильгельмъ подумалъ: »Не поздно ли? Какъ явиться теперь къ Генріэттѣ, если еще и не спитъ она?« — Тогда только вспомнилъ Вильгельмъ, что у Генріэтты была старушка мать, всегда ворчавшая на него за вѣтренность, за стихи его, и всегда изъявлявшая притомъ удивленіе, что этотъ добрый молодой человѣкъ помнитъ ея старую дружбу съ его матерью, и не скучаетъ просиживать по цѣлымъ часамъ, иногда по цѣлымъ вечерамъ съ нею, старухою. Добрая старушка не могла сообразить того, что Генріэтта ея сидитъ тутъ же, съ работою; еще менѣе могла она подумать, чтобы Генріэтта любила добраго, учтиваго, скромнаго Вильгельма: она считала за дитя свою милую Этхенъ. »Ей ли влюбляться и любить!« говорила часто старушка сама съ собою. А что Вильгельмъ любитъ Генріэтту, старушка вовсе не могла по-

нять этого. »Начинаютъ любить, когда надѣются жениться, а надѣются жениться, когда есть чѣмъ жить съ женою, прокормить себя и ее, и дать порядочное воспитаніе дѣтямъ. Такъ говаривалъ мой покойный Готлибъ, такъ думаю и я, и, кажется, не ошибаюсь, сколько ни передумываю объ этомъ. Конечно, Богъ попустилъ потомъ Готлибу разориться и умереть въ бѣдности, и меня съ Генріэттою оставить въ бѣдности. Но когда онъ женился, у него было чѣмъ жить и воспитать будущихъ дѣтей. А Вильгельмъ? Онъ бѣденъ, - онъ самъ бьется кое-какъ; слѣдовательно, онъ не можетъ думать о женитьбѣ; слѣдовательно, онъ и не можетъ влюбиться. Онъ вѣтренъ, молодъ, но уменъ и добръ. Не уже ли онъ вздумаетъ влюбляться, какъ пишутъ объ этомъ въ романахъ, которыхъ, бывало, не позволяла мнѣ читать покойная матушка, которыхъ и я не даю моей Генріэттѣ, и которые отъ скуки читывали мы вмѣстѣ съ покойнымъ Готлибомъ? Нѣтъ! Вильгельмъ не таковъ. Посмотрите, какъ онъ уважаетъ мою старость и помнитъ дружбу съ его матерью, какъ онъ благоразумно судитъ обо всемъ. Да и моя Этхенъ: похожа ли она на этихъ дурочекъ, Каролинъ, Матильдъ, Кларисcъ,

Мальвинъ? Нисколько! Я воспитала ее въ привычкѣ къ хозяйству, въ благочестіи, въ страхѣ Божіемъ.«

Такъ разсуждала добрая старушка. Иногда приходила ей въ голову мысль, что Генріэтта и Вильгельмъ составили бы вдвоемъ прекрасную парочку. Иногда она и начинала говорить съ Вильгельмомъ о будущемъ, о томъ, что пора бы ему поразмыслить, какъ упрочить свое будущее состояніе. Старушка знала, что Вильгельмъ пишетъ стихи, но почитала это шалостью, и не рѣдко журила его за эту шалость. Она думала, что главное занятіе Вильгельма состояло въ приготовленіи себя къ какому нибудь университету, и въ преподаваніи уроковъ, причемъ, уча другихъ, онъ самъ учится. Вильгельмъ могъ послѣ того сыскать себѣ мѣсто, должность, и . . . старушка улыбалась, не оканчивая своей мысли. Она также не знала вполнѣ бѣдности Вильгельма и угнетавшихъ его недостатковъ. Онъ всегда являлся къ нимъ одѣтый весьма опрятно; въ изношенномъ, старомъ фракѣ, но чистомъ, такъ, что на немъ не было пятнышка. Вильгельмъ не смѣлъ говорить ей откровенно. И какъ сталъ бы онъ говорить?

Могла ли понять его добрая старушка? — Съ трепетомъ слушалъ онъ разговоры ея о будущемъ; подозрѣвалъ, что она, не говоря собственно ни слова, съ будущностью его сливаетъ, можетъ быть, будущность и дочери своей... Онъ проникалъ, что такова же была и тайная мысль Генріэтты, потому, что она потупляла въ это время глазки свои, щечки ея оттѣнялъ легкій румянецъ, и косынка подымалась на трепещущей ея груди... »О счастье мое! какъ ты близко отъ меня!« думалъ тогда Вильгельмъ. »Если бы маленькій уголокъ, наслажденіе Поэзіею и Любовью въ этомъ уголкѣ, Генріэтта со мною, и эта добрая старушка вмѣстѣ съ нами и съ моею матерью!« Тутъ не рѣдко брался онъ за шляпу и уходилъ отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ, уходилъ за городъ, далеко въ поле, отъ людей и отъ города....

Съ Генріэттою былъ онъ откровеннѣе. И въ присутствіи матери, нерѣдко заводилъ онъ безконечные разсказы о поэтахъ и трубадурахъ, Миннезингерахъ, Мейстерзингерахъ и вѣкѣ рыцарства. Тутъ высказывалась вся душа его; стихи летѣли тогда импровизаціею, и Вильгельмъ позволялъ себѣ сожалѣть, что прошло время, когда арфа отворяла поэтамъ двери въ дворцы

государей. Онъ описывалъ божественную любовь, царствовавшую надъ средними вѣками, изображалъ Поэзію, сливавшуюся тогда съ Любовью. — »Какія славныя сказки!« говорила старушка, улыбаясь. »Какая истина!« шептала украдкою Генріэтта, и, украдкою, Вильгельмъ бралъ ея руку, и тихонько пожималъ ее, и взоръ его говорилъ ей: »Для насъ не прошли эти вѣка, Генріэтта! Подожди, милый другъ! Какъ поэтъ явлюсь я къ тебѣ и въ наше время; и тебя отдадутъ мнѣ, какъ поэту, наслѣднику Миннезингеровъ!« — Старушка не замѣчала этого, занятая своею работою, а Генріэтта обращала на Вильгельма взоръ, и какъ будто говорила ему: »Еще такой же прекрасный разсказъ, Вильгельмъ!«

Но что поэтически изображалъ Вильгельмъ въ сказкахъ и повѣстяхъ при матери, то успѣвалъ онъ запросто сказать Генріэттѣ, въ немногія минуты, когда они оставались одни, или когда Вильгельмъ провожалъ ихъ въ танцовальный клубъ, въ публичный садъ, на гулянье. Даже въ церкви, сидя на лавкѣ за Генріэттою, пока мать ея пѣла псалмы, Вильгельмъ говорилъ Генріэттѣ о святомъ чувствѣ своей любви, о

своихъ надеждахъ, о счастливой ихъ будущности, о своихъ великихъ поэтическихъ созданіяхъ. Немного бывало минутъ для подобнаго тайнаго разговора; мимолетны были отъ этого самые разговоры; но Генріэтта узнала, и Вильгельмъ успѣлъ сказать ей, какъ онъ любитъ ее, какъ надѣется быть поэтомъ отъ любви своей и счастливцемъ отъ своей поэзіи. »Вдохновляй меня, мой милый другъ!« говорилъ Вильгельмъ — »и я изумлю современниковъ явленіемъ великаго поэта!« Генріэтта вздыхала, краснѣла; рука ея невольно оставалась въ рукѣ Вильгельма. Въ одну изъ такихъ минутъ забывчивости, слова: *»люблю тебя, милый Вильгельмъ!«* вылетѣли какъ-то нечаянно изъ устъ Генріэтты. Розовое пятно осталось послѣ сихъ словъ на щекѣ ея отъ нежданнаго ею поцѣлуя Вильгельмова. Когда мать вошла въ комнату въ это время, она увидѣла, что Вильгельмъ разсѣянно барабанитъ по столу пальцами, а Генріэтта ищетъ чего-то заботливо около себя на полу. »Что ты ищешь, Этхенъ?« спросила старушка. Я уронила иголку, маменька — отвѣчала Генріэтта. — »Такъ что же ты, учтивый кавалеръ, не пособишь ей искать,« сказала старушка, смѣясь. »Прекрасно, куда какъ хорошо! Си-

дитъ себѣ, будто не его дѣло! А еще стихотворецъ, Миннезингеръ«... Вильгельмъ бросился искать иголку, но нашелъ только руку Генріэтты, и крѣпко прижалъ ее къ губамъ своимъ.

Въ тотъ же день началъ онъ своего *Арминія*. Онъ читалъ его Генріэттѣ наизустъ. Генріэтта была въ восторгѣ отъ стиховъ Вильгельма, жалѣла о бѣдствіи Арминія, просила Вильгельма не оканчивать трагедіи своей печально. Вильгельмъ смѣялся. Но время уходило; послѣ вдохновеннаго начала, Арминій не оканчивался, даже не двигался впередъ. Обстоятельства сильно стѣсняли бѣднаго Вильгельма. Проведя въ иное утро нѣсколько часовъ за переводомъ какой нибудь глупости для книгопродавца, или за скучнымъ урокомъ сынку какого нибудь богатаго бургера, онъ на цѣлый день терялъ способность вдохновенія, сидѣлъ на чердакѣ своемъ, съ досадою грызъ перо — и ни одна мысль поэтическая не слетала къ нему въ бѣдный чердакъ его...

Но *Арминий* былъ конченъ. Мы видѣли, какъ побѣжалъ Вильгельмъ съ этою вѣстью къ своей Генріэттѣ. И вотъ, близъ жилища Генріэтты, остановился онъ, вспомнивъ, что уже *один-*

надцатый часъ, что Генріэтта, можетъ быть, уже спитъ....

— Но нѣтъ! Онѣ еще не спятъ. Вотъ свѣтитъ огонёкъ въ ихъ окошкѣ!

— Но, что скажетъ мать Генріэтты? Я недѣлю уже не былъ у нихъ, и теперь являюсь такъ нечаянно, ночью!....

Онъ прислонился къ углу сосѣдняго дома, сложивъ на груди руки. »Генріэтта,« шепталъ онъ, »милый другъ Генріэтта! слышишь ли: мой *Арминій* конченъ!« Онъ протянулъ руки, какъ будто прижималъ Генріэтту къ сердцу своему.

Жилище Генріэтты было не только въ другомъ предмѣстіи города, но не походило на жилище Вильгельма еще и тѣмъ, что находилось не на чердакѣ, но въ самомъ нижнемъ этажѣ стариннаго дома, и что этотъ домъ принадлежалъ нѣкогда какому-то знаменитому бургмейстеру города. Отъ того происходила вся разница. Въ предмѣстіи, гдѣ жилъ Вильгельмъ, находились домы вновь выстроенные, и въ нихъ бѣдность обыкновенно помѣщалась на высотѣ,

подъ кровлями; въ старомъ предмѣстіи, гдѣ жила Генріэтта, были домы старинные, и въ нихъ бѣдные жильцы укрывались въ нижнихъ этажахъ, составленныхъ изъ сухихъ, обширныхъ погребовъ и подваловъ, которые въ новѣйшее время были обращены въ жилье владѣльцами домовъ. Въ старину строили домы не для отдачи въ наемъ: для пріѣзжихъ учреждались гостинницы; бѣдные могли жить, гдѣ было имъ угодно; но каждый горожанинъ располагалъ жилище для себя, для поклажи своихъ запасовъ и товаровъ, и цѣлый домъ занималъ онъ самъ. Нынѣ дѣлають иначе: и хозяинъ кажется постояльцемъ на ряду съ другими жильцами. Онъ строитъ собственно *постоялый домъ*, кое-какъ помѣщается самъ, и открываетъ пріютъ, внизу дома лавочкамъ и погребкамъ, въ срединѣ богатому наемщику и трактирщику, въ верху бѣднякамъ. Привыкнувъ дѣлать запасы только на *завтра*, отдѣливъ товары въ магазины и анбары, обладатели старинныхъ домовъ рѣшаются подражать новымъ строителямъ домовъ. Но что же имъ отдать въ наемъ бѣдняку? При строеніи домовъ предки ихъ не готовились принимать къ себѣ бѣдныхъ постояльцовъ. И погреба и подвалы, гдѣ нѣкогда хранилось дѣдовское

вино въ огромныхъ бочкахъ, и хлѣбъ лежалъ въ огромныхъ закромахъ на цѣлые годы, превращаются въ жилища бѣдняковъ. Немного распространенныя, почти на самый тротуаръ выходящія окошки означаютъ каждое такое, передѣланное изъ погреба жилище.

И въ такомъ низменномъ пріютѣ жила и Генріэтта съ матерью, эта дѣвушка, мечта любви Вильгельмовой. Но не думайте, чтобы пріютъ Генріэтты составляло какое нибудь жилище неопрятное, нечистое — оно было только небогато. Домъ, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, успѣлъ провѣтриться и высохнуть, начиная съ черепичной кровли до послѣднихъ сводовъ его въ землѣ. Пропустивъ свѣтъ въ низменныя окошки, рука хозяина украсила это полуподземное жилище новою штукатуркою, поставила въ немъ хорошій каминъ, и все это раскрасила въ видѣ пальмовой рощи, съ ландшафтами. Мать Генріэтты уже съ нѣсколькихъ лѣтъ нанимала довольно обширную комнату, съ маленькою кухнею и сѣнями. Располагаясь, какъ дома, привыкнувъ къ хозяевамъ и къ жилищу своему, сохраняя притомъ остатки прежняго довольнаго житья съ своимъ Готлибомъ, ста-

рушка не щадила издержекъ на разныя украшенія своего обиталища. Но она думала только о *полезномъ:* строила перегородки, удѣляла избытки отъ расхода на покупку мебели, посуды; Генріэтта, напротивъ, заботилась о *пріятномъ:* сама сплела большой коверъ изъ суконныхъ покромокъ на полъ, вышивала по канвѣ коврики подъ всякое домашнее снадобье; завела цвѣты на окошкахъ; даже сдѣлала красивую подушечку подъ старинные часы на стѣнку. Вездѣ видны были слѣды ея заботливости и досужливаго рукодѣлья. Занимаясь безпрерывною работою, старушка и Генріэтта имѣли средства — даже немножко роскошничать: любезный гость ихъ, Вильгельмъ могъ сидѣть у нихъ на спокойной табуреткѣ, за старинпымъ столикомъ краснаго дерева, свѣтлымъ, какъ зеркало (старушка гордилась, что столикъ этотъ былъ цѣльный изъ краснаго дерева, а не обклейной, »*какъ нынѣ дѣлаютъ*« прибавляла она съ усмѣшкою). Вильгельма всегда подчивали чаемъ съ хорошими сливками, свѣжимъ масломъ, бріошками, и въ то же время мурныкалъ подлѣ него жирный котъ — признакъ довольства хозяевъ. Взоръ гостя могъ усладиться Нирембергскими гравюрками на стѣнахъ; и дымъ благовонной сигарки,

которую подавала ему Генріэтта, сливался съ запахомъ резеды и другихъ цвѣтовъ, стоявшихъ на окошкахъ. Потомъ садилась Генріэтта за маленькіе старинные клавикорды, и пѣла и играла для Вильгельма, который иногда жертвовалъ своимъ обѣдомъ, чтобы купить и принести къ Генріэттѣ новую какую нибудь арію. Пріятный голосъ Вильгельма присоединялся иногда къ пѣнію Генріэтты. Въ эти минуты всего чаще приходила матери Генріэттиной мысль: »Прекрасная могла-бъ быть парочка изъ этихъ пѣвуновъ!«

Много ли надобно для довольства человѣка! Повѣрите ли, что время, проведенное у Генріэтты, Вильгельмъ считалъ праздникомъ для себя, даже по удобствамъ жизни, какія находилъ въ ея жилищѣ, не говоря уже объ его душевномъ наслажденіи? Онъ роскошничалъ тогда, въ теплой, свѣтлой, чисто-прибранной комнатѣ. И Генріэтта, въ своемъ простомъ бѣломъ платьицѣ съ черными передничкомъ, и мать ея, въ огромномъ чепчикѣ и пестромъ платьѣ, изъ старинной *неизносимой* матеріи, казались ему щеголихами. Чашка чаю, налитая рукою Генріэтты, сигарка, зажженная ею, простая пѣсенка,

пропѣтая Генріэттою — что за наслажденія! »Какъ немного надобно для счастья жизни!« говорилъ послѣ того Вильгельмъ, самъ съ собою. »Если бы я могъ доставить себѣ всѣ эти маленькія удобства, и потомъ, пропѣвши свою пѣсенку, Генріэтта сѣла бы ко мнѣ на колѣна, обвила ручонки свои вокругъ шеи моей, поцѣловала меня, и склонила ко мнѣ свою голову, а мать ея сказала бы, смотря на насъ: »Милыя дѣти мои!« И послѣ того поспѣшилъ бы я работать въ свой маленькій кабинетъ, который находился бы вотъ тутъ, за стѣною; и Генріэтта пришла бы ко мнѣ, сѣла бы подлѣ меня съ своею работою; и котъ ея взгромоздился бы ко мнѣ на столъ — я вызывалъ бы тогда цѣлый міръ, сказать мнѣ: кто счастливѣе меня?«

— Я хочу видѣть ее! — вскричалъ Вильгельмъ. Онъ поспѣшно подошелъ къ дому, гдѣ жила Генріэтта, припалъ на колѣни у ея окошка, на троттуаръ, и внимательно глядѣлъ въ комнату. Но, увы! окно было задернуто кисейною занавѣскою, такъ, что никакой любопытный взоръ наблюдателя съ улицы не могъ проникнуть въ скромное жилище невинности и домашняго спокойствія. Чего бы не далъ теперь Вильгельмъ,

чтобы отдернуть эту завистливую занавѣску »Годъ жизни моей за одну минуту!« шепталъ онъ съ досадою.

Вильгельмъ рѣшался постучать въ окно. Но что скажетъ объ этомъ мать Генріэтты, если она тутъ — эта старушка, строгая наблюдательница всѣхъ приличій! Боже мой! какая досада! Если бы можно было узнать, что ея нѣтъ въ комнатѣ, постучать въ окно, сказать Генріэттѣ два, три слова! Стукъ испугалъ бы Генріэтту; да что за бѣда? Она такъ мила бываетъ, когда испугается, и она конечно простила бы нетерпѣнію Вильгельма свой маленькій испугъ. Какъ не простить ему, узнавши важную причину его прихода — извѣстіе объ окончаніи *Арминія*, и, само по себѣ разумѣется, о началѣ славы Вильгельма и общаго ихъ счастія!

»Другой годъ моей жизни за то, чтобы узнать: тутъ ли мать Генріэтты, или Генріэтта одна въ комнатѣ?« Какъ расточительна юность на годы: ей кажется, что у нея въ запасѣ Маѳусаиловы вѣки....

Такъ, почти припадая лицомъ къ троттуару,

стоялъ тутъ Вильгельмъ, торговался съ своимъ счастіемъ цѣлыми годами, сердился, мечталъ, забывъ, что его можетъ замѣтить кто нибудь — прохожій, дворникъ; что его могутъ счесть какимъ нибудь бездѣльникомъ, воромъ.... Велико дѣло! считайте чѣмъ угодно: время ли думать о другихъ, когда Вильгельмъ забывалъ самого себя....

— Но что подумаютъ о Генріэттѣ, если замѣтятъ у окошка ея молодаго мужчину, ночью, въ такое время? — Едва эта мысль пришла въ голову Вильгельма, онъ содрогнулся! Честь Генріэтты, ея добрая слава — это дороже самой жизни было пламенному, но доброму Вильгельму. — Ну! если злая сосѣдка вздумаетъ теперь выставить свою голову на улицу? — И Вильгельму казалось, что изъ всѣхъ окошекъ выставились уже головы въ колпакахъ и чепчикахъ, и злые языки сверкаютъ изъ этихъ головъ, какъ острыя бритвы, готовыя изрѣзать добрую славу Генріэтты. Голова его закружилась. Онъ вскочилъ поспѣшно. »Прости, Генріэтта!« проговорилъ онъ печально, хотѣлъ итти, и — не двигался съ мѣста.

Доброе дѣло никогда не остается безъ награды. И добрую мысль Вильгельма замѣтила всемогущая судьба, хотя въ это время, вѣроятно, занята она была тяжбою нѣсколькихъ царствъ, опредѣленіемъ жребія нѣсколькихъ кровавыхъ битвъ, и, какъ всегда, рѣшеніемъ участи обитателей цѣлаго міра, тысячи милліоновъ, по вѣрному счету статистиковъ. Велѣніемъ судьбы всемогущей, по инстинкту какому-то (у животныхъ нѣтъ воли — это извѣстно всѣмъ физіологамъ) — котъ, любимецъ Генріэтты, вздумалъ вскочить на окно, началъ чистить морду и лапки, играя, приподнялъ кончикъ занавѣски, и — яркій свѣтъ блеснулъ изъ комнаты на троттуаръ; и Вильгельмъ забылъ всѣ свои благоразумныя рѣшенія — снова бросился къ окну, не думая ни о сосѣдкахъ, ни о грязи на троттуарѣ.

Жадный взоръ его устремился въ комнату. Какое счастье! Старушки нѣтъ въ комнатѣ, и Генріэтта, одна, стоитъ подлѣ рабочаго столика. Задумавшись, прибираетъ она со столика свою работу. На головѣ ея спальный чепчикъ. Еще никогда не видалъ ее Вильгельмъ въ этомъ чепчикѣ. Какъ она хороша въ немъ, какъ мила она!

Нетерпѣливый Вильгельмъ застучалъ въ окно. Котъ встревожился, хотѣлъ бѣжать, но лапки его запутались въ бахромкѣ занавѣски; онъ отдернулъ ее еще болѣе. Генріэтта поблѣднѣла; работа выпала изъ рукъ ея, и глаза со страхомъ обратились на окно.

»Генріэтта, милый другъ! не бойся, не пугайся: это я!« говорилъ Вильгельмъ, задыхаясь.

Вся вспыхнула Генріэтта, робко оглядѣлась кругомъ, и бросилась къ окну. Она узнала Вильгельма.

— Вильгельмъ! что это значитъ? Ты ли это? Такъ поздно? Что съ тобой сдѣлалось?

Онъ стучалъ въ форточку окна, давая знать, чтобы Генріэтта отворила ее, потому, что онъ не могъ разслушать словъ сквозь стекло.

Еще разъ оглядѣлась кругомъ робкая дѣвушка, и поспѣшно стала отматывать снурокъ, которымъ завязана была форточка. Руки ея дрожали; наконецъ форточка была отперта.

— Вильгельмъ!

»Генріэтта!«

— Ахъ! какъ ты испугалъ меня! Что съ тобой сдѣлалось? Теперь, въ это время — здоровъ ли ты?

»Мой милый другъ! я хотѣлъ тебя видѣть....«

— Но, маменька — Ахъ! Боже мой! — Сегодня пятый день, какъ ты не былъ у насъ...

»Мой другъ! я кончилъ моего *Арминія*....«

— Кончилъ!

»И спѣшилъ сказать тебѣ: радуйся, милая Генріэтта!«

— Но, маменька...

»Кончилъ, слышишь ли, кончилъ! Завтра примусь переписывать, а потомъ — о мой другъ!«

— Вильгельмъ! слава Богу; но такъ поздно...

Ты, кажется, такъ разстроенъ... Не скрывай отъ меня.

»Я хотѣлъ подѣлиться съ тобой моею радостію. Я готовъ былъ отдать полжизни, только бы видѣть тебя, милый другъ! Окончаніе моей трагедіи прекрасно — я приду читать тебѣ....«

— Приходи, Вильгельмъ, ради Бога!

»Не ужели ты не рада этому?«

— Ахъ, Вильгельмъ! я не знаю — боюсь....

Дверь закрыпѣла. — »Ахъ! уйди, уйди скорѣе!« прошептала Генріэтта, трепеща.

»Никого нѣтъ. Послушай, милый другъ! вотъ какъ окончилъ я.... Ты не слушаешь?«

— Я боюсь....

»Такъ затвори же форточку и опусти занавѣску, трусливая Генріэтта!« сказалъ Вильгельмъ, готовый разсердиться. »Я останусь подлѣ окна и буду читать и думать о тебѣ, воображая, что Генріэтта раздѣляетъ со мною радость и чувство мое... А ты еще боишься!«

— Несправедливый другъ мой! подумай.... маменька... — Слова замирали на устахъ Генріэтты.

Въ самомъ дѣлѣ, дверь скрыпнула еще; кашель старушки раздался уже въ комнатѣ.

»Генріэтта! твою ручку, и я убѣгу!«

Безмолвно, поблѣднѣвши, Генріэтта протянула свою руку за окно. Вильгельмъ страстно цѣловалъ эту нѣжную, милую ручку; напрасно дѣвушка хотѣла вырвать ее, и умоляющимъ голосомъ шептала: »Вильгельмъ, Вильгельмъ!«

— Ну, Генріэтта! — сказала старушка, вошедъ въ комнату. Вильгельмъ выпустилъ ручку Генріэтты; поспѣшно затворила форточку дѣвушка и опустила занавѣску. Къ счастію, мать не обратила вниманія на ея блѣдность и замѣшательство. Генріэтта спѣшила прибирать работу со столика, и щеки ея запылали, когда она думала, что въ эту минуту Вильгельмъ стоитъ подлѣ окна. Какъ бы хотѣлось ей, чтобы этотъ *несносный* Вильгельмъ ушелъ поскорѣе — и какъ дорого заплатила бы она, если бы еще разъ могла взглянуть на него! Онъ для нея спѣшилъ сюда, онъ хотѣлъ раздѣлить съ нею счастье свое.... Милый Вильгельмъ! онъ и радоваться безъ нея не умѣетъ; и какъ же пойдетъ онъ теперь, ночью, одинъ, черезъ весь городъ. . . .

Разсѣянно, но усерднѣе обыкновеннаго молилась въ этотъ вечеръ Генріэтта, и слова: *Вильгельмъ, Арминій,* шептала онъ потомъ во снѣ, когда легла въ свою постель, долго не могла уснуть, и наконецъ уснула для того только, чтобы

во снѣ увидѣть Вильгельма въ видѣ Арминія, и театръ, и войну, и Римлянъ, сидящихъ въ ложахъ театра, съ лорнетами, и своихъ соотчичей, которые, держа въ рукахъ кружки пива, съ трубками въ зубахъ, танцуютъ гросъ-фатеръ вокругъ торжественной колесницы, на которой сидитъ Вильгельмъ, и громко восклицаютъ: Es lebe hoch!

Странный сонъ! Да, какого же склада ждать отъ сна дѣвушки, если притомъ она легла спать полу-испуганная, встревоженная, боясь за участь милаго ей человѣка? Шутка ли: ему надобно итти ночью, черезъ весь городъ! Но думалъ ли когда нибудь грозный Арминій, что черезъ восмнадцать вѣковъ объ немъ будетъ мечтать молоденькая дѣвочка, въ видѣ его воображая себѣ своего милаго друга? Право, какія шалости дѣлаетъ эта любовь, не только наяву, но и во снѣ....

Вильгельмъ стоялъ еще нѣсколько минутъ, когда форточка закрылась и занавѣска была опущена. Онъ прижималъ руки свои къ груди; на губахъ его еще не простывалъ жаръ отъ этой нѣжной, пухленькой ручки, которую за минуту онъ прижималъ къ губамъ своимъ. Забывъ самого себя, онъ шепталъ: »Генріэтта,

Генріэтта! люблю тебя, люблю! Клянусь, что только смерть разлучитъ меня съ тобою. Но есть и за гробомъ жизнь, и тамъ я буду любить тебя, милый другъ, моя Генріэтта! — Все къ ногамъ твоимъ, все — и слава моя, и душа, и каждая мысль« . . . .

Богъ знаетъ, что̀ говорилъ еще тутъ влюбленный поэтъ нашъ, и сколько бы простоялъ онъ тутъ, хотя черезъ нѣсколько минутъ огонекъ былъ потушенъ и не свѣтился сквозь занавѣску изъ окна Генріэттина жилища! Но думы и восторги Вильгельма перервалъ хриповатый голосъ ночнаго сторожа: »Спите, граждане, спите, да поможетъ вамъ Богъ; одиннадцать било; спите, граждане, спите, да поможетъ вамъ Богъ!«

На голосъ этотъ отозвалось изъ ближняго двора стучанье дворника въ доску, и изъ другаго двора потянулось протяжное завыванье собаки, какъ будто говоря: »Только собаки не спятъ такъ поздно, а добрые люди всѣ давно улеглись.« — Впрочемъ, нѣсколько каретъ, встрѣченныхъ по дорогѣ Вильгельмомъ, показали, что собака ошибалась. Не уже ли въ этихъ запоздалыхъ каретахъ сидѣли только недобрые? Впрочемъ, Вильгельмъ не встрѣтилъ уже ни одного прохожаго. И какъ радовался онъ, поэти-

чески прогуливаясь по опустѣлымъ улицамъ города, съ любовью и съ мечтами о своей трагедіи, о славѣ, о счастіи, съ думой о Генріэттѣ. Онъ изумился, узнавъ, какъ поздно было, когда стучался онъ у дверей дома г-на Штуля, и нашелъ ихъ крѣпко запертыми; онъ удивился и тому, что такъ скоро дошелъ съ одного конца города на другой.

»Почтенный господинъ изволилъ запоздаться,« сердито говорилъ дворникъ, отворяя двери и впуская Вильгельма. »Почтенный господинъ знаетъ, что господинъ Штуль не любитъ, если жильцы его не бываютъ дома въ надлежащее время.«

— Время мечта! — весело отвѣчалъ ему Вильгельмъ, ощупью пробираясь на свою лѣстницу.

»Время мечта?« — Ворчалъ дворникъ, запирая дверь — »да, мечта! Die Zeiten sind jetzt schwer. Почтенный господинъ, кажется, немного на веселѣ.... Этого прежде съ нимъ не бывало. Развѣ онъ не знаетъ, что господинъ Штуль не любитъ, если жильцы его не бываютъ дома въ надлежащее время?«

ГЛАВА II.

Мы знакомы съ обитателями *Ней-Кирхенскаго* и *Альтъ-Кирхенскаго* предмѣстьевъ того обширнаго города, гдѣ жилъ Вильгельмъ — не герой, потому, что въ наше время не любятъ героевъ, даже и въ романахъ, но — одно изъ главныхъ лицъ нашего разсказа. Теперь, какъ *топографически* начали мы разсказъ нашъ, такъ *этнографически* поведемъ его далѣе.

Между двумя означенными предмѣстьями находился настоящій городъ (вѣдь имя его знать вамъ не нужно)? — великолѣпная княжеская резиденція, гдѣ были вытянуты широкія, правильныя улицы, съ огромными красивыми домами, магазины, лавки, бульвары, скверы, дворецъ владѣтельнаго князя, палаты вельможъ его. Тутъ, невдалекѣ отъ дворца, возвышалось

особенно огромное зданіе — *театръ.* Еще отецъ и дѣдъ владѣтельнаго князя страстно любили драматическое искусство; содержали оперу, Французскую труппу, не жалѣли денегъ на оркестръ, декораціи, костюмы. Любимицею дѣда была какая-то Итальянская пѣвица, а отца — Французская актриса, которую завистливая Клеронъ успѣла прогнать съ Парижской сцены за красивое личико. Эта соперница Клеронъ промотала милльоны, и, что было всего лучше, уговорила стараго князя выстроить великолѣпный театръ. Ничего не жалѣли на постройку, и послѣ того половина суммы, употреблявшейся на княжескую охоту, обращена была на наемъ Французскихъ актеровъ и актрисъ. Любимица князя убѣдила его, что лучше тратить деньги на изящныя искусства, нежели на истребленіе невинныхъ зайцовъ и оленей. Князь согласился; велѣлъ распродать свой звѣринецъ, перебить лишнихъ собакъ, а егерей и егермейстеровъ переименовалъ въ оберъ-капельдинеровъ, роль-мейстеровъ, сценъ-мейстеровъ; вмѣсто собакъ, страстно полюбилъ онъ актеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ лестное названіе *покровителя изящныхъ искусствъ* Вольтеръ написалъ къ нему письмо, увѣряя,

что »если бы не старость удерживала его въ пустынѣ Фернейской, онъ давно бы пріѣхалъ преклониться предъ свѣтиломъ просвѣщенной Германіи, который превосходитъ вкусомъ проклятыхъ Вельховъ.«

Такимъ образомъ, почти съ незапамятныхъ временъ, *драматическое искусство* и *театръ* сдѣлались славою княжества N. N. и столицы его, гдѣ жилъ Вильгельмъ. Когда съ одной стороны, событія во Франціи послѣ Клеронъ и Вольтера, съ другой появленіе Германской литературы и Нѣмецкой драмы въ XVIII-мъ вѣкѣ, породили наконецъ *Нѣмецкій театръ*, князь завелъ Нѣмецкую труппу. Она особенно славилась во всей Германіи; играла оперы, трагедіи, комедіи; самъ Иффландъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ по желанію князя, и увѣрялъ его, что княжескій его театръ прекрасенъ, а актеры не уступятъ ни Берлинскимъ, ни Вѣнскимъ, ни Веймарскимъ. Старый князь умеръ. Его наслѣдникъ не зналъ, что дѣлать съ театромъ, когда главный его финанцъ-ратъ представилъ, сколь недешево обходится ему слава имѣть прекрасный театръ. Къ тому же молодой князь любилъ свою жену, и не любилъ особенно ни одной актрисы. Долго думали въ

княжескомъ совѣтѣ, что дѣлать? — Первый министръ князя, баронъ фонъ Калькопфъ, принцъ фонъ-Думъ-Тринкъ-Вассеръ, видно привыкшій въ театру при старомъ князѣ, возвысилъ наконецъ свой голосъ, и доказалъ ясно, что для чести и славы Его Свѣтлости театръ необходимъ; что онъ есть училище нравственности, и что гораздо полезнѣе поддерживать театръ, нежели какое нибудь схоластическое заведеніе, тратя деньги на содержаніе дюжины какихъ нибудь старыхъ педантовъ, которые издаютъ комментаріи на Аннія Флора и Светонія. Всѣ согласились съ министромъ, хотя улыбались потомъ по уголкамъ главной причинѣ, заставлявшей его столь горячо заступаться за училище нравственности: молодая, прелестная актриса, *мамзель Элеонора*, какъ называли ее, пользовалась особенною милостію стараго барона Калькопфа принца фонъ-Думъ-Тринкъ-Вассера. Но соединяя любовь къ Изящнымъ Искусствамъ съ глубокимъ знаніемъ Политической Экономіи, баронъ доказалъ на другой день въ совѣтѣ князя, что славу Покровителя Искусства можно соединить съ особенною государственною бережливостью. Онъ предложилъ: отдать придворный театръ въ содержаніе ча-

стнаго производителя, увѣряя, что театръ пойдетъ не хуже, соблюдено будетъ правило Политической Экономіи о свободѣ ремеслъ и занятій, и притомъ честь Покровителя Искусствъ не будетъ стоитъ князю ни одного талера. Всѣ одобрили планъ барона Калькопфа; князь избралъ его вице-суперъ-директоромъ театра, и отдалъ все дѣло на его рѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, планъ барона оказался превосходнымъ. Ловкій режиссёръ придворнаго театра взялся содержать всѣхъ актеровъ и актрисъ, поддерживать зданіе театра, и наполнять репертуаръ лучшими пьесами, предоставляя себѣ только сборъ съ театра, и изъ него взнося еще въ княжескую казну *по одному проценту*. За то, по докладу барона, цѣна на всѣ мѣста въ театрѣ была *удвоена*. Не смотря на прибавку, всѣ почти ложи бель-этажа, множество креселъ и мѣстъ были немедленно абонированы знатнѣйшими людьми: баронъ сказалъ имъ, что такъ надобно сдѣлать, открылъ у себя подписку, и — едва доставало билетовъ! Примѣру знати слѣдовали чиновники; имъ послѣдовали жители столицы. Къ изумленію людей, неодобрявшихъ новаго распоряженія, театръ былъ всегда полонъ, и содержатель театра не могъ

даже удовлетворять требованіямъ, когда въ театръ являлся самъ баронъ Калькопфъ. А онъ являлся по три раза въ недѣлю: такъ любилъ онъ драматическое искусство! Жалованья всѣ были увеличены; освѣщеніе, оркестръ, костюмы, декораціи являлись лучше прежняго. Особливо отличалась на сценѣ *мамзель Элеонора* — вся въ бриллиантахъ, въ бархатѣ, золотѣ, серебрѣ. Опытный знатокъ драматическаго искусства, старый министръ — можетъ быть, и по должности, какъ вице-суперъ-директоръ театра — не спускалъ зрительной трубки своей со сцены, и не могъ скрывать своего восторга при игрѣ Элеоноры. Слѣдуя его примѣру, зрители также были въ восторгѣ, и стѣны театра дрожали отъ рукоплесканій при ея появленіи. Самъ князь нерѣдко посѣщалъ театръ, радуясь, что это училище нравственности ничего ему не стоитъ, а между тѣмъ веселитъ всѣхъ его подданныхъ, и такъ же, какъ отцу его, снискиваетъ ему славу Покровителя Искусствъ. — Представьте: не счастливо ли привелось бѣдному Вильгельму попасть съ своими поэтическими мечтами и созданіями именно въ такой городъ, гдѣ страсть къ театру и драмѣ укрѣпилась уже тремя поколѣніями?

Ловкій содержатель, или, какъ называли его, *директоръ театра* (потому что онъ считался въ княжеской службѣ) скоро разбогатѣлъ отъ своего предпріятія. Онъ занималъ прекрасный домъ подлѣ самаго театра, жилъ какъ знатный вельможа, и его завтраки и вечера, на которые собирались вмѣстѣ знатнѣйшіе люди и богачи столицы, вмѣстѣ съ знаменитыми писателями и артистами и артистками, далеко славились своею роскошью и своимъ изяществомъ. Знатные путешественники и путешествующіе артисты, артистки, пѣвцы, пѣвицы, музыканты, бродящіе Англійскіе лорды и путешествующіе Парижскіе маркизы клялись, что въ самомъ Парижѣ не находили они ни одного общества столь веселаго и пріятнаго, какое находятъ въ столицѣ небольшаго Нѣмецкаго князя, у его директора театра.

Однажды утромъ, г-нъ директоръ велѣлъ отказывать всѣмъ докучнымъ посѣтителямъ: у него собрался въ это время его *литературный комитетъ;* наступила осень; надобно было окончательно утвердить репертуаръ на всю зиму. Комитетъ составлялся изъ полудюжины литераторовъ. Извѣстно, что Музы и Вакхъ не живутъ другъ безъ друга, и что они никуда не

годятся безъ пособія Кома. И вотъ г-нъ директоръ велѣлъ прежде всего подать богатый завтракъ. Литераторы съѣли завтракъ; выпили нѣсколько бутылокъ вина; шампанское дополняло такія предварительныя распоряженія, и заманчиво пѣнилось въ бокалахъ, стаканахъ и головахъ.

Вино веселитъ сердце человѣка — извѣстная истина. Кромѣ литераторовъ, тутъ были еще: первая скрыпка, капельмейстеръ, первый трагическій актеръ и первый буффъ театра. Шумъ и безпорядокъ оживляли собраніе. Всѣ сидѣли еще за столомъ, но салфетки были уже брошены на столъ, или валялись подъ ногами гостей. Одинъ изъ литераторовъ громко спорилъ, доказывая, что пьеса его, освистанная прошлою зимою, была превосходна; другой чокался съ директоромъ за здоровье его *маленькой Фаншетты;* третій окуривалъ облаками дыма изъ янтарнаго чубука свое шампанское, пока трагическій актеръ шумѣлъ съ двумя литераторами о превосходствѣ новой Парижской мелодрамы: *Чортова тетушка,* а капельмейстеръ, за фортопіанами, съ сигарою въ зубахъ, сочинялъ музыку на какой-то злой куплетъ. Куплетъ этотъ подсказывалъ ему молодой стихотворецъ,

стоя за его стуломъ, и краснѣя отъ шампанскаго и отъ поэтическаго восторга. Наконецъ, буффъ запѣлъ:

O Chambertin! ô Romanée!
Avec l'aurore d'un beau jour,
L'illusion chez vous est née
De l'esperance et de l'amour *)!

И всѣ пристали къ нему хоромъ, громко повторяя припѣвъ, при звукахъ фортопіано:

J'espère
Que le vin opère:
Oui, tout est bien, même en prison:
Le vin m'a rendu la raison **).

— За здоровье Беранже! — закричалъ директоръ. — Еще бутылку! ей! вина!

»За здоровье поэтовъ другую!«

— То есть за здоровье дураковъ, которые почитаютъ себя умными?

»Браво! Нашъ меценатъ остритъ! Пусть поэты будутъ дураки —

---

*) О Шамбертенъ, о Романе! съ зарею прекраснаго дня, рождено вами обольщеніе любви и надежды!

**) Вижу: все благо, даже и въ тюрьмѣ вино возвратило мнѣ мой разумъ!

Qui découvrit un nouveau monde?
Un fou qu'on raillait en tout lieu *)...

— Но, господа, къ дѣлу, къ дѣлу! Мы всѣ скоро сдѣлаемся поэтами, если опорожнимъ еще одну бутылку — сказалъ директоръ. — Убрать все со стола!

»Кромѣ бутылокъ...

— Мы замѣнимъ ихъ другими. Чортъ ли въ пустой бутылкѣ? Она хуже старой актрисы, хуже стиха безъ мысли, хуже скромной дѣвчонки....

»Браво, браво!

— Всѣ по мѣстамъ, господа — пора къ дѣлу! — Вина, трубокъ, миндалю, сыру!

Въ безпорядкѣ придвинулись всѣ собесѣдники къ столу. Очистивъ мѣсто для локтей и рукъ, и давъ знакъ подлить въ бокалы, директоръ началъ:

— Рѣшимъ все, о чѣмъ мы говорили прежде. И такъ: ваша пьеса будетъ играна первая, г-нъ Вейссе?

»Да, только съ моимъ водевилемъ!« вскричалъ другой собесѣдникъ.

---

*) А кто открылъ вамъ новый свѣтъ?
Дуракъ, осмѣянный повсюду!

— А вы, г-нъ Лупницъ, вставите въ него, что я замѣтилъ — прибавилъ буффъ. — Куплетъ на мужей необходимъ!

»Это такъ истерто!«

— Да, вамъ что за дѣло, если только зрители хлопаютъ? Смѣшной человѣкъ!

»Станетъ ли поэтъ угождать райку!« гордо воскликнулъ водевилистъ.

— Но я говорю вамъ — закричалъ трагическій актеръ, споривший съ своимъ сосѣдомъ — что у меня нѣтъ ни одной новой роли, гдѣ могъ бы я выказать свои дарованія и свой новый прелестный костюмъ!

Ну, какъ же? А драма моя — переводъ Скрибовой, разумѣется: *Чортъ, палачъ и удавленникъ?* Какова для тебя роля палача?

— Согласенъ, порядочная; но принимаетъ ли ее г-нъ директоръ? Спросите у него . . .

Директоръ казался въ замѣшательствѣ. »Право, я не знаю еще« . . . пробормоталъ онъ — »я завтра скажу вамъ свое мнѣніе окончательно . . . .

Всѣ захохотали.

»Смѣйтесь, господа, но что же мнѣ дѣлать? Вотъ, я по неволѣ принялъ этотъ мерзкій переводъ *Цимбеллина*, отъ того, что *ей* вздума-

лось, будто она будетъ прелестна въ ролѣ *Имогены* . . . .

— Послушайте, любезный директоръ! Своевольство этой негодной дѣвчонки становится несносно! — сердито вскричалъ одинъ изъ поэтовъ, стуча кулакомъ объ столъ.

»Объ этомъ уже говорить нѣчего, мой милый поэтъ. Вѣдь вы знаете, что перемѣнить невозможно!

— Чортъ возьми стариковъ, влюбленныхъ въ молодыхъ дѣвчонокъ!

— Согласенъ. — Но, тише, господа! Полно-те пѣть! Право, ничего не слышно.

»А если я не соглашусь взять роль Цимбеллина, господинъ директоръ?« угрюмо спросилъ его трагикъ.

— Ну, мы отдадимъ ее нашему Маусу — отвѣчалъ директоръ хладнокровно. — Публика и безъ васъ до сыта нахлопается, если только мамзель Элеонорѣ будетъ это угодно.

»Маусу! Боже! — Но, господа, не уже ли никто и никогда не вразумитъ ее, что Богъ не создалъ ее трагическою актрисою?« — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, стараясь разсуждать руками логически. »Если бы, напримѣръ, я былъ увѣренъ, что я не трагическій поэтъ, то...

— Все-таки взялись бы вы передѣлывать этого нелѣпаго *Фритгіофа*, или, какъ бишь...

»*Гаконъ-Ярля*? Да, господа, это чудная пьеса!

— Что въ ней чуднаго?

»Не уже ли ваша Парижская бойня лучше?«

— На понятія, М. Г., понятія о драматическомъ искусствѣ...

Тутъ раздались голоса въ смѣшенномъ шумѣ со всѣхъ сторонъ:

— »Трагедіи нѣтъ уже болѣе!« — Вздоръ! А Шекспиръ, а Кальдеронъ? — »Ахъ! какой вздоръ!« — Напротивъ, теорія мирится только въ наше время съ практикою. — »Позвольте мнѣ сказать: я утверждаю, что это противъ всѣхъ правилъ перспективы. — Что за нелѣпость!« — Но увѣряю васъ, что Анжело — »Многоммери доказалъ возможность *мистерій* въ наше время«...

Таковы были смѣшенныя слова, вихремъ летѣвшія со всѣхъ сторонъ, и къ нимъ присоединялись еще хохотъ и пѣніе. Директоръ спокойно пилъ свой бокалъ, ожидая, пока пройдетъ этотъ *девятый* валъ поэтическихъ и художническихъ споровъ. Онъ зналъ, что наконецъ всѣ согласятся между собою и съ нимъ, когда уже

не въ состояніи будутъ спорить. Онъ имѣлъ удивительную способность: не пьянѣть, хотя бы у всѣхъ его собесѣдниковъ кружились головы. Теперь поглядывалъ онъ на всѣхъ собесѣдниковъ своими рысьими глазами, и посмѣивался. — Вдругъ служитель подошелъ къ нему, улыбаясь.

— Что ты? — спросилъ его директоръ въ полголоса, облокотясь локтями на столъ, и продолжая прихлебывать свой бокалъ.

»Тотъ стихотворецъ, что приходилъ къ вамъ два раза, и присылалъ письмо, опять пришелъ.

— Скажи, что мнѣ нѣкогда — отвѣчалъ директоръ, не перемѣняя своего положенія.

Слуга остановился, и не шелъ.

— Что такое еще?

»Онъ слышалъ здѣсь голоса... Двери были нечаянно отперты; онъ теперь въ залѣ — нельзя было не пустить...

— Это отчего? Дуракъ!

»Онъ такъ смѣло вошелъ — его сердитый видъ, слова...

— Пошелъ, скажи ему еще сердитѣе и смѣлѣе, что я дома, но занятъ важными дѣлами. Какъ онъ могъ слышать голоса, болванъ?

»Насъ услышатъ въ десятой комнатѣ,« ска-

залъ одинъ изъ литераторовъ, громко смѣясь. »И для чего мы будемъ скрываться? Вздоръ! Да здравствуютъ Музы и Вакхъ! Gaudeamus igitur... Да, что у васъ тамъ?« продолжалъ съ важностію любимецъ Музъ.

Директоръ не былъ въ это время расположенъ сердиться. Смѣясь, сказалъ онъ, что *какой-то поэтъ* навязывается къ нему на шею съ *трагедіею;* что онъ, годъ тому, присылалъ уже къ нему одну трагедію, а теперь состряпалъ другую; приносилъ ее; не былъ принятъ; прислалъ письмо; приходилъ еще, и теперь еще разъ явился.

— Трагедія? — воскликнулъ трагическій актеръ. — Какъ! Что такое? Что за трагедія? Когда была она прислана?

»Вздоръ, mon cher! Помнишь толстую тетрадь: *Ріэнзи,* которую мы съ тобою бросили не читавши?

— А, *Ріэнзи!* — проговорилъ актеръ, отворачиваясь. — Что за сюжетъ! Богъ знаетъ что за глупое имя! Кто знаетъ этого Ріэнзи! Еще бы назвать героя трагедіи Конфуціемъ!...

»Ахъ! невѣжда! Кто же не знаетъ великаго *Ріэнзи,* послѣдняго Римлянина въ Римѣ?« вос-

кликнулъ литераторъ. »А нынѣшній предмѣтъ новаго поэта?

— *Арминій* — отвѣчалъ директоръ, усмѣхаясь. — Да это пустяки, господа, о которыхъ не стоитъ труда говорить.

»Какъ: не стоитъ труда говорить? *Ріэнзи, Арминій* — великія имена! Это какой-то пѣвецъ героевъ дикой независимости!«

Онъ захохоталъ во все горло. — Господа! сюда, сюда: клянусь моимъ послѣднимъ, водевилемъ, дѣло важное! Явился новый поэтъ; пишетъ по трагедіи въ мѣсяцъ; славитъ Ріэнзи и Арминія. И нашъ директоръ отвергаетъ новаго генія, не хочетъ слышать объ немъ, бросаетъ подъ столъ его *Ріэнзи!* Господа! честь Феба и Музъ оскорблена: Поэзія стоитъ въ передней и ее не пускаютъ сюда, въ святилище Музъ и Грацій, когда она, голодная, слышитъ звонъ бокаловъ и нашу застольную пѣсню. Я протестую!

— Полно шалить, повѣса!

»Протестую!« вскричалъ водевилистъ громче, вскакивая со стула и переворачивая его спинкою къ столу. »Вотъ моя трибуна!«

— Шалите....

»*Hear, hear!*« раздалось между собесѣдниками.

— Дѣло на голоса: въ передней стоитъ поэтъ съ огромною трагедіею. Директоръ нашъ долженъ призвать его немедленно. Кто согласенъ, подыми руку!

Со смѣхомъ, всѣ подняли руки.

»Браво, друзья Музъ и Поэзіи, браво! — Г-нъ директоръ! вы обязаны повиноваться!

— Пожалуй — отвѣчалъ онъ — да, что вамъ за охота! Только не продолжайте долго шутки, и прошу васъ не тратить моего хорошаго вина голодному сыну Мельпомены. — Попроси къ намъ этого стихотворца.

Слуга вышелъ. — »Въ порядокъ, à l'ordre, Messieurs!« закричалъ трагическій актеръ.

— Не встрѣтить ли его маршемъ — спросилъ капельмейстеръ — маршемъ изъ Валленштейна: *Гремитъ труба! Развиты знамена на бранный бой!*

Всѣ захохотали, поправили свой нарядъ, чинно усѣлись къ столу, и взаимно уговаривались не смѣяться.

Скромно, тихо и благородно вошелъ Вильгельмъ въ комнату: это *онъ* стоялъ въ передней директора. Вильгельмъ одѣтъ былъ въ свой праздничный черный фракъ, старомоднаго покроя, но чистый и опрятный. Подъ рукою его видна

была огромная тетрадь. Въ замѣшательствѣ посмотрѣлъ бѣдный пришелецъ на веселое товарищество, на бутылки, десертъ, сигарки, трубки, стаканы, бокалы, разставленные и разбросанные по столу. Вообще непривыкшій къ обществу, недумавшій попасть въ разгульную бесѣду директора и друзей его, онъ казался смущенъ, неловокъ; его блѣдное лицо покрылось румянцемъ.

»Извините, М. Г.,« началъ директоръ, небрежно вставая съ своего мѣста,« извините, что я принимаю васъ въ обществѣ моихъ друзей и товарищей... Стулъ, г-ну.... Позвольте спросить ваше имя... я, право, забылъ....

— Рейхенбахъ. Мое имя такъ неизвѣстно, что вы имѣли полное право забыть его, г-нъ директоръ.

»Рейхенбахъ?« сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ. — »Боже мой! Да не ваше ли было прелестное стихотвореніе: *Брокенъ*, въ альманахѣ — какомъ бишь....

— Въ *Ураніи* — отвѣчалъ Вильгельмъ, смѣшиваясь еще болѣе — напечаталъ я эту бездѣлку.

»Позвольте намъ всѣмъ рекомендовать себя вамъ, г-нъ Рейхенбахъ. Г-нъ директоръ! это ваше дѣло.

— Да, позвольте вамъ рекомендовать моихъ друзей и товарищей, г-нъ Рейхенбахъ. Вотъ г-нъ Вейссе, сочнитель оперы: *Чортовъ Мостъ*. — Вотъ г-нъ Шперлингъ, нашъ Скрибъ, и г-нъ Лупницъ, нашъ Мелевилль и Ансело. — Вотъ нашъ Тальма. — Вотъ нашъ Россини....

Всѣ шумно встали, окружили Вильгельма, жали ему руку, просили его удостоить ихъ знакомствомъ. Онъ не зналъ: дурачатъ ли его, или не шутя хотятъ обласкать.

— Музы были сестры и поэты должны быть братья! — вскричалъ Шперлингъ — обнимемся, г-нъ Рейхенбахъ, и не прикажете ли заздравный кубокъ? — Обнимая Вильгельма, онъ вытолкнулъ изъ-подъ руки его свертокъ бумагъ. Другіе бросились поднимать, и съ усиліемъ положили свертокъ на столъ. Буффъ, сидя на концѣ стола, казался испуганнымъ, смотря на свертокъ. »Отъ него-такъ и пахнетъ могильною сыростью: видно, что герой заплѣсневѣлъ въ вѣкахъ«.... шепталъ онъ. Едва удерживались отъ смѣха другіе, окружавшіе буффа.

»Извините, я не могу теперь пить вина«.... отвѣчалъ Вильгельмъ.

— Развѣ вы еще не обѣдали? — насмѣшливо спросилъ Шперлингъ.

Вильгельмъ не отвѣчалъ ему, и обратился къ директору. »Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, г-нъ директоръ, и извините, что я безпокою васъ въ вашей дружеской бесѣдѣ.« Кровь вступила въ лице Вильгельма. Онъ зналъ имена ничтожныхъ писакъ, окружавшихъ директора, кропателей водевилей, передѣлывателей драмъ, подрядчиковъ альманачныхъ. Изъ шептанья, взглядовъ, усмѣшекъ, онъ понялъ наконецъ, что его хотятъ дурачить; онъ замѣтилъ удерживаемый смѣхъ, слышалъ оскорбительныя полуслова, и понималъ свое странное, жалкое положеніе. Но что было ему дѣлать? Изъявить негодованіе, вступиться за свое оскорбленіе? Но *Арминій* была его *послѣдняя, единственная* надежда — *одно* и *все,* съ чѣмъ соединялось его будущее, его счастіе, судьба Генріэтты его, участь матери. И притомъ, что же вышло бы изъ его негодованія? Надъ нимъ посмѣялись бы, его прогнали бы, когда и теперь его впустили изъ милости къ директору, два раза непринимавшему его, неотвѣчавшему на письмо, которымъ Вильгельмъ спрашивалъ объ участи трагедіи своей: *Ріэнзи,* за годъ до того времени посланной въ дирекцію, предлагая притомъ новую свою трагедію. Онъ чувствовалъ и сознавалъ свое

собственное достоинство; но что́ же слѣдовало изъ этого сознанія? Только сильнѣйшее чувство униженія. Вильгельмъ видѣлъ себя бѣднаго, презираемаго — сказать ли все? — *полусытаго*, передъ этими веселыми, красными, разгульными людьми, передъ насмѣшливымъ взоромъ директора, отъ котораго зависѣла теперь вся его участь. Если отвергнутъ *Арминія* — что дѣлать ему? Напечатать свое созданіе, передать его суду публики, ѣхать съ нимъ въ другой городъ? Но́ гдѣ взять денегъ, и какъ оставить Генріэтту, и переживетъ ли все это Вильгельмъ?

Мрачно показалось Вильгельму въ эти минуты его бытіе; душенъ былъ для него воздухъ въ этихъ свѣтлыхъ, прекрасно убранныхъ комнатахъ, среди шумнаго разгула литераторовъ и артистовъ, когда за нѣсколько дней онъ такъ счастливъ, такъ доволенъ былъ съ своею мечтою, стоя на грязномъ троттуарѣ подлѣ окошка Генріэттина жилища. . . . Слезы невольно навернулись на его глазахъ.

Какъ противоположны *мечта* и *существенность* въ жизни человѣка!

— О чемъ же угодно вамъ поговорить со мною, любезный поэтъ? — сказалъ директоръ. — Мо-

жете говорить при всѣхъ; ваши дарованія не должны быть тайною. . . .

»Одинъ взоръ г-на Рейхенбаха обнаружилъ бы эту тайну,« примолвилъ Вейссе, допивая свой бокалъ.

— Не знаю, что обнаруживаетъ вамъ взоръ мой — отвѣчалъ Вильгельмъ, едва удерживая себя — но. . . Онъ опять обратился къ директору: — Я хотѣлъ предложить вамъ мою трагедію, м. г.

»Ее надобно прежде *прочитать.*« Послѣднее слово произнесъ директоръ протяжно. »Какъ вы думаете объ этомъ, мой милый Иффландъ?

— Я не имѣю времени — отвѣчалъ трагическій актеръ — вы сами знаете, что мой репертуаръ полонъ на цѣлый годъ. И притомъ, трагедіи нынѣ вовсе не въ ходу.

»И ловко ли будетъ представлять *Арминія* въ наше время? Даже позволятъ ли?« прибавилъ Шперлингъ.

Горестно, но скрывая горесть свою, протянулъ руку Вильгельмъ къ своему свертку.

— Куда же вы спѣшите, г-нъ Рейхенбахъ — посидите съ нами — побесѣдуемъ о литературѣ, о поэзіи. . . .

»Извините, что вы не застали нашего завтрака.

Прошу васъ быть знакомымъ. Гдѣ вы живете, г-нъ Рейхенбахъ?

— Я живу въ улицѣ Черной Овцы — твердо произнесъ Вильгельмъ — въ домѣ столяра Штуля. — Если принимать позоръ, то принимать его весь — подумалъ онъ, и прибавилъ : — Обстоятельства мои принуждаютъ меня довольствоваться такою бѣдною квартирою.

»Въ бель-этажѣ?« спросилъ Шперлингъ, прищуривая глаза.

— Нѣтъ! въ 4-мъ этажѣ.

»Полно, господа!« шепнулъ директоръ. »Что вамъ за охота продолжать такую глупую шутку?«

— Постойте, мы его разсердимъ; это будетъ уморительно — отвѣчалъ ему тихо Шперлингъ.

»Онъ и безъ того уже сердится, и если бы....

Слова директора перервалъ слуга, поспѣшно вошедшій въ комнату. »Служитель г-жи Элеоноры,« сказалъ онъ.

— Гдѣ, гдѣ? — заботливо спросилъ директоръ, вставая съ мѣста.

»Въ передней, и говоритъ, что сама г-жа Элеонора, возвращаясь съ прогулки, идетъ въ слѣдъ за нимъ, и непремѣнно хочетъ съ вами видѣться.

— Ну, такъ — я это предчувствовалъ — бу-

детъ буря! — вскричалъ директоръ. — Бѣги скорѣе, проси, отвори дверь въ залу — ступай, спѣши!

Служитель побѣжалъ, и въ растворенную дверь увидѣли мелькнувшаго служителя Элеоноры, въ богатой ливреѣ.

Нàскоро поправился директоръ и побѣжалъ въ боковую комнату. »На помощь, господа, на помощь нашему меценату!« сказалъ Вейссе, оправляясь передъ зеркаломъ. »Она не придетъ даромъ; выручимъ нашего Плутуса - Фебуса!« Всѣ вставали изъ-за стола, спѣшили къ зеркаламъ, бросали трубки, поправляли волосы и наряды. Между тѣмъ въ ближней комнатѣ былъ уже слышенъ громкій разговоръ: женскимъ голосомъ, сердито, говорилъ кто-то множество упрековъ; директоръ учтиво въ чемъ-то оправдывался. Всѣ собесѣдники, кромѣ капельмейстера, ушли къ разговаривавшимъ.

Смѣшно стало теперь Вильгельму, и онъ забылъ свое горе. Онъ оставался въ опустѣлой комнатѣ, среди безпорядка бутылокъ, стакановъ, трубокъ, стульевъ. Его *Арминій* лежалъ тутъ же на столѣ. Вильгельмъ слышалъ, какъ гордѣливость директора и важность его собесѣдниковъ уничтожалась между тѣмъ отъ прихотей

гордeливой актрисы, говорившей повелительно, какъ будто она была на сценѣ, и представляла какую нибудь театральную королеву.

— Чего жъ ждать мнѣ? — думалъ Вильгельмъ. — Остаться ли слушать эти сплетни закулисныя, и имѣю ли я на это право? Но директоръ не сказалъ мнѣ ничего рѣшительнаго, и мой уходъ будетъ рѣшеніемъ судьбы моего *Арминія,* и — *моей!* — Тяжело вздохнулъ Вильгельмъ. — Святая, великая Поэзія, ты безсмертное искусство, свѣтлое именами Омировъ и Шекспировъ! до чего ты унижено . . .

»Вы пишете стихи, какъ я замѣчаю?« кто-то спросилъ Вильгельма. Онъ оборотился и увидѣлъ капельмейстера. — »Простите нескромный вопросъ,« важно продолжалъ капельмейстеръ, »но мы, кажется, можемъ быть полезны другъ другу, м. г. — Я могу сдѣлать для васъ многое у г-на директора, и, если бы потребовалось, то и у самого г-на вице-суперъ-директора. Вопреки злымъ критикамъ, обругавшимъ мою послѣднюю оперу, я рожденъ возстановить вкусъ къ истинной музыкѣ въ Германіи. Этотъ воздушный Россини, этотъ пачкунъ Майербергъ — вздоръ, сударь, вздоръ! Міръ забылъ объ истинной оперѣ, міръ оглу-

пѣлъ... Вы слышали мой послѣдній водевиль: *Женскій чепчикъ!* Вотъ свѣтлая заря того, что намъ надобно!

— На аффишѣ было однакожъ сказано, что *музыка набрана изъ разныхъ авторовъ* — улыбаясь, отвѣчалъ Вильгельмъ.

»Что же дѣлать съ дураками, если они видятъ то, чего нѣтъ, и не понимаютъ, что я возвысилъ, облагородилъ музыку этой дряни, Оберовъ, Майербергов, Герольдовъ, моими заимствованіями. *Набрана!*... *Завоевана*, надобно-бъ было сказать..: Но, словомъ: мнѣ надобенъ текстъ для новой оперы, текстъ дьявольскій, съ привидѣніями, съ духами, съ чертями — сверхъестественное необходимо въ оперѣ. — Если бы вы не задорожились... Этотъ дуракъ Шперлингъ проситъ съ меня, подумайте, 100 талеровъ!

— О святая Поэзія! гдѣ я? На рынкѣ, гдѣ торгуютъ тобою! — думалъ Вильгельмъ.

Онъ молчалъ, хотя капельмейстеръ продолжалъ ему свою болтовню объ оперѣ, о музыкѣ, о планѣ. Разговоръ въ ближней комнатѣ невольно увлекалъ все вниманіе Вильгельма; тамъ говорили такъ громко, что онъ не могъ проронить ни одного слова.

— Вы слишкомъ зазнались, господинъ директоръ театра; пора напомнить вамъ, что благородные артисты не рабы ваши; что есть люди, которые защитятъ ихъ отъ вашихъ своевольствъ и капризовъ!

»Но, разсудите, сударыня, какъ же могу я удалить дѣвицу Жеоржетту и гдѣ найду я переводчика, который бы такъ скоро могъ перевесть для васъ эту трагедію? И, повѣрьте мнѣ, что она не произведетъ эффекта на сценѣ....

— Какъ же вы смѣли прислать ко мнѣ вашъ отвратительный фарсъ?

»Но онъ выдержалъ въ Парижѣ сто репрезентанцій.

— Хоть бы тысячу! Какъ вы смѣли, спрашиваю я васъ?

»Но вы меня рѣжете, г-жа Элеонора: это лучшая моя роля изъ новыхъ пьесъ — говорилъ трагическій актеръ.

— И что же мнѣ теперь прикажете дѣлать съ моимъ *Цимбелиномъ*, который совсѣмъ готовъ? — возражалъ директоръ.

»Сожгите его, бросьте его! Гадкій переводъ! Я не хочу слышать...

— Но деньги за него...

»Какъ смѣете вы говорить мнѣ о вашихъ

деньгахъ? Развѣ я должна входить въ ваши мелочные расчеты и спекуляціи? — Я отказываюсь отъ васъ, м. г. и мы увидимъ, мы увидимъ! А вы, г-нъ Вейссе, за вашу послѣднюю глупую пьесу, можете навсегда раскланяться съ репертуаромъ: я говорю вамъ это — слышите ли вы — я говорю!

— Не угодно ли будетъ вамъ, сударыня, взглянуть на произведеніе одного молодаго поэта — возвысилъ въ это время голосъ свой Буффъ, произнося слова свои съ комическою важностію. — О, вѣрно, вы увидите въ этой новой звѣздѣ нашего Парнасса нѣчто вдохновительное, высокое, дышущее поэзіею Шекспировъ, Гёте и Шиллеровъ!

»Убирайтесь прочь съ вашею нелѣпою шуткою, господинъ Пумперникель!

— Я совсѣмъ не шучу, сударыня — продолжалъ Буффъ, съ неизмѣняемою важностью. — Только - что сейчасъ явился этотъ новый геній, этотъ Шиллеръ нашихъ временъ, къ г-ну директору. Онъ, вѣроятно, еще здѣсь...

Дверь вдругъ растворилась настежъ. Этого не ожидалъ Вильгельмъ. Онъ увидѣлъ все собраніе въ другой комнатѣ, директора, гостей его, и Элеонору въ первый разъ въ комнатѣ, не

въ видѣ театральной королевы, какъ случалось ему видать ее прежде.

Элеонора играла довольно рѣдко, хотя всегда занимала первыя роли въ трагедіяхъ и драмахъ. Всѣ говорили, что у нея вовсе не замѣтно было дарованія трагической актрисы, какою упрямо и прихотливо почитала она себя. Говорили еще, что Элеонора красавица, но Вильгельмъ не могъ разсмотрѣть этого изъ отдаленнаго, возвышеннаго райка, и притомъ, посѣщая театръ весьма нечасто, по своимъ финансовымъ обстоятельствамъ, онъ, какъ юноша и поэтъ, увлекался зрѣлищемъ вообще, а не личиками артистокъ. Скажемъ ли еще: бѣдный Вильгельмъ, сочинитель *Аттилы* и *Тамерлана*, безжалостно сожженныхъ имъ, и *Ріэнзи*, брошеннаго дирекціею, никогда не ходилъ въ театръ, если давали трагедію. Трагедія раздирала сердце его оскорбительными мечтами и воспоминаніями, обманутыми надеждами. И притомъ настоящая трагедія почти согнана была со сцены кровавыми передѣлками Французскихъ мелодрамъ, а Вильгельмъ былъ романтикъ, но совсѣмъ не романтикъ въ родѣ Ансело Пиксерекура съ товарищами.

Словомъ: взглядъ на Элеонору имѣлъ для

Вильгельма всю цѣну новости, а мысль, что его шутовски хотятъ представить этой извѣстной любимицѣ перваго министра, взбѣсила и безъ того раздраженное его самолюбіе.

— Они хотятъ унизить меня — думалъ онъ, задыхаясь отъ досады — но я унижу ихъ моею благородною увѣренностью въ томъ, что я *поэтъ*, и чувствую свое назначеніе *быть поэтомъ!*

»Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте сюда, г-нъ Рейхенбахъ« — сказалъ ему Буффъ, низко кланяясь. — Директоръ, въ величайшемъ замѣшательствѣ, стоялъ у столика, сложа руки, и не препятствовалъ шуткѣ своего Пумперникеля.

Твердо, съ лицомъ, которое оживило негодованіе, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уничтожить глупую насмѣшливость этихъ Пигмеевъ своею благородною гордостью, Вильгельмъ взялъ своего *Арминія*, и вошелъ въ комнату, гдѣ находились директоръ, Элеонора, собесѣдники ихъ.

— Не знаю, м. г. — сказалъ онъ директору — не знаю, съ вашего ли дозволенія призванъ я сюда; но вамъ не угодно было сказать мнѣ ничего рѣшительнаго, и я почелъ неучтивостью уйдти не получивъ вашего послѣдняго отвѣта.

Странное измѣненіе произошло въ это время въ выраженіи лица и словахъ Элеоноры. Директоръ не успѣлъ еще ничего отвѣчать Вильгельму, какъ она вдругъ сама вмѣшалась въ рѣчь, и сказала, обращаясь къ директору: »А какой отвѣтъ готовили вы, г-нъ директоръ?«

Вильгельмъ изумился, слыша этотъ голосъ: онъ былъ тихій, кроткій, дрожащій. »Не уже ли это говоритъ та дерзкая женщина, которую слышалъ я за минуту передъ этимъ?« Онъ съ любопытствомъ обратилъ глаза на Элеонору, и видъ ея изумилъ Вильгельма еще болѣе, нежели изумило его неожиданное измѣненіе голоса Элеоноры.

Если бы кто хотѣлъ выразить всю вещественную красоту древней Гречанки, ожививъ ее всею Итальянскою пылкостью души, тому надобно-бъ было взять Элеонору въ образецъ. Не совсѣмъ бѣлое, но прелестное, правильное лицо, съ пламенными Итальянскими глазами, съ щеками, горѣвшими небомъ Италіи, съ черными волосами, падавшими въ густыхъ локонахъ изъ-подъ шляпки; ростъ не большой, но удивительная стройность; ножка, которой позавидовала бы любая изъ Англичанокъ; и при всемъ этомъ простой, но самой щегольской на-

рядъ, выбранный самымъ искуснымъ кокетствомъ, самымъ тонкимъ знаніемъ того, что идетъ къ лицу и можетъ нравиться; и выраженіе какого-то вдохновеннаго чувства во взорѣ, устремленномъ на Вильгельма, и молодость, цвѣтущая розами, и благородная, величественная осанка... Такова явилась *Элеонора.*

Съ изумленіемъ, забывъ все его окружавшее, смотрѣлъ на Элеонору Вильгельмъ, и готовъ былъ сказать ей: »Созданіе очаровательное! неуже ли ты *Элеонора,* ты любимица этого старика-министра, та безчувственная *Клеопатра* и холодная *Текла,* которую видалъ я на сценѣ; та дерзкая женщина, которую слышалъ я за минуту? Не обманывай меня: ты *не та* Элеонора; ты какая-то пламенная Поэзія, оживлявшая духъ пѣвцовъ Востока и Италіи!«

Элеонора опустила глаза свои въ землю, какъ будто ей невыносимъ былъ устремленный на нее взглядъ Вильгельма.

Рысьи глаза директора быстро обратились на Вильгельма, перебѣжали къ Элеонорѣ, опять мелькнули на него и на нее; едва замѣтная улыбка появилась на его губахъ. Казалось, что онъ понялъ *что-то,* непонятное, можетъ быть,

ни Вильгельму, ни Элеонорѣ, ни другимъ свидѣтелямъ.

— Не уже ли вы сомнѣвались въ отвѣтѣ моемъ, сударыня? — отвѣчалъ директоръ, безъ всякаго замѣшательства, съ величайшею вѣжливостью. — Можетъ быть, никто не оцѣняетъ такъ хорошо прекрасныхъ дарованій г-на Рейхенбаха, какъ оцѣняю ихъ я. Къ сожалѣнію, весьма недавно онъ удостоилъ меня своимъ личнымъ знакомствомъ, и я осмѣливаюсь гордиться этимъ.

Теперь съ изумленіемъ оборотились взоры всѣхъ, кромѣ Элеоноры, на директора, съ изумленіемъ, потому что голосъ его совсѣмъ не выражалъ шутки, или насмѣшки, но глубокое чувство почтительности и вѣжливаго уваженія. — »Безстыдный лжецъ и насмѣшникъ!« готовъ былъ сказать ему Вильгельмъ. — Что ты: дурачишь насъ, или самъ ты сошелъ съ ума? — готовы были закричать другіе.

Дерзкій болѣе всѣхъ, Шперлингъ насмѣшливо обратился къ директору съ словами: »Кажется, вы не такъ говорили, еще недавно?«

— И не уже ли вы не поняли *мистификаціи*, какую приготовили *мы* вамъ съ г-мъ Рейхенбахомъ? Не уже ли вы не замѣтили, кто

игралъ комическую роль въ нашей комедіи? Это предметъ вамъ для водевиля, г-нъ Шперлингъ! — Онъ дружески взялъ Вильгельма за руку, и представляя его Элеонорѣ, сказалъ: »Рекомендую вамъ, сударыня, г-на Рейхенбаха. Я уже давно имѣлъ удовольствіе знать одно изъ его твореній; но мнѣ пріятно познакомиться теперь съ его новымъ, прекраснымъ созданіемъ.

При этихъ словахъ директора, не просто изумленіе, но совершенно глупое удивленіе было на всѣхъ лицахъ. Даже Буффъ смѣшался и забылъ свою шутливость, а трагическій актёръ походилъ на Жокрисса, а не на Гамлета.

Въ странномъ какомъ-то замѣшательствѣ молчала Элеонора, хотѣла что-то говорить Вильгельму, и не могла; щеки ея алѣли лихорадочнымъ жаромъ. »Г-нъ Рейхенбахъ... я рада«... Только эти слова, и то едва внятныя, могла она выговорить.

— Признаюсь, сударыня — продолжалъ директоръ, опять не показывая ни малѣйшаго замѣшательства. — Вашъ гнѣвъ такъ смѣшалъ меня, что я забылъ о новомъ твореніи г-на Рейхенбаха, какъ будто нарочно созданномъ для васъ, какъ будто поэтъ, создавая его, вдохновлялся вами!

Всѣ молчали. Вильгельмъ ничего не понималъ въ этой перемѣнѣ обхожденія директора, и не имѣлъ силы ни возражать, ни уличить его въ безстыдной лжи, ни даже сказать что нибудь. Неожиданная встрѣча съ Элеонорою и этотъ, еще болѣе неожиданный поступокъ директора, привели его въ какое-то странное состояніе.

— Другимъ казалось въ это время, что они слишкомъ много выпили за завтракомъ и одурѣли.

— Могу ли узнать: какое сочиненіе, г-нъ Рейхенбахъ, дарите вы нашей сценѣ? — спросила наконецъ Элеонора, задумчиво.

»Я написалъ трагедію: *Арминій.*

— Еще такъ рано — сказалъ директоръ, взглянувъ на часы. — Сударыня! позвольте мнѣ попросить васъ сѣсть на этомъ диванѣ, сюда, къ столу — кстати, здѣсь и любезный нашъ Тальма (онъ пожалъ руку трагическому актёру), и г-да литераторы. Пумперникеля нашего можемъ мы уволить. Попросимъ г-на Рейхенбаха прочесть намъ хотя начало его *Арминія.*

»Я готова слушать, если только снисходительный поэтъ не затруднится исполненіемъ нашего общаго желанія. . . .

Вильгельму показалось, что онъ вдругъ перенесенъ въ какой-то новый міръ. Онъ отвѣчалъ поклономъ. — Директоръ спѣшилъ уставить стулья, усадить слушателей; придвинулъ большія кресла къ столу для Вильгельма; снова просилъ Элеонору сѣсть на диванѣ. Съ волненіемъ сердца развязалъ Вильгельмъ свертокъ свой, не смѣлъ никуда взглянуть, и началъ читать.

Чтеніе! Мы читаемъ, или *свое*, или *чужое*. О чтеніи *чужаго* — ни слова; но кто не обвиняетъ поэтовъ и прозаиковъ за то, что они слишкомъ любятъ читать *свое?* И въ самомъ дѣлѣ, люди правы: какой писатель не надоѣдаетъ другимъ читаньемъ своихъ произведеній? И какой, самый осторожный литераторъ, особливо поэтъ, не попадется на самую грубую приманку, и не готовъ прочитать всякому свое созданіе? — Но, вините послѣ сего самихъ себя, что вы не понимаете наслажденія: читать другимъ свои стихи и прозу. Вините женщину, что она никогда не откажется показать свои наряды; смѣйтесь надъ богачемъ, что онъ никогда не пропуститъ случая поговорить, что онъ человѣкъ *не бѣдный;* жалуйтесь на дѣвушекъ, что онѣ не пройдутъ мимо зеркала, не посмотрѣвшись въ него; браните отцовъ и матерей, что они всегда

ради похвастать передъ вами дарованіями своихъ дѣтей, и сто разъ готовы заставить какихъ нибудь мальчишекъ своихъ читать вамъ наизустъ басню Крылова, и каждый разъ у нихъ навертываются слезы на глазахъ. . . .

Друзья мои! что не смѣшно въ мірѣ? Но, да будетъ проклятъ насмѣшливый языкъ, если онъ оскорбитъ добродушное, безвредное, невинное заблужденіе человѣческое; если онъ осудитъ отцовъ и матерей за щегольство дѣтьми, красавицъ за глядѣнье въ зеркало, и — поэтовъ за чтеніе своихъ стиховъ!

Переселитесь въ душу отца и матери, въ душу красавицы, въ душу поэта: мнѣ жаль васъ, если и тогда не простите вы всѣмъ имъ добродушнаго ихъ заблужденія. . . .

Мечту любви, оживотворенную въ малюткѣ, это возрожденіе отца въ дочери, въ сынѣ — видѣть ихъ, видѣть, какъ они продолжаютъ наше бытіе, какъ небесный даръ разума оживляетъ ихъ, и не радоваться, и не забывать при этомъ мелкихъ приличій, людскаго самолюбія, бояться *быть смѣшнымъ* при наслажденіи нашемъ . . . . Будемъ смѣшны — пусть только дозволятъ намъ *быть счастливыми!*

И поэту ли не простить его чтенія! Тайная

дума его, усладительная мечта его, облеклись въ тишинѣ его уединенія въ плѣнительныя формы и очаровательные звуки — и онъ не будетъ всегда готовъ передать ихъ каждому, подѣлиться съ каждымъ своимъ наслажденіемъ? Онъ будетъ всматриваться въ хитрую улыбку вашу, будетъ замѣчать зѣвающій ротъ своего слушателя? Онъ угадаетъ, что вы забавляетесь надъ его самолюбіемъ, заставляя его читать вамъ свои стихи? Вы требуете невозможнаго!

Надъ чѣмъ не смѣялись люди? Что такое, самое святое душѣ человѣческой, не отравляли они ядомъ насмѣшки? И знаете ли, что чѣмъ выше предметъ, тѣмъ легче надъ нимъ смѣяться, и что только одинъ шагъ раздѣляетъ *великое* отъ *смѣшнаго*, по словамъ Наполеоновымъ?

Другъ души моей, поэтъ, чадо мечты и добродушія! читай мнѣ свои стихи, читай, какъ дитя, не думая о насмѣшкѣ людей, и торжествуй, если ты своимъ добродушнымъ послушаніемъ уничтожаешь жалкое, бѣдное намѣреніе ихъ — посмѣяться надъ тобою!

Но какъ, однакожъ, допустить въ умномъ человѣкѣ такое незнаніе людей, что онъ не видитъ, когда они нагло дурачатъ его?

Не всякій человѣкъ поэтъ, а всякій поэтъ

человѣкѣ. Умъ принадлежитъ въ немъ человѣку, а безуміе поэту. Вы берете его въ минуту сумасшествія; вы касаетесь именно той точки, на которой онъ помѣшанъ.

Не только предметъ свободнаго досуга и наслажденія составлялъ *Арминій* для Вильгельма — нѣтъ! съ *Арминіемъ* соединялись у него вся жизнь, вся будущность, вся судьба всего, что было для него мило и драгоцѣнно на свѣтѣ. *Арминій* долженъ былъ рѣшить для Вильгельма важный вопросъ: ошибся ли онъ, или нѣтъ, почитая поэзію своимъ назначеніемъ, пожертвовавъ ей всѣмъ, претерпѣвая для нея убійственную бѣдность, гоненіе судьбы, упреки людей, соединяя съ нею всѣ надежды свои? И вдругъ его *Арминія* хотятъ слушать, и кто же хочетъ слушать? Тотъ, отъ кого зависитъ участь этого созданія, и женщина, взоръ которой изумилъ и очаровалъ Вильгельма! И вы хотите, чтобы онъ и послѣ того расчитывалъ: не смѣются ли надъ нимъ, заставляя его оживить *Арминія* своимъ чтеніемъ? Чтобы онъ вспомнилъ, какъ недавно еще насмѣхались надъ нимъ эти люди, готовые теперь внимательно слушать его? Чтобы онъ могъ замѣтить коварную улыбку какого нибудь Шперлинга, или гримасу Буффа, или

скуку поставщика мелодрамъ Вейссе? — Вы всего этого требуете? Да, это невозможно! Я не хочу и говорить съ вами: вы *не поэтъ*. Вы *не писали*, вы никогда *не читали* своихъ стиховъ!

Все, что мы говоримъ, мелькнуло на одно мгновенiе въ душѣ Вильгельма. Но мысль: уничтожь ихъ своимъ вдохновенiемъ — стерла съ души его всѣ мимолетныя сомнѣнiя.

Тихо, робко, боязливо прочиталъ Вильгельмъ первое явленiе своего *Арминiя*, и взглянулъ на директора и Элеонору: вниманiе изображалось на лицѣ директора; какое-то забвенiе самой себя увидѣлъ Вильгельмъ на лицѣ Элеоноры. Ея глаза сверкали, устремленные на поэта; ея щеки свѣтились вдохновенiемъ. И этотъ пожаръ души, какъ электрическая сила, перешелъ въ душу Вильгельма. Всѣ безмолствовали. Онъ не видалъ сидѣвшихъ по сторонамъ его и назади, Вейссе, Шперлинга, Лупница и ихъ товарищей. Вильгельмъ всегда читалъ порядочно, потому что всегда читалъ просто, какъ внушало ему внутреннее его чувство. Но теперь онъ превзошелъ самого себя. »Далѣе!« промолвила Элеонора, когда кончилось *первое* дѣйствiе. — Ради Бога, продолжайте! — воскликнулъ директоръ. — Вильгельмъ продолжалъ. И когда кончилось *вто-*

рое дѣйствіе приходомъ Арминія въ станъ Римскій, когда онъ, забывая и отчизну и побѣду, все отдаетъ за Веледу свою, полоненную Римлянами, и вдохновенная Веледа отвергаетъ его жертву — громкія рукоплесканія загремѣли въ комнатѣ; Элеонора закрыла глаза платкомъ; утомленный Вильгельмъ бросилъ тетрадь свою на столъ.

— Вы согласны, сударыня, принять ролю въ *Палачѣ?* — Я превзойду себя въ ролѣ Арминія! — тихо сказалъ въ это время трагическій актёръ Элеонорѣ.

»Согласна, только играйте Арминія,« отвѣчала она.

— Дѣвица Жеоржетта останется на сценѣ; вы возьмете роль Имогены; вамъ не надобно уже перевода той негодной трагедіи? — съ другой стороны тихонько говорилъ ей директоръ.

»Да, да — только возьмите Арминія« отвѣчала она.

Казалось, что согласіе Элеоноры оживило трагическаго актёра. Громко, усердно хлопалъ онъ, и присоединялъ свое: *браво!* къ голосамъ другихъ. Директоръ продолжалъ между тѣмъ говорить Элеонорѣ тихо: »Прошлогодній отчетъ мой . . . . Неудовольствіе Его Высокобаронскаго

Высокопревосходительства... Если бы вамъ было угодно....

— Только возьмите *Арминія!*

»Но если успѣхъ на сценѣ... поддержать... Его Высокопревосходительство....

— Надобно ли говорить вамъ о такомъ вздорѣ?

И голосъ директора, громче всѣхъ, провозгласилъ: »*браво!*

Директоръ вскочилъ, обнялъ Вильгельма и съ восторгомъ говорилъ ему: »Вы отдадите мнѣ вашего *Арминія*, вы отдадите его мнѣ, г-нъ Рейхенбахъ?«

Вильгельмъ, молча, пожалъ ему руку. Какой поэтъ не дитя? — Вильгельмъ не понималъ теперь: какъ сначала показалось ему, будто этотъ человѣкъ надъ нимъ смѣялся, смѣялся и надъ его *Арминіемъ?* Онъ оборотился къ другимъ, и первый Вейссе, съ поклонами, проговорилъ ему: »Поздравляю васъ г-нъ Рейхенбахъ, поздравляю и себя, что такъ нечаянно я былъ однимъ изъ первыхъ, слышавшихъ великое твореніе ваше!«

— И я! — воскликнулъ Шперлингъ.

»Да, ты все время продремалъ!« шепнулъ ему Буффъ.

— Молчи, шутъ! — также тихо отвѣчалъ Шперлингъ.

»Г-нъ Рейхенбахъ« — сказала Элеонора, молчавшая нѣсколько минутъ — »въ первый разъ видѣла я истинное вдохновенiе поэта: оно вдохновитъ и меня. Могу ли просить васъ: позволить мнѣ взять вашу рукопись? Васъ утомило бы чтенiе всей трагедiи, вполнѣ. . .

Вильгельмъ закраснѣлся, неловко поклонился ей, осмѣлился взглянуть на нее. Глаза Элеоноры, какъ два угля горящiе, были устремлены на него, и — онъ содрогнулся невольно! Ему казалось, что они, эти глаза, эти взоры, прожгли тѣло его до души. Въ забытьи смотрѣлъ онъ на Элеонору, и ему мечталась она Веледою Германскихъ лѣсовъ.

»И такъ — я беру вашу рукопись!« сказала Элеонора. Нѣсколько мгновенiй смотрѣла она на рукопись, держа ее въ рукахъ своихъ, какъ будто пожирая ее глазами, завернула потомъ въ батистовый свой платокъ, низко присѣла передъ всѣмъ собранiемъ и, не говоря ни слова, спѣшила уйдти. Директоръ спѣшилъ за нею, разсуждая о чемъ-то съ большимъ жаромъ. Онъ и она вышли изъ комнаты. Вильгельмъ подошелъ къ окну; ему казалось жарко въ комнатѣ; въ головѣ его вертѣлись и мѣшались тысячи мыслей, но среди ихъ образъ Элеоноры не-

подвижно былъ виденъ передъ нимъ: это былъ не тихій, привѣтливый образъ Генріэтты, но какое-то неестественное видѣніе, окруженное пожирающимъ пламенемъ, отъ приближенія котораго вдвое быстрѣе обращалась кровь въ жилахъ Вильгельма, и сердце его трепетало, какъ будто боясь загорѣться и сгорѣть въ бѣшенствѣ непостижимой дотолѣ страсти.

Громко шумѣли между тѣмъ другіе, горячо спорили о чѣмъ-то. Вильгельмъ не слыхалъ ихъ спора. Онъ опомнился только съ приходомъ директора.

— Любезный г-нъ Рейхенбахъ — сказалъ директоръ, взявъ Вильгельма за руку — не угодно ли вамъ пожаловать со мною въ мой кабинетъ?

Они пошли.

Мнѣ хотѣлось бы описать вамъ кабинетъ директора, и поговорить съ вами вообще о *физіономіи* кабинетовъ, сказать вамъ, какъ надобно извлекать характеристику человѣка изъ характеристики его кабинета: искусство, не легче *Мегалинтропогенезіи!* И всего легче ошибиться въ разгадкѣ человѣка по его рабочей комнатѣ. Не рѣдко раскладка бумагъ, пыль на какой нибудь развернутой книжкѣ, засохшее перо — могутъ быть

единственнымъ свидѣтельствомъ ложнаго имени дѣловаго человѣка, въ какое облекается передъ вами хозяинъ самаго загроможденнаго дѣлами кабинета; не рѣдко вы изумитесь стройной системѣ порядка при безпорядкѣ, въ какой по видимому приведенъ передъ вами кабинетъ. А сколько варіацій на эту тему! Кабинетъ *поэта*, кабинетъ *педанта*, кабинетъ *ученаго человѣка*, кабинетъ *дѣльца*, кабинетъ *вельможи* (самое неизъяснимое отдѣленіе изъ всѣхъ въ мірѣ кабинетовъ), кабинетъ *женщины-писательницы* (самое смѣшное отдѣленіе изъ всѣхъ возможныхъ кабинетовъ)....

Но мнѣ нѣкогда. Спѣшу говорить о Вильгельмѣ, который совсѣмъ не думалъ о характеристикахъ и физіономіяхъ кабинетовъ, идя за директоромъ.

»Г-нъ Рейхенбахъ!« сказалъ директоръ, — »простите ли вы мнѣ шутку, какую сыгралъ я съ глупыми моими собесѣдниками?«

Вильгельмъ молчалъ. Казалось, онъ ждетъ, что далѣе будетъ говорить директоръ.

»Не уже ли вы не поняли ее? Не уже ли не поняли, что я проникъ высокое дарованіе ваше, оцѣнилъ его истинною цѣною, и хотѣлъ изумить другихъ — не васъ, божусь Богомъ, не

васъ: вы не изумились бы тому, что сознаете въ прекрасной душѣ своей — хотѣлъ изумить другихъ справедливою данью, какою мы всегда должны генію...

— Мнѣ кажется, что вы и теперь еще шутите, г-нъ директоръ.

»Нѣтъ! не шучу,« съ жаромъ возразилъ директоръ — »нѣтъ! моя душа могла зачерствѣть въ этомъ мірѣ, гдѣ живу я; но чувство Изящнаго сохранилъ я въ душѣ моей, какъ единственный залогъ истиннаго бытія! Мы узнаемъ со временемъ другъ друга лучше, г-нъ Рейхенбахъ; тогда потребую отъ васъ справедливаго обо мнѣ сознанія — можетъ быть, вмѣстѣ съ дружбою, которою вы меня удостоите — теперь объ этомъ ни слова...

— Но моя прежняя присылка къ вамъ?

»*Ріэнзи* вашъ? Не уже ли вы думаете, что онъ не былъ уваженъ мною? Хотите ли видѣть его? Вотъ онъ....

Директоръ растворилъ бюро, потомъ выдвинулъ ящикъ у стола: ни тамъ, ни здѣсь не было *Ріэнзи.* »А! онъ въ томъ бюро, что у меня въ гостиной!« сказалъ директоръ, безъ замѣшательства — »позвольте пойдти мнѣ и взять его....

— Довольно, прошу васъ не безпокоиться. Я желалъ бы только знать: почему вы не удостоили меня даже отвѣта?

»Тутъ была маленькая разсѣянность съ вашей стороны, любезный поэтъ! Куда могъ бы я послать мой отвѣтъ?

— Какъ?

»Вы не приложили вашего адреса.

— Ахъ! да, да! въ самомъ дѣлѣ: я хотѣлъ самъ придти къ вамъ, и не смѣлъ, страшась услышать ужасный приговоръ. Скажу ли? Нетерпѣливо смотрѣлъ я послѣ того на аффишки, но моего *Ріэнзи* не было на аффишкахъ! Я забылъ объ немъ, и принялся за моего *Арминія.*

»Вы живете въ мірѣ мечтаній и вовсе не знаете условій существеннаго міра, гдѣ влачимся мы. Счастливый человѣкъ! Я не могъ отдать на театръ вашей трагедіи, не *договорившись* съ вами, не заключивъ предварительно *условія.* И притомъ, будемъ откровенны, добрый, любезный поэтъ: какъ далекъ былъ вашъ Ріэнзи отъ вашего Арминія!

— Самъ чувствую — вскричалъ Вильгельмъ — онъ былъ недостоинъ одобренія: вы правы, и послѣ такого искренняго признанія, я вѣрю вашей искренности. Знаете ли, г-нъ директоръ?

Теперь, когда въ первый разъ читалъ я другимъ, въ слухъ, мою новую трагедію, я почувствовалъ, какъ много даже и въ ней нелѣпаго, какъ много въ ней худыхъ стиховъ! Знаете ли, что я готовъ бросить ее въ огонь, и писать еще другую, гдѣ вполнѣ могъ бы я высказать все, что таится въ душѣ моей....

»И со временемъ, вы все это выскажете намъ. Но *Арминія* ожидаетъ не аутодафе: его ждутъ плески зрителей и лавровый вѣнокъ творцу его! Нѣтъ! вашъ *Арминій* прекрасенъ. Вы видѣли, какъ слушала его Элеонора; эта дѣвушка — живая поэзія, сама пламенное твореніе поэтическое....

Вильгельмъ вспыхнулъ.

»Женщина, созданная понимать все великое и прекрасное, запутанная въ сѣтяхъ демона, падшій небесный духъ, который просится въ небо,« продолжалъ директоръ, какъ будто не замѣчая замѣшательства Вильгельма. — »Ей сказалась ея прекрасная душа при голосѣ истинной поэзіи. Не дивитесь словамъ моимъ объ Элеонорѣ: ее надобно узнать ближе. Повѣрите ли, что она почитаетъ меня врагомъ своимъ, интригантомъ, и какъ она ошибается!... Но откровенность увлекаетъ меня. Не знаю отъ чего, г-нъ Рей-

хенбахъ, я говорю съ вами, какъ съ старымъ другомъ, какъ будто мы цѣлый вѣкъ были знакомы.

Онъ задумался и тихо прошелся по комнатѣ. »Люди, право, не такъ дурны, какъ они кажутся; они связаны условіями и приличіями; они боятся другъ друга, какъ два человѣка, оклеветанные одинъ передъ другимъ.

Вильгельмъ, растроганный, пожалъ ему руку.

»Обратимся къ прозѣ,« сказалъ директоръ, вздохнувъ. »Г-нъ Рейхенбахъ! вы отдали мнѣ вашу трагедію: скажите условія.

— Условія? Какія условія? —

Вильгельмъ готовъ былъ даромъ отдать своего Арминія, послѣ всего имъ слышаннаго и чувствованнаго. И не уже ли ему назначать талерами цѣну своего созданія?

»Чувствую, что мой вопросъ страненъ для васъ; но какъ же быть. Ваша трагедія написана: теперь она *товаръ* для меня, *директора театра*, а вы *купецъ!*« Директоръ засмѣялся.

Въ это время кто-то кашлянулъ въ углу. Вильгельмъ оборотился и увидѣлъ странную фигурку какого-то старика, котораго и прежде замѣтилъ въ столовой директора. Тамъ сидѣлъ онъ молча, въ концѣ стола. Теперь старикъ этотъ сидѣлъ въ углу за столикомъ и что-то

писалъ, такъ прилежно и молчаливо, такъ углубясь въ свои бумаги, что Вильгельмъ совсѣмъ не воображалъ, чтобы кто нибудь былъ свидѣтелемъ разговора его съ своимъ новымъ знакомымъ.

»Не безпокойтесь,« тихо сказалъ директоръ, замѣтивъ движенiе Вильгельма, »не безпокойтесь: это мой переписчикъ ролей, старый, приверженный ко мнѣ и престранный человѣкъ; настоящая машина. Вообразите, что онъ съ утра до вечера сидитъ за своими ролями; при немъ можете говорить что вамъ угодно — онъ ничего не слышитъ и не понимаетъ; онъ не понимаетъ даже и того, что пишетъ, хотя списываетъ безъ малѣйшей ошибки и можетъ отдѣльно прочитать вамъ тысячи стиховъ и томы прозы.«

Вильгельмъ засмѣялся. »О, что до оригиналовъ, я могу показать вамъ ихъ сотни. Мое дѣло такое: театръ есть что-то выдвинутое немножко изъ мiра обыкновеннаго, что-то между великимъ и смѣшнымъ. У насъ свой желѣзный громъ, своя плауновая молнiя, свои холстинныя небеса; человѣкъ выходитъ у насъ изъ-за кулисъ мудрымъ человѣкомъ и входитъ за кулисы сущимъ глупцомъ; Весталка волочится за молодымъ Китайцемъ; левъ цѣлуется съ Русал-

кою; шалунья Фрина нѣжно кормитъ дитя свое за кулисами, а подлѣ нея стоитъ ея мужъ; и этотъ мужъ, добрѣйшее, прекрасное созданіе — кто бы вы думали? Фальстафъ, Фрейшицъ!

Громко захохотали и директоръ и Вильгельмъ. »Знаю, что вы неопытны въ закулисныхъ тайнахъ и міра и театра, г-нъ Рейхенбахъ, и такъ позвольте мнѣ самому говорить съ вами просто: угодно ли будетъ вамъ взять теперь же за *Арминія* вашего 2000 талеровъ . . .

Вильгельмъ едва не ахнулъ отъ изумленія: 2000 талеровъ, ему, за его Арминія, который составлялъ для него не работу, но наслажденіе — 2000 талеровъ вдругъ, когда тяжкая работа для какого нибудь книгопродавца едва могла доставить ему десятокъ талеровъ въ недѣлю, и послѣ того онъ считалъ еще себя богачемъ! Ему показалось теперь, что весъ міръ упизался вокругъ него талерами . . .

»Знаю,« продолжалъ директоръ, »что цѣна невелика; но разсудите, чего будетъ мнѣ стоить постановка пьесы! Я закажу новые костюмы, новыя декораціи. Впрочемъ, позвольте мнѣ предложить вамъ еще 10-й процентъ, считая

съ 21-го представленія въ теченіе трехъ лѣтъ, или бенефисъ въ пользу вашу. Вы несогласны?

— Предаю всѣ расчеты вашей волѣ, г-нъ директоръ; право, я до сихъ поръ не думалъ объ нихъ.

»Вѣрю, и потому оставьте все это дѣло на моей совѣсти; позвольте мнѣ надѣяться болѣе, что вы удостоите меня вашей дружбы, вашей довѣренности; что вы позволите мнѣ представить васъ Его Высокопревосходительству нашему вице-суперъ директору. Г-нъ Рейхенбахъ! предчувствую блестящее поприще, какое васъ ожидаетъ. Тучи заслоняютъ звѣзду, и люди ее не видятъ; но когда она блеснетъ имъ своимъ привѣтнымъ лучемъ, они готовы преклонять предъ нею колѣна . . .

Глаза Вильгельма блистали радостью.

»Къ дѣлу!« продолжалъ директоръ. Онъ отперъ свою контору, гдѣ Вильгельмъ увидѣлъ множество свертковъ и билетовъ. »Вотъ на двѣ тысячи талеровъ золотомъ.« Онъ вручилъ Вильгельму два небольшіе свертка. »По рукамъ!« Новые знакомцы хлопнули рука въ руку и обнялись. »Теперь, пойдемте къ нашимъ литераторамъ. Мы обѣдаемъ вмѣстѣ; до обѣда прогу-

ляемся на репетицію; вѣрно, вы еще никогда не бывали за кулисами?

— Признаюсь, но извините: я желалъ бы теперь поспѣшить домой...

»Не принуждайте себя, любезный г-нъ Рейхенбахъ. Считайте всегда домъ мой своимъ, и если вамъ въ тягость общество, какое собралось у меня, то вотъ здѣсь вы пройдете прямо на улицу, по другому крыльцу.«

Директоръ остался въ своемъ кабинетѣ, казался разсѣяннымъ, до того, что даже не запиралъ своей конторки; скорыми шагами ходилъ онъ по комнатѣ и съ улыбкою потиралъ себѣ руки; наконецъ опомнился, заперъ конторку, оборотился къ списывателю ролей, который давно ужъ отложилъ свое перо въ сторону и внимательно глядѣлъ на директора.

— Что ты, Шлангенбургъ, смотришь на меня? — спросилъ его директоръ.

»Ничего, м. г. смотрю и дивлюсь. Хоть вамъ и угодно было назвать меня машиною, которая ничего не понимаетъ, однакожъ я могъ понять кое-что.

— Что же ты понялъ?

»То, кажется, что вы вздумали дурачиться. Съ чего влюбились вы въ этого долговязаго сту-

дента? Что̀ вамъ вздумалось кидать деньги ему, неизвѣстному мальчишкѣ, пачкуну стиховъ?

Директоръ засмѣялся.

»Увѣрять его въ дружбѣ, говорить такіе вздоры о людяхъ, о поэзіи, Богъ знаетъ о чемъ?« Старикъ съ досадою взялся за свое перо.

— Слушай, Шлангенбургъ: ты глупъ, и больше ничего!

Искривя ротъ, старикъ улыбнулся.

— Глупъ, говорю я, и прошу не спорить со мною. Ты ничего не понимаешь. Во-первыхъ, трагедія этого *студента* дастъ мнѣ большія деньги: я щедро сѣю, чтобы еще щедрѣе пожать.

»Развѣ она очень хороша?«

— Таки и не дурна. Но надобно ли хорошее для успѣха? Ахъ, ты старый глупецъ! Цѣлый вѣкъ сидитъ за кулисами, и не понимаетъ, что значитъ успѣхъ на сценѣ!

Старикъ замолчалъ, и надувшись принялся писать. Директоръ продолжалъ ходить по комнатѣ, теръ себѣ руки, и говорилъ въ полголоса, обращаясь иногда къ старику!

»Да, да, мысль превосходная! И не будь я достойный ученикъ Его Свѣтлости владѣльца Іоганнисбергскаго, если не проникъ тайны....

Теперь надобно доказать мое умѣнье узнавать людей. Шлангенбургъ! позвать ко мнѣ вечеромъ издателя *Безпристрастнаго;* скажи, чтобы онъ приготовилъ статью, гдѣ навралъ бы великолѣпной чепухи, что онъ слышалъ тайну о какомъ-то новомъ созданіи поэта, доселѣ ненеизвѣстнаго, еще юнаго, но который затмитъ всѣхъ Мюльнеровъ и Грильпарцеровъ, исполненъ Шекспировскаго духа, и прочее, и прочее — да онъ знаетъ, что надобно написать; скажи, что я прибавлю ему два червонца сверхъ обыкновенной условленной платы. Да, напомни завтра же послать открывокъ въ *Моргенблатъ,* съ припискою отъ *издателя,* что онъ привѣтствуетъ новое свѣтило на горизонтѣ Германской Мельпомены.

— Не забуду.

»Да, да, г-жа Элеонора! Кажется, что вы теперь въ моихъ рукахъ, и я расплачусь съ вами за все... Если бы даже ничего не случилось, старики такъ ревнивы; но нѣтъ! я не ошибаюсь! Выправилъ ли ты расчетъ о последнемъ спектаклѣ, Шлангенбургъ?

— Онъ готовъ.

»Пошли вотъ эту записку къ барону Хилею, и, если онъ пріѣдетъ, скажи, чтобы подождалъ

меня; я тотчасъ возвращусь; мы послѣ обѣда вмѣстѣ; скажи, что я досталъ превосходнаго Лафори и дамъ ему выпить цѣлую бутылку.

— Машинистъ Циммерманъ опять просилъ меня напомнить вамъ о деньгахъ.

»Чортъ съ нимъ! Его послѣдній адъ никуда не годится: черти слишкомъ красивы, а змѣя адская похожа на тюленя.

— Жена его умираетъ; говоритъ, что онъ въ отчаяніи.

»Вотъ каково выходить замужъ! Она до сихъ поръ играла бы добродѣтельныхъ на сценѣ... Надобно было еще и за кулисами семейственное счастіе — глупцы!

— Переводчикъ *Саула* Альфіеріева проситъ вашего отвѣта.

»Ничего не могу отвѣчать: Его Сіятельство находитъ неприличнымъ давать пьесу съ Библейскими именами.

— Вѣдь переводъ хорошъ?

»Будто ты знаешь толкъ!

— Говорятъ.

»Онъ точно не дуренъ; да кто велитъ имъ переводить и писать не спросясь! О Боже мой! какъ нелѣпы всѣ эти поэты и когда избавитъ меня Богъ отъ этого сумасшедшаго народа!

Пишутъ себѣ, не думая, можно ли печатать и играть . . .

— А г-нъ Рейхенбахъ?

»Это другое дѣло. Онъ мнѣ надобенъ.« Директоръ остановился. »Новое дарованіе, смѣлая мысль созидать *трагедію*, когда весь міръ сбился на *водевиль*« — да это надобно помѣстить въ статьѣ моего Жоффруа.. — »Оживить духъ Германіи« — это для дураковъ *одного* разряда. »Покровительство великихъ раждаетъ великое« — прекрасно: это для дураковъ другаго разряда« . . . Онъ засвисталъ и вышелъ.

— Два разряда! И только? Не болѣе? Такъ ли полно? — бормоталъ Шлангенбургъ, очинивая перо. — Но что за вымыслы у него? Что за скрытность такая? — Чѣмъ болѣе живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что въ самомъ умномъ человѣкѣ есть порядочный запасъ глупости . . . А онъ не дуракъ. Кто же знаетъ это лучше меня? Охъ! я слишкомъ хорошо это знаю! — Шлангенбургъ вздохнулъ и — началъ новую тетрадку.

ГЛАВА III.

»Лалага! Лалага!« кричала Элеонора, поспѣшно входя въ будуаръ свой и кидаясь на диванъ. Нетерпѣливо дернула она звонокъ, такъ, что онъ едва не оборвался, захлопала въ ладоши, и съ досадой вскочила, когда поспѣшно вбѣжала въ ея комнату молодая Негритянка.

»Тебя вѣчно нѣтъ, когда ты надобна!«

Съ удивленіемъ смотрѣла на нее Лалага. »Что ты дѣлала тамъ?

— Я плела для тебя тотъ коверъ.

»Ахъ! брось его, брось, Лалага! Дай мнѣ спирту!

Элеонора опять бросилась на свой диванъ, и закрыла глаза.

»Сядь здѣсь, Лалага, другъ мой! дай свою руку; посмотри, какъ бьется мое сердце... Ла-

лага! я больна, я нездорова... возьми съ меня эту шаль. Ахъ! кинь ее, не складывай; поди сюда скорѣе, сядь подлѣ меня...

»Послушай, Лалага: въ вашей Африкѣ, на берегахъ вашего знойнаго Джіаллиба, тамъ, гдѣ солнце ходитъ такъ прямо надъ головою человѣка, гдѣ страсти кипятятъ кровь его — скажи, Лалага, умираютъ ли тамъ отъ радости, отъ счастья?

— Почему жъ не умирать? — сказала Лалага, смѣясь и выставляя два ряда жемчужныхъ своихъ зубовъ. — Га! — она весело схлопнула руками — моя тетка умерла, когда ей отдали ребенка, котораго продалъ отецъ вашимъ Бѣлымъ — умерла — схватила, вотъ такъ схватила своего ребенка, захохотала, упала и умерла, умерла...

»Счастливая!« Элеонора оттолкнула Лалагу, закрыла глаза рукою и заплакала судорожно. »А намъ умирать, здѣсь, въ нашихъ болотахъ, въ нашихъ каменныхъ городахъ, умирать отъ нашихъ глупыхъ радостей...

Лалага смотрѣла на Элеонору съ безпокойствомъ, сидя на скамеечкѣ у ногъ ея и сложивъ руки на груди.

»Но, нѣтъ, Лалага! нѣтъ: если бы ты знала,

что теперь въ груди моей — твоя Африка показалась бы тебѣ ледяною глыбою! Этого нѣтъ въ вашей Африкѣ; нѣтъ ни такого огня, ни такого солнца,« говорила Элеонора, быстро наклоняясь къ Лалагѣ. »Не спорь, другъ мой! ты не знаешь, что такое поэтъ; ты не знаешь, что такое Поэзія!

— Я тебя не понимаю.

»Я растолкую тебѣ. Послушай: мы всѣ люди, всѣ мы такъ гадки, глупы, злы, ничтожны ... Но между нами, изрѣдка, вдругъ, появляются какіе-то выходцы изъ другаго свѣта, не такіе, какъ мы, совсѣмъ не такіе! Ихъ освѣщаетъ какой-то не здѣшній свѣтъ, сердца ихъ не изъ здѣшней пыли созданы ... А! они прекрасны, они божественны, Лалага; они поютъ намъ такія пѣсни, какихъ не услышимъ мы никогда отъ другихъ людей, никогда не выдумаемъ сами.

— И они хороши собой должны быть, хороши, лучше всякаго мужчины, который не поэтъ? — спрашивала Лалага, съ дѣтскимъ любопытствомъ.

— Хороши ли они, Лалага? Это духи свѣта, дѣти неба! Хороши ли они? О, поди отъ меня: ты глупа, Лалага!

»Не сердись на бѣдную Лалагу! Я не умѣю говорить, какъ ты говоришь, и я никогда не видала твоихъ духовъ свѣта: они и у тебя никогда не бываютъ... Развѣ ночью только являются они тебѣ, во снѣ?

— Да, до сихъ поръ я видала ихъ только въ очаровательномъ снѣ, въ мечтахъ неясныхъ восхитительныхъ! Я только мечтала объ этихъ и людяхъ; воображала ихъ себѣ въ видѣ Байроновъ и юныхъ Шиллеровъ. Бѣдная Каролина Лембъ! какъ понимаю я теперь твое сумасшествіе! Какъ завидую я тебѣ въ твоихъ страданіяхъ: тебя *любилъ Байронъ,* и что тебѣ была за надобность въ умѣ твоемъ! Ты отдала его другимъ — подала милостыню другимъ бѣднымъ безумцамъ...

»Въ мечтахъ, въ мечтахъ являются они тебѣ, говоришь ты?« — вскричала Лалага. »Мнѣ не являлись они даже и въ мечтахъ: я бѣдная Лалага, я вижу только иногда опять мою родину, мой широкій, тихій, Джіаллибъ, мои родныя пальмы и баобабы, золотой песокъ моей родины, мою мать — она зоветъ меня къ себѣ черезъ бурное море, подплываетъ къ берегу въ легкомъ челнокѣ и манитъ меня рукою къ себѣ, въ мою родную Конго...

— Лалага! а я сегодня видѣла поэта, видѣла его на яву! Онъ явился мнѣ среди другихъ людей, и я узнала его, и я слышала потомъ, какъ онъ запѣлъ намъ свои вдохновенныя пѣсни, и какъ всѣ изумились его высокой пѣснѣ! Приложи руку твою къ груди моей; посмотри, здѣсь у меня огонь: это все еще горятъ пѣсни его подлѣ моего сердца! Я теперь лучше, красивѣе — не правда ли: я красавица, Лалага? Это отъ того, что душа моя стала свѣтлѣе отъ взоровъ его... Великій Боже! что же сдѣлала бы любовь его? Что, если голова моя могла покоиться на его груди; если бы онъ обнялъ меня, и шепталъ мнѣ: *люблю тебя, Элеонора!*

Она опять закрыла глаза руками. Лалага размышляла.

»Какъ называешь ты ихъ: *поэтами,* этихъ людей, Ленора? Но ты говоришь, что они выдумываютъ и поютъ пѣсни? И у насъ въ Африкѣ есть такіе люди, только ихъ называютъ не такъ — и они такіе, такіе... ха, ха, ха! Я не смѣю сказать тебѣ...

— Какіе они? Какъ называютъ ихъ? — нетерпѣливо спрашивала Элеонора.

»Называютъ: дураками! Да они и въ самомъ дѣлѣ дураки.« — Элеонора отодвинулась отъ

Негритянки. »Послушай, Ленора: они не живутъ такъ, какъ живутъ всѣ другіе люди; у нихъ нѣтъ ни дѣтей, ни женъ, ни хижинъ; они бродятъ по пустынямъ и лѣсамъ; иногда спятъ днемъ и не спятъ ночью; одежда ихъ вся съ побрякушками, и когда идутъ они черезъ деревню, то брянчатъ побрякушками, и люди выходятъ смотрѣть на нихъ, и указываютъ на нихъ пальцами, какъ на диво. Когда у насъ бываетъ свадьба, или когда празднуютъ у насъ память отцовъ, дуракъ является, стоновится въ народѣ; иногда онъ запоетъ пѣсню; иногда простоитъ цѣлые сутки не сходя съ мѣста, не пьетъ, не ѣстъ и не поетъ. Ни кто не можетъ заставить ихъ пѣть, никакой властитель нашъ, никакой жрецъ. Но когда поютъ они, то слова ихъ бываютъ такъ сладки, такъ велики, такъ согласны, что люди забываютъ пить и ѣсть, и матери оставляютъ дѣтей кричать и не даютъ имъ груди своей. Говорятъ, будто, слушая пѣсни ихъ, человѣкъ становится добрѣе; будто самоя ядовитая змѣя не кусаетъ въ это время человѣка. Но пѣсни дорого имъ достаются: они приходятъ въ бѣшенство; пѣна бьетъ у нихъ изо рта; они падаютъ наконецъ безъ памяти на землю. Тогда люди расходятся и остав-

ляютъ ихъ лежать въ пыли, повторяя только на память ихъ прекрасныя пѣсни. Эти пѣсни безсмертны: ихъ поютъ потомъ воины, идя въ битву, поетъ мать за колыбелью сына, поютъ жрецы, принося жертву, и побѣда сопровождаетъ воиновъ, дитя засыпаетъ тихо, Богъ принимаетъ ласково жертву...

— За что же почитаютъ дураками, Лалага, этихъ людей?

»Какъ же они не дураки? Видишь: говорятъ, будто они думаютъ жить небесною жизнью здѣсь на землѣ; но здѣсь земля, здѣсь надобно пить и ѣсть, строить хижины, собирать золото и страдать, а не жить. Только тамъ, на небѣ, у Бога не надобно ничего, а здѣсь все надобно. И когда человѣкъ питается только пѣснями, то онъ бываетъ голоденъ. Иди онъ въ небо и пой тамъ, а здѣсь живи. Тотъ дуракъ, кто не живетъ, какъ живутъ всѣ; онъ будетъ бродить по лѣсамъ и пустынямъ, безъ одежды и съ побрякушками, и люди будутъ называть его дуракомъ.

— Но твои сестры, ваши дѣвушки Африканскія, Лалага, не уже ли онѣ не заслушиваются пѣсенъ вашихъ дураковъ, и не сходятъ съ ума отъ любви къ нимъ?

»О, нѣтъ! онѣ слушаютъ прилежно, и когда дуракъ поетъ о томъ, какъ ему тяжко на землѣ, какъ хорошо любить такъ, какъ онъ хотѣлъ бы любить, не по-человѣчески, наши дѣвушки вздыхаютъ, плачутъ и поспѣшно бѣгутъ отъ нихъ . . .

— Зачѣмъ же, Лалага?

»Затѣмъ, что они вѣдь дураки; что этого на землѣ не бываетъ; что это хорошо только въ пѣснѣ. Да, я помню . . . есть разсказъ: говорятъ, что какая-то дѣвушка заслушалась, сошла съ ума отъ пѣнья дурака, и убѣжала съ нимъ въ лѣса. Ну, что же? Отъ нихъ родился такой человѣкъ, у котораго глаза были огненные, волосы золотые, который ходилъ по морямъ, леталъ подъ облака, собралъ людей своими пѣснями, и съ ними пошелъ по землѣ далеко, покорилъ города, народы, опустошилъ хижины, срылъ горы для прохода своихъ войскъ, и люди прокляли его, прокляли и любовь безумной дѣвушки къ дураку! Человѣку надобно родиться и быть такимъ, какъ всѣ другіе люди.

— Какъ всѣ другіе люди? . . . Лалага — сядь тамъ, играй своими куклами . . . И въ Африкѣ то же — думала Элеонора, когда Лалага удалилась отъ нея въ уголъ комнаты — и тамъ по-

этъ безумецъ, а другіе люди умны; и тамъ они презираютъ его; и тамъ дѣва не отдаетъ ему своего сердца, за то, что онъ на землѣ ищетъ неба, а они ищутъ хлѣба и золота...

— Какъ они надоѣли мнѣ, какъ они отравили мнѣ жизнь мою, эти люди! Какъ они отвратительны мнѣ, откупщики ума, подрядчики добродѣтели! — Элеонора ходила по комнатѣ скорыми шагами. — Свѣтъ, отвергнувшій меня въ дѣтствѣ, въ сиротствѣ, ничего не долженъ требовать отъ меня, я ничѣмъ ему не обязана, никто не можетъ указывать мнѣ. Дорого заплатила я людямъ за весь этотъ проклятый блескъ, за брилліанты, за золото ихъ. Я брошу имъ въ глаза ихъ золото и брилліанты, и тогда свободно могу сама броситься въ объятія моего поэта, и сумашествовать съ нимъ, какъ Африканскій поэтъ съ своею безумною дѣвушкою... Рейхенбахъ! ты мой, ты мой потому, что никто не узнаетъ тебя, кромѣ меня! Для другихъ ты ничтожный бѣднякъ съ тетрадью измаранной бумаги; для меня — ты вдохновенный создатель, волшебникъ, чародей! Какъ онъ читалъ! Какъ серебряный его голосъ отзывался въ моемъ сердцѣ! Никто, кромѣ меня, не перескажетъ людямъ твоихъ вдохновеній,

Рейхенбахъ! Посмотри, какъ изумятся они, какъ они будутъ съ удивленіемъ спрашивать: гдѣ скрывался до сихъ поръ этотъ великій поэтъ? Какъ же мы не знали его, когда онъ бродилъ среди насъ, въ нашей толпѣ?....

— Да, вы не знали его! Любовь моя затеплитъ надъ головою его свѣтлую лампаду славы и вдохновенія! Ты воскреснешь, Шиллеръ! въ моемъ Рейхенбахѣ! И тогда онъ будетъ мой, со всею огненною страстью поэта, съ любовью вдохновенною; и мы забудемъ міръ и людей! Что намъ до нихъ, что имъ до насъ! Сыщите мнѣ тогда какую нибудь пустыню на краю моря; на утесѣ какомъ нибудь повѣсьте намъ хижину, чтобы бурное море шумѣло у насъ подъ ногами, чтобы гора неприступная отдѣляла насъ отъ людей, чтобы одно свѣтлое небо разстилалось свободно надъ нашими головами, или кипѣло молніями въ черныхъ тучахъ, когда любовь и вдохновеніе будутъ кипѣть въ душѣ Рейхенбаха и моей!

Бѣдная Элеонора! не удивляетесь ли вы ея словамъ?

Помню — это было давно — помню, что однажды, окружая любезнаго старика, заклятаго послѣдователя Шеллингова, все раздѣлявша-

го на *подлежащее* и *сказуемое, субъектъ* и *объектъ,* мы спрашивали его о любви, о различіяхъ ея. »Да,« отвѣчалъ онъ, »любовь бываетъ двоякая, и отъ насъ не зависитъ: Deus dat cui vult. *Одна* любовь есть *анализъ* души; начинаетъ съ малыхъ, яко-то: взглядовъ, миганій, шептаній, соприкосновенія рукъ двухъ сюжетовъ, съ легкимъ усиліемъ, что именуется пожатіемъ руки; отсюда переходъ ко вздохамъ, слезамъ, словамъ: »*Люблю тебя,*« и проч. Но есть и *другая* любовь, чистый *синтезъ,* который начинаетъ прямо съ великихъ посылокъ, яко-то: одурѣнія, какъ бы сумасшествія, или оглушенія громомъ всѣхъ умственныхъ способностей человѣка. И потомъ, въ ослѣпленіи своемъ, человѣкъ готовъ спрыгнуть съ крышки трехъ-этажнаго дома, чтобы достигнуть самыхъ мелкихъ посылокъ анализа, которыми начинается аналитическая любовь, то есть, взгляда, пожатія руки, и проч. — »Но развѣ и тутъ вмѣшивается Логика?« спросилъ старика одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, бѣлокурый молодой человѣкъ. — Какъ же? Тутъ чистый законъ абсолютной необходимости. »Но которая же любовь лучше?« — Первая, аналитическая, болѣе употребительна; но во-первыхъ, выборъ

отъ насъ не зависитъ, ибо мы остаемся постоянно подвержены закону необходимости; а притомъ всякая односторонняя система негодится: надобно соединеніе синтеза съ анализомъ. И отъ того-то Любовь на свѣтѣ есть большое зло, что законы мышленія никакъ не могутъ быть примѣнены къ ней. — »Вы любили-ль когда нибудь сами?« — Нѣтъ! никогда: я просто женился, и постигаю любовь только по выводамъ умозрѣнія.

— Кто тамъ, Лалага? — сказала Элеонора, вдругъ останавливаясь, послѣ того, какъ долго ходила она, молча и задумавшись, по своей комнатѣ. — Бѣги, сдѣлай милость — я ни кого не хочу видѣть....

»Но если пришелъ тотъ старикъ, которому никогда не отказываютъ?« вскричала Лалага, вспрыгивая съ своей скамеечки и бросая куклы.

— Старикъ! Онъ?

Какъ будто съ облаковъ упала Элеонора. Она поблѣднѣла, остановилась въ ужасѣ. Лалага побѣжала въ другую комнату. Слезы блеснули на глазахъ Элеоноры, но не катились изъ глазъ. Она схватила тетрадь, лежавшую на столикѣ, бросилась на диванъ свой, усѣлась на немъ и устремила глаза въ тетрадь.

Лалага вошла въ комнату. За нею, на цыпочкахъ, пробирался молодой человѣкъ, щегольски одѣтый, въ золотыхъ очкахъ; золотой ключикъ, прицѣпленный назади фрака, показывалъ его придворное званіе.

Онъ остановился, не смѣя прервать занятія Элеоноры. Лалага бросилась къ ней, схватила ее за руку и сказала: »Ты не видишь, Ленора? Онъ пришелъ отъ твоего старика.«

Элеонора оттолкнула ее угрюмо. Невнимательно оборотилась она къ каммеръ-юнкеру, не вставая съ дивана.

— Сударыня! я спѣшилъ къ вамъ съ порученіемъ отъ Его Высокопревосходительства. Ради Бога, что такое сдѣлалось съ вами? Онъ трепещетъ за ваше здоровье, и проклинаетъ дѣла, которыя мѣшали ему видѣть васъ вчера и сегодня. Вообразите: вчера съ разсвѣтомъ охота, балъ до свѣта, обѣдъ, пріемъ этого посланника, этой принцессы, сегодня обѣдъ у самого барона.

»Я рада его веселью.

— Безъ васъ, сударыня, что за веселье Его Высокопревосходительству!...

»Ахъ! сокращайте его имя — это скучно слышать...

— Только любовь можетъ сокращать его. — За этотъ остроумный отвѣтъ каммеръ-юнкеръ наградилъ себя улыбкою.

»Что же угодно вамъ?

— Ради Бога, сударыня! Баронъ въ отчаяніи: вы отказались играть сегодня въ Монбижу!

»Да.

— Ради Бога, что вы дѣлаете? Сцены нарочно придуманы для встрѣчи принцессы.

»Тѣмъ хуже.

— Но . . . — И каммеръ-юнкеръ наклонился впередъ, какъ будто хотѣлъ тихонько, на ухо, сказать что-то *секретное* . . .

— Но — знаете ли вы, что послѣдній куплетъ сочинилъ самъ Его Свѣтлость? Вашъ речитативъ будетъ по музыкѣ, сочиненной Ея Свѣтлостью. Кто слышалъ ету музыку, всѣ въ восторгѣ!

Элеонора горестно улыбнулась. — »А если я больна, если у меня вовсе нѣтъ голоса, то куплеты и музыка Его Свѣтлости и Ея Свѣтлости не возвратятъ мнѣ ни голоса, ни здоровья. Я не могу играть.

Каммеръ-юнкеръ открылъ свою золотую табакерку, и съ разстановками вдыхалъ въ себя

ароматическій табакъ, какъ будто надумываясь, что такое еще сказать ему.

— Ну, если должно открыть вамъ все, то — знаете ли вы, сударыня, о богатомъ фермуаръ, который назначается...

»Вамъ что ли?

Каммеръ-юнкеръ смѣшался. Онъ перепуталъ всѣ свои идеи отъ страннаго вопроса Элеоноры, принужденъ былъ придвинуть кресла и сѣсть въ нихъ.

— Сударыня — продолжалъ онъ, не много надумавшись — я не знаю, какъ разсказать, какъ объяснить Его Высокопревосходительству ваше расположеніе....

»Скажите, что я въ самомъ дурномъ расположеніи.

— Такая причина....

»Не важна? Да, вѣдь я и забыла, что мнѣ, актрисѣ, такъ, какъ всякому другому фокуснику и прыгуну на веревкѣ, не позволяется быть печальною, если другіе хотятъ веселиться.... Можете сказать просто, что я больна, что я умираю, если угодно.

— Избави Богъ! Его Высокопревосходительство не пуститъ меня на глаза двѣ недѣли, ес-

ли я осмѣлюсь явиться къ нему съ подобнымъ извѣстіемъ, я не перенесу такого несчастія....

»Вы умрете?« сказала Элеонора насмѣшливо. »Какая будетъ потеря для двора, для свѣта — *большаго,* разумѣется, г-нъ баронъ« — прибавила она, замѣтя гримасу каммеръ-юнкера. »Никто лучше васъ не *галопируетъ* на балахъ — я слышала: мнѣ не позволено входить въ тотъ кругъ, который вы восхищаете своимъ галопомъ.

Каммеръ-юнкеръ ловко повертывалъ орудіе галопа, маленькую ножку свою, обутую въ крошечные сапожки. »Наши дамы умно дѣлаютъ, сударыня,« началъ онъ, улыбаясь и уклончиво смотря на Элеонору — »умно дѣлаютъ, что стараются не пускать своихъ побѣдительницъ въ свои скучныя собранія. Онѣ осуждаютъ насъ, бѣдныхъ мужчинъ, зѣвать съ своею скромною, премудрою красотою....

— Баронъ! — сказала Элеонора, теряя терпѣніе — кажется, мы не роль репетируемъ съ вами, и я не обязана слушать все остроумное, что вы можете придумать. Для этого мало недѣли, а я, право, больна....

Каммеръ-юнкеръ пристально обглядѣлъ свои лайковыя перчатки, поклонился низко и мгно-

венно исчезъ. Тогда свободно зарыдала Элеонора. Она обняла подушку дивана, крѣпко, обѣими руками, и не говорила ни слова.

— Что съ тобой Ленора? — спрашивала ее Лалага, заботливо подбѣгая къ дивану.

»Ничего, ничего, мой другъ!

— Ахъ! ты говорила мнѣ о какомъ-то негодномъ человѣкѣ — какъ бишь ты его называла? Ахъ! если этотъ человѣкъ похожъ на нашихъ дураковъ, и ты полюбила его, какъ разсказываютъ объ нашей Африканской дѣвушкѣ, и если у васъ родится такой же страшный сынъ, какой родился у нихъ.... Ахъ! бѣдная Ленора....

»Опусти эту занавѣску — солнце несносно свѣтитъ мнѣ въ глаза — нѣтъ! постой — подними ее опять! Поди, Лалага, поди къ себѣ, играй....

— Я не хочу играть, когда ты плачешь, когда ты больна.

»Я здорова, Лалага: видишь!« Элеонора отерла слезы и засмѣялась громко.

— Ахъ! вотъ такъ хорошо, хорошо! — вскричала Негритянка — теперь и я стану играть! — Она запрыгала и убѣжала изъ комнаты.

»Сегодня я узнала свою участь,« сказала Элеонора, спокойно оправляясь передъ зеркаломъ. »Пусть плачетъ и боится тотъ, кто можетъ те-

рять. Мнѣ терять нѣчего, и все могу найдти я. Давно видѣла я всю ничтожность своего несчастнаго бытія, весь ужасъ бездны, въ какую бросила меня судьба неумолимая. Жизнь, исполненная блеска и позора, шума и грусти, тщеславія и одиночества, жизнь безъ дружбы и любви, безъ уединенія, безъ сердца, безъ души, безъ радостей, безъ очарованій надежды, безъ воспоминаній прошедшаго, жизнь безъ жизни, счетъ дней на блестящихъ часахъ, глупые куранты на городской башнѣ, вѣчное то же, и — зависимость отъ этого отвратительнаго человѣка, для отдыха — и какая ужасная зависимость!

»Отдайте мнѣ то, что вы у меня отняли« — въ отчаяніи воскликнула Элеонора — »отдайте мнѣ отца, мать, имя, семейство, радости дѣтства, все, чѣмъ пріучаете вы другихъ къ жизни, даже къ вашей глупой жизни, такъ сильно пріучаете, что они называютъ свою привычку жить счастіемъ! Ничего не знала я въ мірѣ: ни отца, ни имени, ни родства, ни семьи, ни любви, ни дружбы, ни привычки къ чему нибудь.... Знала одинъ позоръ, которымъ заклеймилъ меня этотъ отвратительный свѣтъ, растерзавъ для меня прошедшее и будущее....

»О мой поэтъ! ты выше другихъ людей, ты

столько же превышаешь ихъ всѣмъ, сколько превышаешь твоимъ божественнымъ дарованіемъ! Не уже ли ты отвергнешь меня и захочешь отъ меня броситься въ объятія людей? Берегись, берегись: они люты и злы, они жестоки и безчеловѣчны! Ихъ угрызеніе страшнѣе угрызенія змѣи! Змѣя злится и кусаетъ, люди смѣются и язвятъ — душу, душу язвятъ они, а не тѣло!

Она схватила рукопись Вильгельма; долго смотрѣла на нее; крупныя капли слезъ капали изъ глазъ ея.

»Какъ бы желала я — говорила она — вглядѣться въ душу твою, знать чувство, какое наполняло твою душу при каждомъ словѣ, при каждомъ стихѣ. Рейхенбахъ! сердце и душа поэта — цѣлый міръ; его стихи — бѣдные изгнанники изъ этого міра, одинокіе, грустные изгнанники. Вотъ тебѣ рука моя, другъ милый! поведи меня въ міръ твой — Элеонора достойна этого міра....

Она подошла къ арфѣ своей, хотѣла игратъ; нѣсколько аккордовъ вылетѣло изъ арфы подъ ея рукою, и — она содрогнулась. »Здѣсь говоритъ со мною кто-то!« сказала она. »Нѣтъ! это звуки арфы; но отъ чего прежде казались они мнѣ бездушными, мертвыми? Они живые!

Что же они хотятъ сказать мнѣ? Рукопись Рейхенбаха высказываетъ мнѣ такъ много, а ты что мнѣ говоришь, звукъ летучій, неясный, мгновенный? Прочь, полумертвый! Твой языкъ мнѣ не понятенъ....

Элеонора сѣла на диванъ, глядѣла въ рукопись Арминія, не читала — только разсматривала ее.

Вдругъ Лалага вбѣжала къ ней въ комнату.

»Они идутъ, Ленора, идутъ двое!«

— Кто идетъ ко мнѣ?

»Твой старикъ и твой лекарь съ бѣлою головою.«

Элеонора подняла глаза къ небу. »Онъ идетъ? О! я отплачу тебѣ, проклятый вздыхатель!« проворчала она съ досадою.

Тихо и осторожно вошелъ въ это время въ комнату человѣкъ лѣтъ шестидесяти, въ простомъ сюртукѣ, но щегольски разодѣтый. Изысканность видна была въ его немногихъ волосахъ, собранныхъ на его головѣ, завитыхъ и выкрашенныхъ, въ его тросточкѣ, его галстухѣ, тщательности, съ какою выставлены были рукава его тонкой рубашки изъ рукавовъ сюртука. Онъ вошелъ одинъ, остановился, заботливо глядѣлъ на Элеонору; казалось, что она не замѣчаетъ его прихода. Старикъ придалъ лицу своему нѣчто въ

родѣ улыбки, такъ, что поддѣльные, превосходно обдѣланные зубы его выставились изо рта, и, стараясь показаться легкимъ и проворнымъ, быстро присѣлъ онъ на диванъ подлѣ Элеоноры.

— Милый другъ, Ленора, милая Элеонора! — началъ онъ говорить, придавая голосу своему всевозможныя измѣненія нѣжности. — Элеонора, Ленора! —

Она не двигалась, не глядѣла на него. Старикъ протянулъ къ ней руку.

»Ахъ! не троньте меня!« вскричала Элеонора, отодвигаясь отъ него въ уголъ. »Не уже ли я глуха, и не слышу, что вы мнѣ говорите?...

— Ты не отвѣчаешь ничего, ангелъ мой!

»На что отвѣчать мнѣ? Вы ничего не спросили до сихъ поръ.

— Я назвалъ тебя милою Элеонорою.

»Это скучно! Подите отъ меня.

— Что съ тобой сдѣлалось?

»Мнѣ говорить не хочется.

— Со мною, милый другъ?

»Какая глупая привычка: безпрестанно повторять — *милый другъ!*

— Я тебя стану называть: злая Ленора.

»Полно-те говорить — молчите!

Старикъ замолчалъ. Чрезъ минуту, онъ заговорилъ снова, вынимая изъ запазухи бумагу.

— Теперь, ты вѣрно поглядишь на меня ласково. Вотъ пенсія той бѣдной полковницѣ, о которой ты мнѣ сказывала. Тебѣ пріятно будетъ самой извѣстить ее.

»Пенсія? Ей?« Элеонора поспѣшно схватила бумагу, развернула, и радостно подняла глаза къ небу.

— Какъ прелестна ты, Элеонора въ эту минуту!

Она сердито бросила бумагу старику, говоря: »Отошлите къ ней.«

— А ты не хочешь отдать ей сама?

»Нѣтъ! Это отравитъ для нея ваше благодѣяніе. *Мнѣ*, а не заслугѣ своего мужа будетъ она одолжена тѣмъ, что не умретъ съ четырьмя сиротами отъ голода. Не уже ли въ васъ такъ мало чувства, что вы не понимаете, какъ будетъ она краснѣть — отъ *меня* принимая вашу бумагу?

— И никто не будетъ знать твоего прекраснаго дѣла, Ленора, кромѣ меня? Ты божественна, Ленора!

»Перестаньте — ахъ! замолчите!

— Элеонора! клянусь тебѣ, что я прибѣжалъ опрометью....

»Будто вы бѣгаете! А подагра?« Элеонора лукаво засмѣялась.

Старикъ поморщился.

— Я пришелъ къ тебѣ, бросилъ всѣ дѣла — толпа народа ждетъ меня — сегодня у меня три доклада.

— »И люди въ вашей передней конечно думаютъ: какъ занятъ теперь Его Высокопревосходительство, баронъ фонъ-Калькопфъ!

— Насмѣшница! Дай мнѣ договорить. Я все бросилъ, хотѣлъ узнать: что съ тобой сдѣлалось?

»Благодарю.

— Говори-же: что съ тобой сдѣлалось?

»Ничего.

— За что такъ сердито прогнала ты моего бѣднаго, крошечнаго барона Шадена?

»Этотъ деревянный прыгунъ самъ ушелъ отъ меня.

— Элеонора! твои капризы становятся несносны. Съ тобой не достанетъ ангельскаго терпѣнія.

»Займите его у дьявола: онъ терпитъ еще больше вашего.

— Мнѣ приходится сказать тебѣ откровенно,

Ленора, что я не въ состояніи болѣе сносить твоихъ вздорныхъ прихотей. Я хотѣлъ просить, умолять тебя; но теперь говорю просто и прямо: ты должна сегодня играть въ Монбижу!

Элеонора вспыхнула, вскочила съ дивана, сердито топнула ножкою, и вскричала: »Нѣтъ! я не хочу!«

— Вы должны, сударыня, говорю я вамъ!

»Къ вашимъ услугамъ, Ваше Высокопревосходительство — нѣтъ!« Элеонора низко присѣла, и спѣшила уйдти изъ комнаты.

— Элеонора! — вскричалъ старикъ, удерживая ее — ты съ ума сошла; это невозможно!

Горделиво посмотрѣла на него Элеонора; старикъ невольно потупилъ глаза: »Развѣ я невольница ваша? Вы забылись, мил. государь!

— Мучительница! пощади меня! Ты моя невольница, ангелъ Ленора? Ты меня терзаешь, и не показываешь никакой жалости къ несчастному моему чувству къ тебѣ. Разсуди сама.

»Чего вы отъ меня хотите? Какой-то глупецъ скропалъ какой-то вздоръ, и вамъ угодно, чтобы я забавляла вашихъ щепетильныхъ придворныхъ, вашихъ чопорныхъ госпожъ этимъ вздоромъ, была вашимъ паяцомъ?

— Ты сама не знаешь что говоришь. Сочинитель этой интермедіи — Его Свѣтлость.

»Тѣмъ хуже, что онъ тратитъ время на глупыя вирши, когда ему надобно думать совсѣмъ о другомъ.

— Ты явишься среди насъ великою артисткою; ты вдохнешь душу и жизнь въ его твореніе — положимъ, вздорное. — Старикъ невольно оглянулся кругомъ.

»Артистка — на подмосткахъ Монбижу!

— Ты больна, Элеонора, не правда ли? Ты нездорова! Monsieur de-Singulier! Пожалуйте сюда! — сказалъ старикъ, подходя къ двери.

Съ важною миною, бѣло-напудренный, съ огромнымъ пучкомъ на затылкѣ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками, въ черномъ фракѣ, вступилъ въ комнату старикъ, докторъ Сенгюлье. Элеонора расхохоталась, когда онъ, раскланявшись съ барономъ, прямо уставилъ на нея огромные, неподвижные глаза свои, и наблюдалъ за ея движеніями.

— Что вы находите, мой милый докторъ? — сказала она, подбѣгая къ нему. Не магнитизировать ли хотите вы меня вашими прелестными глазами?

»Сударыня!« отвѣчалъ онъ, улыбаясь — все, что вамъ угодно.

— Я больна. Баронъ меня увѣряетъ. —

»И я имѣю причины такъ думать,« прибавилъ докторъ.

— Возьмите же руку, и пощупайте мой пульсъ.

»Я хотѣлъ бы поцѣловать ее,« сказалъ докторъ, нѣжно и почтительно взявшись за руку Элеоноры.

— Вы всѣ одурѣли на глупыхъ нѣжностяхъ — вскричала Элеонора, вырывая у него руку. — Не появится ни одинъ мальчишка каммеръ-юнкеръ, ни одинъ старикъ баронъ, ни даже докторъ безъ глупыхъ нѣжностей! Какое право имѣете вы говорить ихъ мнѣ? — Да, вы имѣете это право.... — И Элеонора вдругъ заплакала и сѣла на диванъ.

»Докторъ! я въ отчаяніи! Видите: спазмы, истерика! Она больна, больна.... Спасите мнѣ ее!« вскричалъ баронъ, складывая руки и стараясь сдѣлать горестное лицо. Но выраженіе горести на его разрумяненномъ лицѣ, при его раскрашенныхъ волосахъ и поддѣльныхъ зубахъ, было такъ смѣшно, что Элеонора громко захохотала.

— Видите, докторъ! Она больна! — горестно проговорилъ баронъ.

»Я понимаю.« Докторъ искалъ глазами чернилицы и бумаги.

— Если вы осмѣлитесь написать мнѣ рецептъ — я велю выкинуть васъ и съ нимъ за окно! — вскричала Элеонора, спрыгивая съ дивана.

»Понимаете, докторъ!« Баронъ указалъ ему на дверь. — Докторъ улыбнулся, поклонился и вышелъ.

— Баронъ! я хочу говорить съ вами.

»Сдѣлай милость — все, что тебѣ угодно, Элеонора!

— Я хочу, чтобы вы избавили меня отъ шутовства въ Монбижу.

Баронъ горестно покачалъ головою. »Разсуди сама, ангелъ мой! Я и Его Свѣтлость хотимъ похвастать нашимъ театромъ; Его Свѣтлость самъ составилъ интермедію, и — тебя не будетъ — украшенія нашей сцены! Не уже ли ты такъ дешево цѣнишь одно мое наслажденіе видѣть тебя въ торжествѣ, безжалостная Элеонора? Умоляю тебя, сдѣлай милость! Ты хочешь, чтобы я сталъ передъ тобой на колѣни? Увѣришься ли тогда?

Элеонора угрюмо молчала. Баронъ, кряхтя, стащился съ дивана и сталъ передъ нею на ко-

лѣни.« Жалкій человѣкъ!« шептала Элеонора, отворачиваясь отъ старика.

— Я согласна.

Въ радости вскочилъ старикъ, прыгнулъ и заохалъ; онъ забылъ свою подагру — она не забыла напомнить ему о себѣ.

— Но, баронъ, сядьте, выслушайте мои условія: я хочу, чтобы спектакли нынѣшней осени начались новою, вотъ этою самою трагедіею. Ее надобно поставить какъ можно великолѣпнѣе. Вы выдадите 10,000 талеровъ на декораціи и костюмы....

»Десять, Элеонора? Подумай!

— Я не хочу думать. — Она опять сердито отвернулась отъ барона.

»Ну, ну! согласенъ, согласенъ....

— Сочинитель явится къ вамъ. Вы, какъ высокій покровитель всякаго великаго дарованія, представите его ко двору.

»Это не легко, милый другъ....

— Онъ будетъ приглашенъ на литературные вечера княжескіе.

»Ахъ! какъ это не легко! Вѣрно, любезный сочинитель твой какой нибудь *буржуа*, а князь терпѣть не можетъ смѣшенія чиновъ и званій на своихъ литературныхъ вечерахъ.

— Вы дадите ему мѣсто при себѣ, такое, чтобы ему нѣчего было дѣлать....

»У меня и безъ него столько дармоѣдовъ, Элеонора!

— Вы должны, сударь!

»Но кончатся ли твои условія? Что за новая трагедія? Что за сочинитель?

— Директоръ скажетъ вамъ кто онъ. Вотъ его трагедія. Она превосходна: слышите ли? — превосходна! И вы велите этому бездѣльнику директору, чтобы пьеса имѣла самый блестящій успѣхъ; чтобы сочинителя вызвали; князь долженъ быть въ театрѣ; онъ позоветъ автора къ себѣ въ ложу....

»Но, мой другъ....

— Я этого хочу непремѣнно.... А! хорошо: я не играю въ Монбижу, съ сего дня больна на смерть, завтра же ѣду въ Карлсбадъ.

»Твои условія почти невыполнимы. Не льзя ли просто дать твоему автору денегъ и — только! Онъ, вѣрно, какой нибудь пачкунъ, бѣднякъ, а это радуетъ такую сволочь, лучше всякаго княжескаго вечера.

— Покровительство человѣка, одареннаго столь высокимъ вкусомъ, какъ Ваше Сіятельство, кто не оцѣнитъ выше всякой награды! Кто не знаетъ,

что голосъ Германской Музы всегда былъ доступенъ вашему высокому, патріотическому слуху . . . .

»Перестань, Элеонора — это мнѣ повторяютъ въ посвященіи каждой книженки, и чортъ знаетъ откуда берется у насъ такая бездна дарованій! И каждое дарованіе бываетъ такое голодное и общипанное, что не напасешься денегъ.

»Этотъ не потребуетъ отъ васъ денегъ. Но . . . . его геній подтвердитъ славу о томъ покровительствѣ, какое баронъ Калькопфъ оказываетъ просвѣщенію отечества,« продолжала Элеонора съ насмѣшливою важностію. »Сколько пламенныхъ юношей закипятъ послѣ сего мыслію, что ихъ дарованія также отворятъ имъ двери въ чертоги вельможъ и князя! Сколько ободрится бѣдныхъ тружениковъ тою мыслью, что и на ихъ двадцати, тридцатилѣтніе труды будетъ обращенъ проницательный взоръ просвѣщеннаго, великаго мецената Германіи, барона Калькопфа!

— Да, мецената! У меня вѣрно 2000 талеровъ въ годъ пропадаетъ на одно печатанье этихъ преполезныхъ трудовъ, которые глупость и голодъ заказываютъ на всѣхъ чердакахъ въ Гер-

маніи. Но спорить нѣчего — все будетъ по твоему, Элеонора. Для тебя ли чего нибудь я не сдѣлаю! Прощай, милый другъ, чудный ангелъ мой! Ты чуть не свела меня съ послѣдняго разсудка....

»Ха, ха, ха! Послушайте, баронъ, еще на минуту....

— Ну, ну, шалунья! Боже мой! уже три часа! А въ три часа обѣщалъ у меня быть принцъ....

»Послушайте. Не уже ли такъ мало дорожите вы моимъ приглашеніемъ побыть со мною?

— Боже мой! я ли не цѣню словъ твоихъ, Элеонора! Говори же, говори!

»Мнѣ пришло смѣшное въ голову: что, еслибы кто нибудь изъ своей художнической, мастерской, изъ своего ученаго кабинета, изъ своего вдохновительнаго уединенія, послушалъ теперь барона Калькопфа?

— Ну!

»Ничего больше: еслибы кто нибудь послушалъ его, что́ сказали бы тогда всѣ газетчики Арнольда и Котты, и всѣ сочинители Конверсаціонъ-Лексиконовъ, у которыхъ по три страницы посвящается біографіи барона Калькопфа,

и тому, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ для просвѣщенія своего отечества?

— Да, не уже ли ты думаешь, они не знаютъ этого?

»Милый баронъ!« — вдругъ простодушно спросила Элеонора — »если вы такъ думаете, если они знаютъ это, для чего же вы обманываете другъ друга?

— Ахъ! Элеонора . . . . — Старикъ потрепалъ ее по щекѣ, засмѣялся и хотѣлъ итти.

»Вы должны прослушать еще роль мою въ новой трагедіи! Какъ же будете вы покровительствовать моему сочинителю, если вы ничего не слыхали? Вамъ должно начать сегодня же говорить о новой трагедіи.

— И заставить зѣвать князя.

»По крайней мѣрѣ, дайте сюда вашъ бумажникъ: я запишу вамъ названіе трагедіи и имя автора.

Молча подалъ свою записную книжку баронъ, и Элеонора четко записала въ ней: *Арминій, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Вильгельма Рейхенбаха.*

»Завтра же чтобы говорили объ этомъ при дворѣ и въ городѣ. Слышите ли?

Старикъ смотрѣлъ на нее съ дѣтскою радостію. — Только? — спросилъ онъ.

»Да, и теперь вы можете итти спокойно, сѣдой Купидонъ.«

Баронъ поцѣловалъ ея руку и спѣшилъ вонъ, осторожно утирая потъ съ крашенаго лица своего.

»И они хотятъ, чтобы тотъ не презиралъ ихъ, кто смотритъ за кулисы, и видитъ ихъ, этихъ ничтожныхъ куколъ — видитъ, какъ они пляшутъ на снуркахъ, и кто дергаетъ эти снурки! — Нѣтъ! силъ моихъ недостаетъ болѣе — я задохнусь въ смрадномъ чаду ихъ заразительнаго міра.... Отдохнемъ съ тобою, мой поэтъ!«

Элеонора поцѣловала рукопись Вильгельма, перебирала въ ней листы, въ слухъ прочитала нѣсколько монологовъ. И вдругъ лице ея поблѣднѣло, рукопись выпала изъ рукъ ея.

»Что это?« сказала она, трепещущимъ голосомъ, и поспѣшно схватила опять рукопись.

На послѣдней страницѣ, послѣ окончанія трагедіи, находилось отдѣльное стихотвореніе — что-то въ родѣ посвященія, какой-то *вдохновительницѣ* поэта, дѣвушкѣ. Имя ея было написано крупными, прекрасно отрисованными буквами: »*Моей вдохновительницѣ Генріэттѣ.*«

»*Его* Генріэттѣ! Ты любишь, Рейхенбахъ?

Другую любишь, а не Элеонору? Какъ, не уже ли и она любитъ тебя, любитъ, какъ я люблю тебя, Вильгельмъ?«

»Она вдохновляла тебя? Покажите мнѣ ее, покажите! Ты ошибаешься, Вильгельмъ: не ей вдохновлять тебя и не мнѣ; въ твоей душѣ отзывается само небо чудными звуками Поэзіи; такихъ пѣсней не внушаютъ люди, не внушаетъ никакая земная дѣвушка!«

Она читала и перечитывала стихи къ Генріэттѣ, и ужасное сознаніе, что ихъ могла внушить только пламенная любовь, невольно отзывалось въ душѣ Элеоноры.

»Не уже ли и этотъ человѣкъ мнѣ чужой! Не уже ли и здѣсь ошиблась я! Нѣтъ — имя Генріэтты вымышлено — ея нѣтъ въ мірѣ; онъ писалъ къ своему идеалу, и ошибся въ имени: ту, которая встрѣтитъ тебя въ мірѣ и осуществитъ твой идеалъ, называютъ *Элеонора!* Не правда ли, Рейхенбахъ?«

»И что же такое: если твое сердце уже принадлежитъ кому-нибудь, не уже ли ты отвергнешь Элеонору, когда она, изъ милости, попроситъ подлѣ тебя мѣстечка, имени твоей сестры, сестры твоей Генріэтты?

»*Сестры!* Ужасно — нѣтъ, никогда, никогда!

Я пожертвую тебѣ всѣмъ; но ты не будешь братомъ моимъ: ты будешь для меня всѣмъ — я обовью тебя, какъ змѣй, я задушу тебя въ моихъ объятіяхъ, воскрешу тебя моею страстію, и тогда спрошу: чей ты, Вильгельмъ — этой ли вдохновительницы Генріэтты, или Элеоноры, сумасшедшей для того, чтобы ты въ жизни своей узналъ всѣ обольщенія славы, любви, узналъ всю грусть неба, всѣ радости ада?...

»Но кто эта Генріэтта? Гдѣ она? Чѣмъ она обольстила моего Вильгельма?« — И съ трепетомъ отбросила отъ себя Элеонора рукопись Вильгельмову. »Проклятіе лежитъ на мнѣ со дня моего рожденія!« воскликнула она, съ ужасомъ сжимая руки....

ГЛАВА IV.

»Послушай, другъ мой,« сказала Генріэттѣ мать ея, госпожа Шульце. Старушка вдѣвала въ это время нитку въ иголку, поднявъ къ свѣту носъ свой, вооруженный огромными очками. Очки были безъ ручекъ, и состояли изъ двухъ огромныхъ стеколъ въ серебряной оправѣ, соединенныхъ тоненькою полоскою оправы въ видѣ дуги. Эта полоска, по старому обычаю, была обмотана шелкомъ. Кто первый выдумалъ обматывать шелкомъ пространство между стеклами очковъ, этого никто не знаетъ; но всѣ очечные мастера донынѣ обматываютъ это пространство очковъ шелкомъ. Очки, не имѣя ручекъ, которыми могли бы держаться на головѣ и ушахъ, держатся послѣ сего упругостью оправы на носу. Отъ этого носъ немножко сжимается, и прида-

етъ произношенію какую-то особенность, которая нѣкогда была въ большой модѣ у католицкихъ проповѣдниковъ.

»Послушай, Генріэтта,« продолжала старушка, и никакъ не могла вдѣть своей ниточки въ иголку.

— Что вамъ угодно, маменька? — сказала Генріэтта, подбѣгая къ матери. Вѣрно вы не можете вдѣть нитки — позвольте мнѣ.

»Не нужно,« отвѣчала мать, торжественно продергивая нитку сквозь ушко иголки — »я еще довольно хорошо вижу.« Она поправила подушечку, привернченную винтомъ къ столу, и начала шить. »Я хотѣла только замѣтить: почему ты сегодня такъ неприлежно занимаешься своею работою?«

Щечки Генріэтты немного зарумянились.

Я замѣчаю, что ты безпрестанно выбѣгаешь изъ комнаты, безпрестанно подбѣгаешь къ окну.

Щечки Генріэтты сдѣлались розовыми.

»Мнѣ кажется, что ты, какъ будто безпокоишься о чемъ-то, говоришь сама не зная что и отвѣчаешь безъ толку.

Краска на щечкахъ Генріэтты увеличивалась. Старушка продолжала важно, тихо, полусурово:

»Третій день я замѣчаю все это, и, признаюсь, могла бы подумать, что ты ждешь кого-ни-

будь, безпрестанно выбѣгая на встрѣчу и глядя въ окошко. Что же ты молчишь? Отвѣчай! Я, кажется, пріучала тебя такъ, чтобы послѣ Бога, которому должна быть открыта душа твоя, ты ничего не скрывала и отъ меня, матери твоей.

Тутъ щечки Генріэтты загорѣлись ярко. Но, потупивъ голову, она продолжала поспѣшно шить и молчала.

»Что же ты молчишь?« Старушка важно посмотрѣла на нее. »Видишь ли: твоя нитка оборвалась, а ты шьешь, не замѣчая этого. Отчего такая разсѣянность?

— Маменька! — сказала Генріэтта умоляющимъ голосомъ, и принялась перемѣнять нитку.

»Ну, что же: *маменька?*

— Я ничего не скрываю отъ васъ.

»Вотъ, видишь ли, какъ одинъ грѣхъ ведетъ за собою другой: ты скрыла отъ меня что-то, а теперь солгала. Ложь — ужасный грѣхъ, и все равно въ маломъ или большомъ дѣлѣ.

Слезы показались на глазахъ Генріэтты, но она еще молчала.

»Можетъ быть, я ошибаюсь; но для того-то, чтобы между нами не оставалось ни малѣйшаго недоразумѣнія, никакого слѣда недовѣрчивости, рѣшилась я начать говорить съ тобою. До сихъ

поръ, я всегда была довольна тобою; мы жили какъ друзья. Ты помнила, чѣмъ была обязана мнѣ, помнила всѣ мои горести и заботы о тебѣ: какъ больную тебя, въ младенчествѣ, по три ночи нашивала я на рукахъ, не спавши сама; какъ потомъ лелѣяла тебя послѣ смерти отца, не досыпала ночей, лишала себя всего, самаго необходимаго, чтобы только тебѣ доставить какую нибудь радость и наслажденіе. Нѣтъ! я не воображала, какъ другія матери, чтобы въ тебѣ приготовить кормилицу моей старости. Ты была всегда такая больная, и я часто со слезами помышляла, прислушиваясь къ твоему болѣзненному дыханію, что Богъ ведетъ меня умереть гдѣ нибудь въ богадѣльнѣ, или пристаницѣ бѣдныхъ вдовъ. . . . Но я не оставляла заботъ моихъ о тебѣ. . . .

— О маменька! что вамъ угодно? — Пощадите только меня.

»Скажи мнѣ: что у тебя за связь съ Вильгельмомъ?

Генріэтта поблѣднѣла. Тайна, которую хранила она отъ самой себя, которую закрывала всею душею своею — эта тайна вырвана была однимъ именемъ Вильгельма и брошена теперь передъ цѣлымъ свѣтомъ. Мать составляла для Генріэтты цѣлый свѣтъ; кромѣ ея, она никого и ничего

не знала. Такъ громъ ударяетъ въ высокую колокольню стариннаго собора готическаго; молнія пролетаетъ сверху до низа, и башня вдругъ падаетъ въ обломкахъ.

— Связь? Маменька! какое ужасное слово вы сказали! У меня нѣтъ никакой связи съ нимъ, клянусь....

»Не клянись, мой другъ, никогда и ничѣмъ; не забывай восьмой заповѣди: »Не призовеши имени Господа твоего всуе.«

— Маменька! вы терзаете мое сердце.

»Сама очисти его, другъ мой, отъ грѣха. Чѣмъ я терзаю его? Гдѣ научилась ты такимъ словамъ? Не уже ли ты такъ прилежно вслушивалась въ стихотворческіе разсказы Вильгельма? Говори же: вѣдь ты *его* ждешь, и потому такъ неприлежно занимаешься работою, подбѣгаешь къ окну, выбѣгаешь изъ комнаты?

— Да — произнесла дѣвушка едва слышнымъ голосомъ.

Старушка замолчала. Генріэтта не смѣла взглянуть на нее, не смѣла и заплакать, хотя слезы изъ глубины души прилились къ глазамъ ея. »Да, я этого прежде не замѣчала,« ворчала старушка въ полголоса, какъ будто разговаривая сама съ собою. »Не введи насъ во искушеніе

и избави насъ отъ лукаваго. — Только третьяго дня, когда въ послѣдній разъ приходилъ къ намъ Вильгельмъ, мнѣ показалось такъ странно: онъ читалъ намъ что-то на память, о какомъ-то старинномъ рыцарѣ, и ты вдругъ подсказала ему нѣсколько стиховъ. Когда и какъ могла ты узнать ихъ? Стало быть, вы разговаривали иногда съ нимъ потихоньку отъ меня, хоть бы и объ стихахъ? Но какъ можно имѣть тайны отъ матери! Вильгельмъ показался мнѣ такой странный — прости Господи, на-веселѣ — О! я этого не думаю, но онъ такъ не хорошо глядѣлъ на тебя... Знать наизустъ стихи... дѣвушкѣ....

Въ этотъ день, о которомъ говорила старушка, приходилъ Вильгельмъ, успѣлъ сказать Генріэттѣ, что на завтра онъ пойдетъ къ директору театра съ своимъ оконченнымъ *Арминіемъ*, успѣлъ сказать ей о своихъ надеждахъ, хотѣлъ немедленно извѣстить ее потомъ объ успѣхѣ. И вотъ три дня нѣтъ его! Вѣрно, неудача! Что дѣлается теперь съ Вильгельмомъ! Гдѣ онъ? И если успѣхъ — не забылъ ли онъ свою Генріэтту? Нѣтъ! не *на-веселѣ* былъ Вильгельмъ: онъ былъ пьянъ любовью, восторгомъ, мечтами!

— Скажи, Генріэтта, что же, въ какомъ ты отношеніи съ Вильгельмомъ?

»Я люблю его, маменька — прошептала Генріэтта.

— Любишь? Да, правда, мы должны любить всякаго ближняго, какъ самого себя, а всякій человѣкъ есть нашъ ближній. Но любовь любви разница. Видишь ли, мой другъ, какъ неопытность увлекаетъ насъ, и какъ премудро учреждено, чтобы дѣти слушались своихъ родителей: родители замѣняютъ имъ умъ и опытность. Богъ видитъ, не думала я, чтобы Вильгельмъ могъ тебѣ такъ понравиться, чтобы его красныя слова увлекли тебя. Что значитъ принимать къ себѣ въ домъ молодаго человѣка! Подумай только: если бы люди замѣтили твое чувство къ Вильгельму, если бы онъ самъ замѣтилъ его!

»Самъ замѣтилъ его!« Эти слова вдругъ облегчили Генріэтту, такъ, что ей показалось, будто гора свалилась съ ея груди. »Стало быть, маменька не догадывается, что Вильгельмъ давно знаетъ любовь мою къ нему? Она страшится, она бранитъ меня даже и за то, что я тайно люблю Вильгельма. Но что же заговорила бы она, если бы знала, что я сама сказала уже Вильгельму о любви моей; что онъ осмѣлился поцѣловать меня, два, нѣтъ — три раза; что онъ прибѣжалъ однажды ко мнѣ подъ окно ночью,

и — я отворяла ему форточку; даже въ кирхѣ онъ мнѣ говорилъ о любви своей, и я не пѣла молитвъ — не молилась вовсе . . . Боже! что дѣлала я?

Но, прошу поладить съ дочерьми-дѣвушками! Вы думаете, будто Генріэтта, считая преступленіемъ все, что позволяла Вильгельму: и поцѣлуй, и то, что она отворяла форточку въ окнѣ, и то, что онъ разговаривалъ съ нею о любви въ кирхѣ и она забывала молиться въ это время, и то даже, что она слушала его разговоры и пожимала ему руку, и все это скрывая отъ матери — вы думаете: она ужасалась теперь этихъ преступленій?

— Нѣтъ! она страшилась, она трепетала при мысли: *если бы все это знала маменька, что̀ бы сказала она?* Знаете ли, что если бы мать начала спрашивать ее подробно, Генріэтта — будь что ни будетъ — все сказала бы ей, все рѣшительно . . . Но Генріэтта во глубинѣ души молила Бога, чтобы матери не пришло въ голову подробно разспрашивать ее. Странная противоположность человѣческихъ дѣйствій: мы готовы на позволеніе себѣ того или другаго, и — скорѣе умремъ, нежели скажемъ людямъ: я сдѣлалъ то, или другое! Что это значитъ: противоположность условій нашей жизни съ при-

родою? Или ты правъ, Руссо? Отаитянка ходитъ нагая, обнимаетъ мужчину, приводитъ его къ отцу и говоритъ: »Отецъ! онъ супругъ мой!« и не краснѣетъ отъ своихъ словъ, отъ своего поступка. Дикарь крадетъ у васъ вещь, приходитъ и говоритъ: »Я просилъ у тебя этого; ты мнѣ не далъ: я укралъ у тебя; теперь это мое — возьми же себѣ, что угодно отъ меня въ замѣну.« Чукча соглашается убить чужеземца, и говоритъ ему: »Товарищи положили тебя убить, и взять у тебя вотъ эту водку и этотъ табакъ; ты проживешь у меня три дня, пока я не могу выдать тебя, какъ гостя; будь веселъ — вотъ тебѣ моя жена и дочь; не бойся: чрезъ три дня я самъ убью тебя, а другимъ убить не позволю!«

Скажете-ли, что мы, Европейцы, добродѣтельнѣе, чище нравами этихъ полу-звѣрей, потому, что наша дѣвушка скорѣе умретъ, нежели скажетъ о поцѣлуѣ, украдкою сорванномъ съ ея ротика, пока мать заглядѣлась въ сторону? Но душа этой дѣвушки чиста, какъ ключъ нагорной воды. Что скажете объ Европейцѣ, который умретъ, но не откроетъ того, что сильно кипѣло въ душѣ его, въ чемъ признавался онъ самъ себѣ передъ судомъ совѣсти? Но онъ добродѣтеленъ и чистъ душою, какъ весеннее небо.

Не здѣсь ли противорѣчіе приличій, изобрѣтенныхъ Человѣкомъ, и страстей, втиснутыхъ въ душу Природою; условій, выдуманныхъ людьми, и неволи дѣйствій, какія вложила въ сердце человѣка природа? — Дочь Брамина съ ума сойдетъ, если вѣтеръ сорветъ съ нея покрывало при мужчинѣ; и что̀ сдѣлали бы наши дѣвушки, если бы надобно было имъ являться на балъ *полураздѣтыми*, какъ являлись ихъ маменьки въ 1801 году!

Но — къ чему разсужденія? — Не отдавая отчета самой себѣ въ томъ, велико или мало было преступленіе, Генріэтта трепетала теперь только одного, чтобы мать не узнала тайны ея вполнѣ. Я готовъ поклясться вамъ за невинность и чистоту души и сердца этой очаровательной дѣвушки; но видите ли вы тѣнь облаковъ на ея душѣ и сердцѣ? Она скрываетъ, притворяется, плачетъ, слушая наставленія и совѣты матери — и что еще такое сдѣлала она! — А между тѣмъ, отказывается ли отъ своихъ преступленій Генріэтта? Даетъ ли себѣ обѣщаніе отречься отъ Вильгельма и любви его? Нѣтъ! на эту минуту это, по крайней мѣрѣ, не приходитъ ей въ голову — не придетъ и потомъ. И всѣ совѣты и наставленія пролетѣли, какъ

вѣтерокъ на поверхности озера; и страсти, прикипѣвшія къ душѣ, цѣлы во глубинѣ сердца, какъ чудовища озерныя, скрытыя зеркальною его поверхностью....

Страсти, страсти! будьте вы самыя чистыя и святыя — вы все чудовища! Но что мы безъ васъ? Воздухъ безъ азота, земля безъ океана, небо безъ бурь и грома, свѣтъ безъ тѣни.... Человѣкъ задохнется, умретъ отъ свѣта, жажды и духоты — безъ страстей. Блаженъ факиръ, соединившій ихъ всѣ на кончинѣ своего носа; но за то онъ съ ума сходитъ, смотря на свой носъ!....

Тяжко дышала Генріэтта. Еще никогда душа ея не знала до сихъ поръ такого страшнаго испытанія. Въ первый разъ увидѣла она въ матери своей грознаго судію совѣсти; въ первый разъ она начала отдавать самой себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Любовь, безотчетно сливавшаяся съ ея душею, какъ воздухъ сливается съ нашимъ дыханіемъ незамѣтно, вдругъ отдѣлилась отъ нея, слилась въ какой-то темный образъ, и этотъ образъ принималъ всѣ черты Вильгельма, говорилъ ей пламеннымъ его языкомъ, глядѣлъ его свѣтлыми глазами. »Онъ не я, но я безъ него также не полное я!

Безъ него чего-то не достаетъ душѣ моей, и что̀, и кто̀ замѣнитъ мнѣ эту неполноту бытія?« Не такъ высказывала себѣ тайную мысль свою Генріэтта, но такова была ея мысль. Начало всѣхъ философскихъ формулъ найдемъ въ первой мысли, въ первомъ словѣ ребенка; всѣ измѣненія и переходы страстей уже скрыты въ первомъ впечатлѣніи сердца дѣвушки и юноши, которые не смѣютъ поглядѣть прямо другъ на друга. Наполеонъ, защищая отъ товарищей свою крѣпость въ Бріеннскомъ училищѣ, былъ уже Наполеономъ, которому потомъ нѣгдѣ было улечься, когда онъ хотѣлъ спокойно отдохнуть на земномъ шарѣ.

Но души юныя мягки какъ воскъ, готовы принять всѣ измѣненія, которыя даетъ имъ рука художника. Если бы всѣ отцы и матери были Кановами и Микель-Анджелами для дѣтей своихъ, и умѣли вылѣпливать души ихъ въ превосходныя формы... Наставленія и совѣты — форма на душу дѣтскую.

Мать Генріэтты — такъ честолюбивъ человѣкъ! — прежде всего довольна была тѣмъ, что угадала тайну дочери. Нѣсколько времени молчала она, думая: »Да, видно, что насъ не

проведутъ, старыхъ людей; мы-таки знаемъ все, какъ ни хитрятъ они, эти молодые люди!«

Потомъ — опять проклятое честолюбіе! — ей хотѣлось выказать все свое краснорѣчіе, всю свою мудрость. Если бы люди думали только убѣдить сердце и душу другихъ, они не говорили бы много и красно. Не уже ли вы не видите, что, разглагольствуя краснорѣчиво, человѣкъ хочетъ, прежде всего, доказать, какъ онъ самъ уменъ, какъ хорошо понимаетъ онъ то, что говоритъ? Да, да, именно: спросите самихъ себя, и послѣ того повѣрьте мои слова чѣмъ угодно, начиная съ совѣтовъ матери дочери до Филиппикъ говоруна Цицерона.

И притомъ, какъ *не умѣютъ* говорить люди! Доказывать вредъ чего нибудь, когда это уже сдѣлано; говорить о себѣ, когда человѣкъ не только не думаетъ о другихъ, но забываетъ и самого себя; доказывать ему чужимъ умомъ, когда его собственный умъ погибъ передъ страстью! Мы всѣ мудрецы и философы, когда рѣчь о другихъ; мы всѣ дураки и невѣжды, когда начинается рѣчь о самихъ насъ.

— Генріэтта, мылый другъ! обними меня; если ты страдаешь — будемъ страдать вмѣстѣ: вдвоемъ легче; если Вильгельмъ достоинъ люб-

ви твоей — онъ будетъ твой; но не увлекайся своею любовью: позволь мнѣ быть *твоимъ* умомъ — ты будь *моимъ* сердцемъ.

Такъ говорилъ бы я, и обнялъ бы Генріэтту, и плакалъ бы вмѣстѣ съ нею, и святая, чистая любовь Вильгельма соединилась бы съ нами на счастье жизни, или она убѣжала бы съ трепетомъ отъ насъ, если бы на ней отразился хоть немного туманъ грубой, земной страсти. — Но что говорила мать Генріетты?

— Генріэтта! можетъ быть, ты не понимаешь вполнѣ опасности, какой подвергала себя своею безразсудною любовью. Люди совсѣмъ не такъ хороши, какъ они кажутся, и повѣрь, что многіе скорѣе порадуются погибели своего ближняго, нежели счастью его. Твой такой возрастъ теперь, что тебѣ особенно надобно осторожнѣе вести себя съ мужчинами. Мужчины, другъ мой, удивительныя Божіи творенія. Извѣстно, что самъ Господь благословилъ союзъ первыхъ людей, и опредѣлилъ женщинѣ быть подругою мужчины. И при благословеніи Божіемъ повелѣно даже »оставить человѣку отца и мать и прилѣпиться къ мужу, или женѣ,« и быть имъ за единаго человѣка. Но дьяволъ разсѣваетъ плевелы между пшеницею, и пока

мужчина не обвѣнчанъ съ тобою, его надобно бояться, какъ огня; быть съ нимъ вѣжливою, учтивою, но знать, что изъ сорока дѣвушекъ мужчина тридцать девять обманетъ, а женится только на сороковой, и то, когда увидитъ, что ее обмануть не въ состояніи.

»Но какъ же они обманываютъ? И развѣ я знаю какихъ нибудь мужчинъ? И будто Вильгельмъ такой же, какъ другіе?«

Все это готова была сказать Генріэтта, но молчала.

— Люди, мой другъ, если замѣтятъ одинъ нескромный взглядъ твой, то ужъ готовы подумать Богъ знаетъ что. Каждое слово твое перетолкуютъ, каждое движеніе пересудятъ.

»Мои подруги такъ откровенно говорятъ между собою, и всѣ онѣ такія добрыя!« думала Генріэтта.

— Не надобно никого грубостью оскорблять, разумѣется, мужчинъ также. Они могутъ имѣть честныя намѣренія. Но кто имѣетъ честныя намѣренія, тотъ прежде всего поговоритъ съ матерью, и дочь сама не будетъ знать, что подлѣ нея сидитъ женихъ, и испытываетъ ея сердце, умъ, воспитаніе, даже то, можетъ ли она быть доброю матерью и хозяйкою.

»Какъ: хитрить, испытывать, думать о хозяйствѣ, когда онъ не знаетъ еще люблю ли я его? Сходиться недовѣрчиво, какъ будто два злодѣя, которые боятся другъ друга, но по неволѣ осуждены жить вмѣстѣ? Если всѣ люди таковы, какъ не отдать моей души Вильгельму: онъ *одинъ* на таковъ, какъ всѣ! — думала Генріэтта.

— Я увѣрена въ честности и благонравіи Вильгельма. Человѣкъ онъ молодой, добрый, умный, и изъ него можетъ выйдти человѣкъ весьма хорошій. Но онъ еще такъ молодъ, безразсуденъ, и притомъ я такъ мало знаю его состояніе, даже и то, къ чему онъ себя назначаетъ. Мать его была мнѣ хорошо знакома, лѣтъ двадцать тому, когда мужъ ея жилъ здѣсь. Послѣ того они уѣхали отсюда. Куда не нравится мнѣ, что Вильгельмъ занимается этимъ стихотворствомъ, этимъ пустымъ дѣломъ, которое мой покойный Готтлибъ называлъ *нехлѣбною* глупостью! Вотъ я никогда еще не разсказывала тебѣ подробно о томъ, какъ сватался за меня твой покойный отецъ... Кстати теперь....

И премудро расчитала старушка, что трогательная и нравоучительная повѣсть въ родѣ

Бульи, о томъ, какъ увидѣлъ ее Готтлибъ, какъ старался войдти въ домъ отца ея, какъ ходилъ къ нимъ потомъ два года, какъ черезъ дядю своего объяснялся съ отцомъ, какъ ему положено было испытаніе еще на годъ, и прочее и прочее — что все это будетъ полезно для дочери. Она колебалась только: все ли подробно надобно разсказывать? Были обстоятельства, напримѣръ, что Готтлибъ ходилъ мимо дома отца ея, и она всегда являлась у окна, когда проходилъ онъ; что однажды онъ осмѣлился поклониться ей, и — она ему поклонилась. Когда онъ явился послѣ сего къ нимъ, она увидѣла въ немъ знакомаго незнакомца, и покраснѣла, забыла ему поклониться; мать начала бранить ее за неловкость; она хорошо понимала, что это происходитъ не отъ неловкости, но не сказала матери. Должно ли все это разсказывать Генріэттѣ? Утаить — грѣхъ, да и *не хочется,* потому что это-то и составляло для старушки всю прелесть воспоминанія, а не то, какъ уговаривалъ ее пасторъ быть доброю женою, и дядя узнавалъ, что Готтлибъ въ самомъ дѣлѣ былъ не шалунъ, не негодяй. И такъ надобно разсказать все? Но если разска-

зать все это, то куда же дѣнутся преблагоразумные совѣты и поученія старушки?

Право, не знаю, какъ рѣшила для себя такое затрудненіе мать Генріэтты, только она хотѣла уже приняться за разсказъ свой, и придумала превосходные выводы объ обязанностяхъ человѣка, дочерей къ матерямъ, сыновей къ отцамъ. Этимъ хотѣла старушка увѣнчать разсказъ свой, и потомъ предписать подробныя правила для дочери. Но — Человѣкъ предполагаетъ, а располагаетъ Судьба. Едва только произнесла она:

»Случилось это, другъ мой, назадъ тому лѣтъ«...

Дверь быстро растворилась — вошелъ Вильгельмъ.

На этотъ разъ съ обѣихъ сторонъ было что-то необыкновенное.

Прежде Вильгельмъ почти всегда былъ замѣченъ еще до прихода своего: Генріэттѣ почти всегда *случалось* стоять подлѣ окошка, и видѣть, какъ онъ идетъ по улицѣ. И потомъ, всегда почти, она говаривала матери своей: »Кажется, маменька, это г-нъ Рейхенбахъ идетъ къ намъ?« И ласковое: Willkommen, sey willkommen (добро пожаловать)! встрѣчало гостя. И гость останавливался еще на порогѣ дверей;

не рѣдко, шутя, стучалъ онъ потихоньку въ двери, ожидая, что ихъ отворитъ Генріэтта, что по крайней мѣрѣ она приготовится встрѣтить его своимъ милымъ взоромъ. Потомъ онъ шелъ прямо къ старушкѣ, съ скромнымъ, потупленнымъ взоромъ, цѣловалъ ея руку, какъ будто не замѣчая Генріэтты. Почтительно кланялся онъ послѣ этого Генріэттѣ, и она обыкновенно спѣшила подать ему стулъ; Вильгельмъ съ извиненіями бросался за нею, но Генріэтта всегда успѣвала взяться за спинку стула рукою. Тутъ была важная выгода: Вильгельмъ, стараясь отнять стулъ, бралъ его за спинку тамъ, гдѣ была ручка Генріэтты, и успѣвалъ пожать милую ручку Генріэтты, успѣвалъ притомъ сказать ей шопотомъ: »Ангелъ, милый другъ мой!« даже просто: »Генріэтта!« Этого было довольно; выраженіе голоса замѣняло слова. Послѣ того Генріэтта уступала ему завоеванный имъ стулъ; Вильгельмъ опять становился къ ней невнимательнымъ, придвигался къ столику, и заводилъ безконечный разговоръ съ матерью.

Теперь все это шло совсѣмъ не такъ, какъ бывало прежде.

Вильгельмъ могъ предполагать, что въ теченіе трехъ дней ждалъ его кто нибудь; но, какъ

будто на зло ему, ни нарочно, ни случайно никто не поглядѣлъ, какъ ѣхалъ онъ по улицѣ — да, онъ *ѣхалъ,* и въ прелестномъ маленькомъ кабріолетѣ — и *никто* его не видалъ, то есть, его не видала Генріэтта, а до *другихъ* что ему за дѣло! Никто и не привѣтствовалъ Вильгельма, когда онъ вошелъ въ комнату: старушка занималась шитьемъ и важно говорила съ дочерью; Генріэтта занималась шитьемъ и не говорила ничего.

Правда, и Вильгельмъ явился не по прежнему. Лицо его было пламенное, глаза пылающіе; казалось, что демонъ какой-то засѣлъ въ его сердцѣ и тянетъ къ себѣ всѣ жилы, такъ, что бѣдная кровь не знаетъ куда ей дѣваться, бурлитъ, бѣжитъ, кипитъ. Вильгельмъ быстро растворилъ дверь, почти вбѣжалъ въ комнату.

На него съ изумленіемъ оглянулась послѣ этого старушка; Генріэтта не оглянулась вовсе. Вильгельмъ остановился: ему показалось, будто на него пахнуло холодомъ.

»А! г-нъ Рейхенбахъ! какъ это вы забрались къ намъ, въ нашу далекую сторону?« сказала мать хладнокровно.

Неловко поклонился Вильгельмъ, и думалъ:

»Не уже ли меня всегда такъ встрѣчали? Кажется, что нѣтъ!

»Просимъ садиться, г-нъ Рейхенбахъ!«

Генріэтта не спѣшила итти за стуломъ. Она сидѣла неподвижно. Молча Вильгельмъ взялся за стулъ — прежде, вотъ на этой спинкѣ всегда находилъ онъ ручку Генріэтты... Мрачно придвинулъ онъ стулъ свой къ столику. Генріэтта отодвинулась отъ него, ближе къ матери, и украдкою поглядѣла на мать, какъ будто говоря: »Маменька! прикажите, что́ мнѣ теперь дѣлать?«

— Ну, какъ вы поживаете, г-нъ Рейхенбахъ? Впрочемъ, мы еще недавно видѣлись съ вами.

»Здоровы ли вы, г-жа Шульце?«

— Слава Богу!

»А вы, милая Генріэтта?«

— Здорова. — Она пробормотала это слово сквозь зубы, и не глядѣла на Вильгельма. Мать толкнула ее потихоньку. »Что хочетъ сказать мнѣ маменька?« думала Генріэтта. »Не понимаю!«

Иногда на умныхъ людей находитъ ужасная непонятливость.

»Онѣ здоровы. Что же значитъ какая-то странная холодность, или печаль ихъ? Ахъ! ес-

ли бы теперь была имъ какая нибудь нужда, и я могъ бы пособить имъ?« думалъ Вильгельмъ.

— Какова погода, г-нъ Рейхенбахъ? — спросила старушка.

»Я что-то не замѣтилъ,« отвѣчалъ Вильгельмъ.

— Какъ: *не замѣтили?*

»Извините, г-жа Шульце: что такое я вамъ сказалъ?

— Я спрашивала у васъ о погодѣ, а вы отвѣчали, что не замѣтили ее.

»Въ самомъ дѣлѣ?« Вильгельмъ усмѣхнулся. »Признаюсь, г-жа Шульце, что я отвѣчалъ очень глупо.

— Ничего: маленькая разсѣянность. Это со всякимъ случается. Вотъ еще недавно вздумалось мнѣ итти къ старой знакомкѣ, совѣтницѣ Шницеръ-Памеръ . . . .

»Боже великій!« думалъ Вильгельмъ — »что это такое!«

Хотите ли знать, отъ чего такъ странно, необыкновенно вбѣжалъ въ комнату Вильгельмъ?

Въ эти три дня, пока не видался съ Генріэттою, онъ успѣлъ перемѣнить свой чердакъ на небольшую, прелестную квартиру въ лучшей части города; превосходно обмеблировалъ

ее; лучшій портной замѣнилъ его платье прекраснымъ моднымъ платьемъ; деньгамъ не видно было конца, мечты были еще безконечнѣе: слава, любовь, счастье, Генріэтта. На другой день послѣ переселенія, директоръ театра прислалъ ему на новоселье дорогой сервизъ, самъ завернулъ посѣтить его. Поэты и привычные гости директора успѣли отнять у него цѣлое утро. И Вильгельмъ совсѣмъ не замѣтилъ въ нихъ ни глупости, ни ничтожества: онъ видѣлъ людей страстныхъ къ поэзіи, къ театру, умныхъ наемнымъ умомъ, ловкихъ условною вѣжливостью! въ первый разъ въ жизни съ нимъ говорили о литературѣ, о поэзіи, сказывали ему всѣ литературныя тайны. Все это, какъ новость, имѣетъ прелесть, неизяснимую для юнаго литератора. Въ газетѣ успѣло явиться литературное извѣстіе городоваго Жоффруа, что спектакли начнутся новою оригинальною трагедію, твореніемъ юнаго поэта; что онъ, Жоффруа, слышалъ ея чтеніе и поздравляетъ публику съ новымъ превосходнымъ явленіемъ; что онъ *надѣется подарить публику* отрывкомъ изъ трагедіи, ибо юный поэтъ, конечно, позволитъ ему *украсить* этимъ его листы. Знаете ли, какое непостижимое очарованіе заклю-

чено въ печатномъ объявленіи вашего имени, когда въ первый разъ видите вы свое имя въ печати? О! тутъ кажется вамъ, что каждая буква пляшетъ, какъ Дервиши подъ дудку Виландова Оберона, кажется, что они играютъ съ вами въ анаграму, становятся одна на мѣсто другой, передвигаются, сдвигаются, колдуютъ о вашей будущности... Нѣтъ! никогда не стану я говорить юношѣ: »не печатайте вашего имени, пока не станете писать хорошо!« — Я скажу ему: »печатай, дитя мое, и нужды нѣтъ, что ты пишешь вздоръ, печатай пока молодъ, и гляди по цѣлымъ часамъ на подпись своего имени; такихъ минутъ немного въ жизни; дорожи ими! — Для печатанья есть также разочарованіе, какъ для поцѣлуя любви, какъ для всего другаго въ мірѣ. И когда вы станете *писать хорошо*, когда не только имя ваше внесутъ въ Словари и Исторіи Литературы, но даже выскажутъ всѣ глупыя подробности вашей жизни — вѣрьте, что тогда весьма нерѣдко вы со вздохомъ вспомните слова царя Соломона о суетѣ мірской. Не говорю о дуракахъ и дурныхъ писакахъ — не объ нихъ рѣчь: они также бываютъ счастливы, печатая до самой смерти, какъ счастливъ бываетъ глупецъ съ

своею нелѣпою женою, проживши 20-ть лѣтъ и радуясь на нѣсколько неопрятныхъ дуралеевъ, которыхъ прижилъ съ своею супругою въ эти 20-ть лѣтъ.

Да, Вильгельмъ испыталъ наслажденіе: видѣть имя свое въ печати. И отъ всего, отъ всего такъ полна была душа его, что переполнилась и хлынула черезъ край. — »Къ Генріэттѣ!« вскричалъ онъ — »Послѣ докончу все, съ чѣмъ хотѣлось бы мнѣ явиться къ ней. *Три дня* ждетъ она — вѣрно ждетъ, и горюетъ, и не знаетъ, что сдѣлалось съ моимъ Арминіемъ! Бѣгу къ ней, скажу: »виватъ, *Арминій* побѣдилъ! И я разскажу ей все, все! И чего мнѣ ждать еще: я потребую Генріэтты у ея доброй матери... Какъ только пережить мнѣ то мгновеніе, когда я упаду къ ногамъ этой старушки, и Генріэтта, раскраснѣвшись, стыдясь, любя, не смѣя говорить, не смѣя молчать, упадетъ въ мои объятія!... Голова кружилась у Вильгельма; въ глазахъ у него становилось темно... Онъ велѣлъ подать кабріолетъ, небрежно одѣлся, побѣжалъ изъ комнаты, и вдругъ остановился: »Если ихъ нѣтъ теперь дома? Не послать ли къ нимъ спросить? — Нѣтъ! онѣ дома!.. . Опять остановился Вильгельмъ: »Какъ

начать? Приготовить ли имъ нечаянное изумленіе, вдругъ потребовавъ отъ матери руки Генріэтты? или прежде говорить о неожиданномъ успѣхѣ *Арминія?* Велилій Боже! только бы не задохнуться отъ счастья близъ порога жилища Генріэттина, только бы перешагнуть черезъ этотъ порогъ, и умереть уже потомъ, устремляя послѣдній взоръ на моего ангела Генріэтту!

Бѣги, спѣши, мечтатель! тебя встрѣтили вопросомъ о погодѣ, о здоровьѣ, и въ доказательство, что разсѣянность бываетъ со всякимъ, начали разсказывать о г-жѣ Шницеръ-Памеръ! А онъ боялся умереть онъ восторга, и теперь сидитъ подлѣ столика, и барабанитъ пальцами маршъ терпѣнію . . .

Воля ваша, мм. гг., Судьба иногда безжалостно шутитъ съ людьми!

А она, эта Генріэтта, молчитъ, какъ Судьба. Все безотвѣтно.

— Г-жа Шульце, почтенная, милая г-жа Шульце — сказалъ наконецъ задумчиво Вильгельмъ, перебивая разсказъ старушки о разсѣянности г-жи Шницеръ-Памеръ.

Старушка терпѣть не могла, когда перебивали ея разсказы. Вильгельмъ въ другой разъ

попадалъ сегодня въ эту бѣду: онъ перебилъ своимъ приходомъ важный разсказъ о сватовствѣ Готтлиба; теперь самовольно нарушаетъ другой, хотя и не столь любопытный, но также разсказъ. Первое можно было простить, какъ нечаянность; но чѣмъ извинить второе, явное нарушеніе порядка разговоровъ!

»Ну, что же, *почтенный, милый, г-нъ Рейхенбахъ?*« повторила она слова Вильгельма съ досадою, видя, что Вильгельмъ остановился.

— Не позволите ли вы мнѣ прочитать вамъ одно письмо, которое писалъ я сегодня, и еще не кончилъ?

»Я боюсь читать чужія письма.« Право, старушка не была такою своенравною и сердитою, какою хотѣла показаться; но вотъ что дѣлаетъ досада!

Вы не повѣрите, какъ эти немногія слова опечалили Вильгельма. Сердиться онъ не могъ...

— *Чужія!* — повторилъ онъ. — До сихъ поръ я осмѣливался думать, г-жа Шульце, будто я не вовсе вамъ чужой... уныло проговорилъ Вильгельмъ, и не зналъ, что прибавить еще.

Старушкѣ стало совѣстно. »За что я оскорбляю этого бѣднаго молодаго человѣка?« поду-

мала она, и желая скрыть свое смущеніе, наклонилась къ своей работѣ.

Между ею и Вильгельмомъ билось въ это время *одно сердце* — сильно билось оно, но не смѣло говорить, не знало даже, надобно ли ему говорить. У этого сердца были на стражѣ два проворные глаза, и чьи глаза Любовь не научаетъ говорить безъ словъ! Сердце это чувствовало, что теперь надобно бы утѣшить бѣднаго Вильгельма, хоть какимъ нибудь безмолвнымъ словомъ. Глазки тихо подглядѣли то мгновеніе, когда старушка наклонилась къ своей работѣ, и быстро оборотились въ это мгновеніе на Вильгельма. Боже мой! ихъ взоръ встрѣтился со взоромъ Вильгельма, и чего не высказалъ ему этотъ бѣглый, тайный, грустный, умоляющій взоръ!

»Вильгельмъ!« говорилъ онъ — не сердись на мою добрую маменьку.

»Ты не чужой, ты родной ей и мнѣ, и больше нежели родной: я люблю тебя!

»Скажи: зачѣмъ не былъ ты у насъ три дня, и какъ тебѣ не совѣстно, милый Вильгельмъ!

»Говори же, говори скорѣе: что твой *Арминій?*«

И будто все это высказалъ *одинъ* взоръ, про-

должавшійся *одно* мгновеніе? Увѣряю васъ въ этомъ, потому что все это понялъ и выразумѣлъ Вильгельмъ. Если одна каракулька Египетскаго обелиска могла высказывать Кирхеру цѣлыя строки смысла, и на одну черту Брамы не достаетъ цѣлой жизни размышленія Индійскихъ философовъ, почему взору любви, участія, состраданія не высказать всего, что нашелъ въ немъ Вильгельмъ?

И чего стоилъ Генріэттѣ этотъ взоръ! Сколько надобно было смѣлости рѣшиться на него, искусства скрыть его отъ матери, жизни — выразить имъ все, чего не умѣла бы сказать Генріэтта продолжительнымъ разговоромъ!

И этотъ взоръ оживилъ, утѣшилъ Вильгельма, возвратилъ ему всѣ его радости, расплатился съ нимъ за всю грусть, за всю досаду. Онъ опять былъ тотъ же Вильгельмъ, который спѣшилъ къ Генріэттѣ отъ избытка сердца, отъ того, что ему надобно было подѣлиться жизнью съ Генріэттою.

А мы съ такимъ безчувствіемъ смотримъ на глаза человѣческіе, на этотъ обломокъ неба на землѣ; мы такъ безразсудно расточаемъ наши взоры на ничтожество бытія, на мелкость жизни, насъ окружающую. Блаженъ сберегающій

взоры свои для неба, для любви, для одного прекраснаго!

— Сударыня! — сказалъ Вильгельмъ, и голосъ его выражалъ и тонкую насмѣшку, и что-то сердечное, такъ что полное выраженіе его походило на брань, которую ласково говоритъ мать, называя сына своего *дурачкомъ*, *маленькимъ шалуномъ*, *несноснымъ забіякою* . . . Милая, почтенная г-жа Шульце! Если я самъ хочу читать вамъ мое письмо, не значитъ ли это, что вы не будете знать его украдкою отъ меня, противъ моей воли? Я хочу слышать ваше мнѣніе, просить вашего совѣта — будьте добры, будьте такъ ласковы . . .

»Какое же это письмо, Вильгельмъ?«. . . Старушка забыла уже о словѣ: *чужой*, и о томъ, что называла Вильгельма *г-мъ Рейхенбахомъ*. Право, она была такая добрая . . .

— Вы услышите.

»Къ кому же оно?

— Къ моей матери.

Да, Вильгельмъ рѣшился прочитать письмо, которое писалъ онъ къ матери поутру и не успѣлъ кончить. Одѣваясь, онъ положилъ въ карманъ сюртука своего — вы будете смѣяться надъ Вильгельмомъ? — положилъ листокъ

газеты, гдѣ Жоффруа ихъ города писалъ объ его трагедіи. Письмо къ матери лежало подлѣ листка, на столѣ. »И его возьму я съ собою — и когда буду говорить съ Генріэттою, пусть сердце мое будетъ закрыто священнымъ именемъ маменьки моей!« — Такова была мысль Вильгельма. — Но когда его встрѣтили такъ холодно, когда неожиданный пріемъ вдругъ застудилъ всѣ восторги въ душѣ его, всѣ слова на его губахъ, и онъ не зналъ, что теперь начать ему говорить — сердцу Вильгельма сдѣлалось тяжко, больно. Онъ взялся рукою за свое сердце, и подъ рукою своею ощупалъ письмо, которое положилъ въ карманъ сюртука. »Мать моя! будь моимъ вдохновеніемъ, благослови меня въ эту минуту! твоя душа услышитъ мою душу, отзовется ей, если правда, что для души не существуетъ пространство! — Я прочту имъ, что писалъ къ тебѣ«...

— Къ вашей матушкѣ? О! я всегда уважала ее — сказала старушка.

»Вы полюбите ее, когда узнаете ближе, полюбите, если позволите мнѣ говорить вамъ объ ней, объ этой обожаемой мною, драгоцѣнной для меня матери; позволите сказать вамъ все, чѣмъ я обязанъ ей, что она дѣлала для меня;

цѣлой жизни моей недостаточно для заплаты ей за любовь ко мнѣ.

Съ жаромъ говорилъ это Вильгельмъ; у старушки навернулись слезы; Генріэтта, не боясь болѣе ничего, подняла на Вильгельма глаза и смотрѣла на него полнымъ выраженіемъ любви. »Нѣтъ! я не могу не любить человѣка, который такъ говоритъ о своей матери!« готова была сказать она, если бы мать ея рѣшилась опять напоминать ей объ осторожномъ поведеніи, о скрытности съ мужчинами.

Вильгельмъ вынулъ письмо, развернулъ и читалъ:

»Давно, милый единственный другъ мой, мать моя добрая! я не писалъ къ вамъ, и не отвѣчалъ вамъ даже на два послѣднія письма ваши. Что сталъ бы я писать? Что я здоровъ? Но отъ чего быть мнѣ больному? — Что я счастливъ? Нѣтъ! я солгалъ бы вамъ! А писать, что жизнь моя, бѣдная жизнь моя протекаетъ въ работѣ, изсушающей душу и сердце, въ угнетающихъ недостаткахъ, въ глупыхъ мечтахъ и надеждахъ несбыточныхъ — для чего говорить вамъ обо всемъ этомъ, для чего терзать сердце ваше? Пусть лучше мучится оно неизвѣстностью о судьбѣ моей, нежели извѣстностью о несчастіи. Скажу вамъ откровенно, ми-

лая маменька, что въ послѣднее время обстоятельства мои дошли до величайшей крайности: работа мнѣ опротивѣла, бѣдность угнетала меня; всѣ средства были истощены, безжалостные книгопродавцы, жалуясь на недостатокъ денегъ, на упадокъ торговли, едва давали мнѣ на пропитаніе за мою работу; уроки мои шли худо, потому что разстроенная голова моя не могла мнѣ помогать въ этой ничтожной работѣ; чувствуя всю безполезность моихъ уроковъ, во всѣхъ отношеніяхъ, я возненавидѣлъ глупое занятіе учителя. Между тѣмъ, я задолжалъ . . .

— Г-нъ Рейхенбахъ! не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы были въ такомъ состояніи?« воскликнула мать Генріэтты, отчасти сердитымъ, отчасти укоряющимъ голосомъ.

— Да, г-жа Шульце.

»Какъ же было не сказать мнѣ? Не уже ли у меня не нашлось бы нѣсколькихъ талеровъ...

— Подать мнѣ милостыню? — спросилъ, улыбаясь, Вильгельмъ.

»Милостыню — можно ли!« воскликнула Генріэтта невольно.

Есть какое-то тайное наслажденіе даже увеличивать въ глазахъ другихъ бѣдствіе и погрѣшность свою, если мы увѣрены, что бѣдствіе

прошло, а погрѣшность исправлена. Это наслажденіе испытывалъ теперь Вильгельмъ.

— Какъ же иначе, милая, добрая Генріэтта? И что сказали бы вы мнѣ, г-жа Шульце, если бы я тогда открылъ вамъ весь ужасъ моего положенія? Вы видѣли бы во мнѣ безумнаго шалуна, жалкаго бѣдняка...

»Но теперь дѣла ваши?« спрашивала старушка, забывая спросить о причинѣ крайности, до которой доведенъ былъ Вильгельмъ.

— Вы увидите. »Между тѣмъ я задолжалъ, и не видѣлъ средствъ выплатить....

»Какъ же это можно? г-нъ Рейхенбахъ...

— Мнѣ надобно было пить и ѣсть — отвѣчалъ Вильгельмъ съ горькою улыбкою. Глаза Генріэтты были полны слезъ. »И онъ мнѣ ничего не говорилъ!« думала она — »и еще притворялся такимъ веселымъ, счастливымъ«.... Несправедливая! близъ тебя онъ точно бывалъ веселъ и счастливъ, въ самыя ужасныя минуты своего бытія!

»Предчувствую упрекъ вашъ, милый другъ, маменька: не уже ли онъ могъ забыть въ это время, что у него есть мать; что она готова раздѣлить съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба и всякую горесть! — Нѣтъ! не обвиняйте меня:

у меня оставался драгоцѣнный талисманъ, данный мнѣ вами противъ отчаянія: это была *Вѣра,* крѣпкая, безсмертная вѣра, что Богъ не попускаетъ бѣдствію до конца; что никто еще не видалъ *дѣтей праведника просящихъ хлѣба* подъ окномъ людей немилосердыхъ; что отецъ мой, праведникъ въ небесныхъ селеніяхъ, блюдетъ сына своего на землѣ, видитъ его и благословляетъ; что Богъ не лишитъ меня радости быть утѣхою вашею въ преклонныхъ вашихъ лѣтахъ. И послѣ сего я не хотѣлъ отягчить своею горестью и безъ того тяжелой жизни вашей.

— Вильгельмъ! такія чувства дѣлаютъ вамъ честь — сказала старушка, стараясь скрыть свое чувство. Генріэтта едва переводила дыханіе.

»Честь? Я не думалъ объ ней,« сказалъ Вильгельмъ.

Молчаніе. Онъ началъ снова читать.

»И еще была у меня, подруга-утѣшительница, неоставлявшая меня . . . .

— Не уже ли дочь моя? — »Не уже ли я?« вдругъ подумали старушка и Генріэтта. »Ради Бога, скорѣе, скорѣе« — готова была воскликнуть Генріэтта.

»Эта подруга была та неистребимая страсть къ Поэзіи, милая маменька, та страсть, которая увлекла меня отъ занятій, предназначаемыхъ мнѣ рожденіемъ; увлекла отъ васъ, заставила другихъ говорить, что вы потворствуете мнѣ, что я погибну, пропаду отъ вашего излишняго снисхожденія къ моей вѣтренности. Она отвратила меня потомъ отъ ученья въ университетѣ, и заставила меня жить здѣсь, въ удаленіи отъ васъ и отъ всего міра, на чердакѣ, питаясь почти хлѣбомъ и водою, и уносясь въ міръ мечтаній. Вы неоднократно спрашивали меня въ письмахъ: пишу ли я еще стихи? Вы повѣрили мнѣ, что я стараюсь приготовиться ученьемъ къ выполненію обязанностей моей жизни. Вы думали, что подъ этимъ словомъ я разумѣлъ приготовленіе себя къ какому нибудь званію, должности? Нѣтъ! назначеніемъ жизни моей почиталъ я *Поэзію*, и не обманывалъ васъ. На вопросъ вашъ о стихахъ — я молчалъ. »Пишу ли *еще* стихи!« А *ихъ* только и писалъ я, и все остальное считалъ я ничтожнымъ, постороннимъ, и все ученье устремлялъ къ одному — Поэзіи! Я пережилъ много съ того времени, какъ разстался съ вами, пережилъ вѣка... Но, простите меня, ми-

лая маменька! я не стану говорить вамъ о томъ, чего не поймемъ мы другъ въ другѣ: вамъ душа моя, вамъ сердце мое; но о томъ, что почиталъ я назначеніемъ жизни, о мечтательномъ бытіи моемъ въ мірѣ, недоступномъ для каждаго *непоэта* — позвольте мнѣ молчать... Тысячи плановъ, тысячи предпріятій, неудачъ оскорбленій, сознаніе въ своемъ ничтожествѣ, терзали, радовали, мучили меня, дѣлали блаженнымъ, дѣлали несчастнѣйшимъ изъ людей. Весь міръ, вся жизнь поглощены были для меня міромъ безумія и мудрости, звуковъ и словъ — міромъ, вселенною Поэзіи.... я не существовалъ для другаго«....

Пламенно читалъ все это Вильгельмъ, и взоръ его обхватывалъ въ одно время письмо и лица Генріэтты и матери: душа смотрѣла его глазами — она дальновидна; и Вильгельмъ видѣлъ участіе старушки, трепетъ Генріэтты, пока читалъ о своемъ вещественномъ бытіи, о своей доброй матери. Но когда онъ перешелъ въ міръ своего поэтическаго бытія, взоръ его замѣтилъ, что выраженіе лица Генріэтты и матери ея вдругъ измѣнилось. Онъ положилъ письмо на столъ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нихъ.

Старушка казалась строгою и смущенною. Генріэтта поблѣднѣла. И ясно прочиталъ Вильгельмъ на лицѣ первой досаду, сожалѣніе, даже какое-то чувство оскорбительнаго презрѣнія; на лицѣ другой — печаль, глубокую печаль, которая поднялась изъ сердца, и выразилась въ физіономіи, незнающей науки скрывать свое чувство.

Переведемъ это на понятный языкъ.

»Такъ онъ безумный стихотворецъ, бѣдный сочинитель, занимающійся *не хлѣбною глупостью,* по словамъ моего Готтлиба? Такъ отъ этого происходили и бѣдность его, и бездѣльство, и крайность, и то, что онъ ненавидѣлъ полезныя занятія учителя, порицалъ университеты и ученье? И вотъ, только-что попалъ онъ на своего конька, такъ и поскакалъ Богъ вѣдаетъ куда! Правда, онъ добрый сынъ; да что доброта безъ ума? А умъ и стихотворство, — сума нищаго, всегдашняя вывѣска ихъ....

Такъ думала мать Генріэтты.

»Обманщикъ! Не онъ ли увѣрялъ меня, что я была его вдохновеніемъ, что вся жизнь, все бытіе его принадлежатъ мнѣ? И что же теперь говоритъ онъ? Когда онъ упомянулъ о подругѣ — сердце сказало мнѣ, что это была я, и — въ

первый разъ оно обмануло меня! Что мнѣ въ его поэзіи! Что ему до меня, если онъ съ первымъ дыханіемъ отданъ этой проклятой поэзіи! Я не понимаю того, что говоритъ онъ; и если онъ весь принадлежитъ ей, и не довѣряетъ тайнъ души своей даже своей матери, повѣритъ ли ихъ бѣдному уму бѣдной дѣвушки....

Генріэтта! на что умъ? Генріэтта! никто не понимаетъ этого таинственнаго міра: его только *чувствуютъ*... Не обвиняй Вильгельма! Поэзія его живетъ, дышитъ тобою; для него преобразилась она въ тебя: ты, она — для него нераздѣльны. Но Генріэтта ничего не слушаетъ!

— Простите маленькой мечтательности, г-жа Шульце — сказалъ Вильгельмъ. Вижу, что здѣсь надобно пропустить мнѣ нѣсколько строкъ. — Старушка, молча, наклонила голову. Вильгельмъ разсѣянно искалъ въ письмѣ: гдѣ опять вступаетъ онъ въ міръ вещественный, искалъ и не находилъ. Жизнь и Поэзія разсорились въ немъ, разорвали его бытіе; голосъ его потерялъ увлекательное свое выраженіе. Онъ хотѣлъ вступить въ этотъ вещественный міръ поэтомъ побѣдителемъ, и долженъ былъ начать вещественными выгодами, какія доставила ему поэзія.

Больно? А вы еще хотите, чтобы Поэзія была дружна съ Жизнію!

»Наконецъ, мой *Арминій* былъ конченъ, и я представилъ его въ дирекцію театра....

— Позвольте, г-нъ Рейхенбахъ: что это за Арминій? — спросила старушка съ любопытствомъ.

»Трагедія, которую наконецъ успѣлъ скропать я« — сухо отвѣчалъ Вильгельмъ, пораженный прозою вопроса.

— Трагедія! Но дня три тому, вы читали намъ прекрасные стихи объ Арминіѣ, храбромъ рыцарѣ, который разбилъ Римское войско, и такъ сильно любилъ свою — не знаю, баронессу или принцессу Веледу?

Генріэтта покраснѣла. Ей досадны были вопросы матери, которая не знала грознаго Арминія, и думала, что Германія съ начала міра была населена баронами. Глаза Генріэтты обратились на Вильгельма, но въ нихъ видно было уже одно доброе участіе; они говорили ему: »я чужая *твоей* Поэзіи и *твоему* Арминію; но скажи однакожъ, что сдѣлалось съ нимъ?« Только это, и тихую печаль, готовую радоваться даже и *чужему* счастью, видѣлъ и понялъ Вильгельмъ.

»Это была моя трагедія« — отвѣчалъ онъ на вопросъ старушки.

— Такъ вы написали трагедію? Да это, говорятъ, дѣло не маленькое, весьма важное. И ваша трагедія хороша? Какъ, напримѣръ, она противъ Коцебу, или....

»Объ этомъ должны судить другіе«... Скоро и неразборчиво, съ нетерпѣніемъ, досадою, опять началъ читать Вильгельмъ: »Порадуйтесь, милая маменька, благословите мой успѣхъ: онъ неожиданный, блестящій! Не говорю о выгодахъ жизни; но онъ оправдалъ мою увѣренность въ самомъ себѣ: съ восторгомъ слушали чтеніе моего *Арминія* г-нъ директоръ театра, лучшіе артисты, литераторы, бывшіе у него; меня осыпаютъ похвалами; говорятъ, что послѣ Шиллера ничего не видала Германія подобнаго; самый лестный отзывъ напечатанъ былъ въ здѣшней газетѣ; публика ждетъ съ нетерпѣніемъ, когда дадутъ мою трагедію. Если бы я въ половину вѣрилъ похваламъ, то ихъ достаточно бъ было ослѣпить меня. Признаюсь въ слабости: это радуетъ меня; и когда вчера прошелъ я нечаянно по гулянью, и вокругъ меня шептали, повторяли имя мое, имя вашего сына, маменька —

когда я слышалъ слова: *поэтъ* — *прекрасно* — *Арминій* ....

Весело подняла голову старушка. — Поздравляю васъ, г-нъ Рейхенбахъ, сердечно поздравляю!

»Состояніе мое вдругъ и совершенно перемѣнилось. Мнѣ выдали за *Арминія* единовременно 2000 талеровъ ....

— Двѣ тысячи, г-нъ Рейхенбахъ!

»Кромѣ того предлагаютъ бенефисъ, или 10-й процентъ, считая съ 21-го представленія, въ теченіе трехъ лѣтъ. Директоръ просилъ еще меня принять званіе переводчика при театрѣ, и сказалъ, что г-нъ вице-суперъ-директоръ, баронъ фонъ-Калькопфъ желаетъ меня видѣть, и готовъ сдѣлать для меня все, что только можетъ ....

— Его Высокопревосходительство, Баронъ фонъ-Калькопфъ? Да, чего не можетъ онъ? — Работа выпала изъ рукъ старушки.

»Обо мнѣ говорили при дворѣ, на большомъ праздникѣ, который давалъ Его Свѣтлость въ загородномъ домѣ своемъ Монбижу, и Его Свѣтлость изъявилъ свое желаніе читать мою трагедію, и хотѣлъ даже назначить день для представленія его высокой особѣ ....

Генріэтта была блѣдна, неподвижна. Старушка хлопнула руками, успѣвъ только выговорить: »Его Свѣтлость!« . . .

Вильгельмъ положилъ письмо на столъ, и съ горестью думалъ: »Такъ вотъ что приводитъ ихъ въ восторгъ! Она готова была назвать меня сумасшедшимъ негодяемъ, а теперь готова кланяться мнѣ . . . . И это мать Генріэтты!

Все, и досады, и размышленіе, и чтеніе, прервано было кашлемъ за дверью; дверь отворилась; г-жа Шницеръ-Памеръ, любимая, почетная гостья и знакомка г-жи Шульце, предстала своею высокою и худою совѣтническою особою. При видѣ ея, г-жа Шульце забыла Вильгельма, и Арминія, и Его Свѣтлость.

»Ахъ! г-жа совѣтница!

— Ахъ! моя почтенная г-жа Шульце! Насилу дотащилась я къ вамъ . . . .

»Рѣдкая, нежданная гостья!

— Почтенная, любезная г-жа Шульце!

Старухи цѣловались. Генріэтта низко присѣла, стоя подлѣ матери, вытерпѣла прикосновеніе двухъ костяныхъ губъ къ своимъ розовымъ губкамъ, и, какъ будто забывши о Вильгельмѣ, спросила у матери: »Маменька! прикажете приготовить кофе?«

— Да, поскорѣе, поскорѣе.... И безъ цикорію — тихо прибавила она. — Какъ молнія мелькнула Генріэтта изъ комнаты и сильно хлопнула дверью.

»Ахъ!« вырвалось изъ устъ г-жи совѣтницы.

— Извините: это вѣтренница моя, Этхенъ побѣжала....

»У меня такъ ужасно разстроены нервы, г-жа Шульце; всякій стукъ меня пугаетъ; всѣ двери у меня смазываютъ масломъ, и служанки ходятъ въ чулкахъ, чтобы не стучать башмаками....

— Извините.

»Помилуйте, да что за бѣда! Вѣдь молодость не заставитъ ходить тихо — и мы въ старое время прыгали, а не сходили съ лѣстницъ....

— Правда, правда, г-жа совѣтница! Но что ваша почтенная племянница?

»Сейчасъ отъ нея. Знаете, рѣдко выходя изъ дома, я собираю вдругъ много дѣлъ: и родныхъ посѣтить, и друзей старыхъ повидать (старушки кланяются другъ другу) и дѣла пообдѣлать. Да, что! Моя племянница плохо меня слушается, почтенная г-жа Шульце, плохо, очень плохо. Вотъ я вамъ сказывала уже, что было у меня съ нею двѣ недѣли тому....

Только тутъ, обводя глазами, чтобы узнать:

нѣтъ ли лишнихъ людей, и чтобы не проговориться между этими лишними людьми, совѣтница увидѣла Вильгельма, вспомнила, что этотъ неизвѣстный молодой человѣкъ ей не поклонился, и испытующимъ взоромъ обглядѣла его съ ногъ до головы. Потомъ оборотилась она съ такою миною къ г-жѣ Шульце, что лицо ея представило собою вопросительный знакъ? —

»А, позвольте мнѣ порекомендоватъ вамъ, г-жа совѣтница, очень любезнаго молодаго человѣка, сына моей старой знакомки, г-на Рейхенбаха....

— *Фонъ*-Рейхенбаха?

»Нѣтъ! батюшка его былъ богатый капиталистъ, какъ мой Готтлибъ.

— Былъ. Такъ, г-жа Шульце. А его милость?

»Онъ сочинитель, и недавно весьма хорошо написалъ трагедію одну.

— Такъ, г-жа Шульце. — И взоръ совѣтницы опять выразилъ вопросъ: что же онъ, женихъ вашей дочки?

»Его Высокопревосходительство, г-нъ баронъ Калькопфъ отмѣнно милостивъ къ г-ну Рейхенбаху.

— Его Высокопревосходительство! — Совѣтница оправилась. — Знаменитый вельможа! Онъ былъ въ большой пріязни съ моимъ покойнымъ

Совѣтникомъ; управлялъ тогда .... Если бы моему покойному Совѣтнику не помѣшала болѣзнь, онъ былъ бы теперь .... Мнѣ пріятно, г-нъ Рейхенбахъ .... Позвольте мнѣ ....

И совѣтница надулась и отвернулась отъ него. Не только не кланялся при входѣ ея Вильгельмъ, но и теперь стоялъ въ сторонѣ, кусалъ ногти, не слыхалъ, какъ она начинала съ нимъ говорить.

Испуганная гнѣвомъ совѣтницы, г-жа Шульце громко заговорила съ Вильгельмомъ. »Г-нъ Рейхенбахъ! что вы задумались? Г-жа Совѣтница фонъ-Шницеръ-Памеръ вамъ кланяется.

Вильгельмъ опомнился, и съ изумленіемъ смотрѣлъ на совѣтницу.

»Извините, г-жа совѣтница — ласково, въ полголоса, сказала г-жа Шульце — вѣдь онъ сочинитель!

Въ переводѣ, это значило: онъ немножко сумасшедшій.

Совѣтница была довольна извиненіемъ, и съ видомъ состраданія и снисхожденія обратилась къ Вильгельму, который вспомнилъ наконецъ, что надобно поклониться, и потомъ сѣлъ на стулъ, сложа руки на груди.

— Скажите, г-нъ Рейхенбахъ — вотъ вы сами

сочинитель: что это вы нынѣ, г-да сочинители, не сочиняете Геллертовыхъ басенъ? Право, такая бѣда: нечего дѣтямъ учить; съ малолѣтства вытвердятъ Геллертовы басни наизустъ, еще грамотѣ не зная, а потомъ и не за что взяться, когда они примутся за настоящее ученье.

Совѣтницѣ, какъ умной женщинѣ, хотѣлось завести *литературный* разговоръ. Умный человѣкъ тотчасъ пойметъ, чѣмъ можетъ доказать умъ свой.

»Въ этомъ виноваты, сударыня, наши дамы,« отвѣчалъ насмѣшливо Вильгельмъ. »Для чего не угодно имъ родить хоть по одному Геллерту въ годъ? Они родятъ только г-дъ совѣтниковъ, г-дъ рекетмейстеровъ, интендантовъ, и другихъ чиновныхъ особъ.«

Совѣтница, въ изумленіи, оборотилась къ матери Генріэтты. »Прекрасное время,« сказала она — »какъ много гуляющихъ; думаю отправиться на булль-пратеръ« .... Это значило: съ вашимъ сочинителемъ не стоитъ терять время!

— Какъ, г-жа совѣтница? Вы уже хотите итти!

»Я боюсь помѣшать вашей бесѣдѣ съ почтеннымъ вашимъ гостемъ.

АББАДДОННА.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

Toutes les pages de la vie humaine sont dignes d'être lues. Le sage nous instruit, le gai nous amuse, l'imprudent nous enseigne ce qu'il faut éviter, l'absurde nous guérit du spleen.

* * *

Каждая изъ страницъ человѣческой жизни достойна быть прочитанною. Умная научаетъ насъ; веселая забавляетъ; безразсудная изъясняетъ намъ, чего надобно избѣгать; нелѣпая вылечиваетъ насъ отъ сплина.

* * *

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 9 дня 1839 года.

Ценсоръ и *Кавалеръ И. Снегиревъ.*

Печатано въ типографіи Конрада Вингебера.

АББАДДОННА.

ЧАСТЬ II.

. . He that plays the king, shall be welcome; his majesty shall have tribute of me: the adventurous knight shall use his foil, and target, the lover shall not sigh gratis; the humorous man shall end his part in peace; the clown shall make those laugh, whose lungs are tickled o'th'sere; and the lady shall say her mind freely, or the blank verse shall halt for't. — What players are they? . . .

Hamlet, Act. II, scene 2.

=

. . . *Играющій роли Королевскія — добро пожаловать: готовъ принять Его Милость; и странствующій рыцарь найдетъ работу своему копью, своему мечу; любовникъ будетъ вздыхать не даромъ; весельчаку — свобода доиграть ролю свою до конца; шутъ смѣши, а любовница высказывай всю свою душу — сколько позволятъ эти нелѣпые стихи. — Да, что это за актеры?*

(*Гамлетъ*) Шекспиръ.

АББАДДОННА.

ГЛАВА I.

Новая квартира Вильгельма была такая веселая, такая милая; окна изъ его комнаты отворялись въ цвѣтникъ; все было вокругъ него такъ чисто, опрятно, свѣтло, уютно. Маленькая гостиная, маленькій кабинетъ съ каминомъ, диванъ, кресла, зеркало — игрушки! Но не уже ли только дѣти любятъ игрушки?

Что же? Какъ онъ грустенъ, бѣдный Вильгельмъ! Долго вечеромъ сидѣлъ онъ, облокотясь на окошко и безъ мыслей глядя въ цвѣтникъ; безпокоенъ послѣ того былъ сонъ его; рано проснулся онъ. — Осенняя, туманная погода стояла на дворѣ.

»Какъ странно — думалъ Вильгельмъ —

одинъ ли разъ бывало на моемъ бѣдномъ чердакѣ, что я возвращался домой промокшій до костей, не зная есть ли у меня крейцеръ въ карманѣ на завтрашній день, и — я бывалъ счастливъ и доволенъ, потому что возвращался *отъ Генріэтты,* просидѣвъ съ нею вечеръ! И въ чемъ проходилъ этотъ вечеръ? Иногда не удавалось мнѣ сказать съ нею ни одного слова; но она *была тутъ,* взглядывала на меня, когда я говорилъ съ ея матерью, и мать ничего не понимала изъ моихъ словъ, но все понимала она, тогда *моя* Генріэтта. Какъ свѣтлѣлась тогда передо мною моя будущность, какою яркою зарею радости горѣлъ тогда востокъ моей жизни! — Правда, никогда не бывалъ я счастливъ вполнѣ: тучи грустныхъ помышленій облекали собою зарю мою; существенность моя была такъ бѣдна... Но солнцемъ сіяло тогда передо мною вдали одно, и въ этомъ одномъ были всѣ блага земли и неба: Генріэтта *твоя!* Ищи славы для любви, вѣрь любви для славы. Любовь! она исчезла дымомъ, едва вихрь извѣстности началъ расправлять мои крылья. А слава? Не уже ли я ступилъ уже на ея скользкую дорогу? Бѣдна же слава, если она такъ мало наполняетъ собою душу.

Моя душа не полна, одинока, запустѣла. Гдѣ высокое самосознаніе генія, какое долженъ онъ ощущать при взглядѣ на свои творенія? Гдѣ увѣренность въ силахъ на будущіе подвиги? *Арминій* мой, чѣмъ больше смотрю на него, представляется мнѣ какою-то пыткою ума, чѣмъ-то мозаическимъ, систематическимъ. Онъ не вылетѣлъ изъ груди моей, какъ вздохъ по небу, какъ привѣтъ любви вылетаетъ изъ груди человѣка! Міръ будущихъ созданій тѣснится передо мною; но какъ они неясны, темны, какъ мелки и ничтожны! Все чужое въ нихъ, все было сказано прежде меня. Что это? Крошки послѣ роскошной трапезы Шекспировъ и Гёте; въ нихъ одно усиліе: стараться не писать такъ, какъ писали они, великіе — вотъ все, до чего старается теперь достигнуть умъ человѣка. И отъ чего быть ему самобытнымъ? Нашъ вѣкъ — монета, истертая употребленіемъ, обрѣзанная, вытравленная Жидами и мѣновщиками. Мы сами родимся холодно, систематически; мы плачемъ въ нашей колыбели, а не производимъ звуковъ гармоническихъ. Пчелы не летаютъ нынѣ на уста младенца-поэта съ своимъ медомъ: гдѣ отыскать имъ колыбель его въ нашихъ городахъ! Только любовь мог-

ла бы еще воспламенять поэта на созданія чудныя... Но гдѣ искать ее?... О Генріэтта!

Бѣдный Вильгельмъ разссорился съ міромъ и со всѣмъ, что есть въ мірѣ, разссорившись съ самимъ собою.

— Но, не уже ли искать любви для вдохновеній и покупать вдохновеніе на любовь?

— Подарите ее мнѣ, и геній мой затрепещетъ крыльями отъ ея нежданнаго прикосновенія.

— Чѣмъ я виноватъ передъ тобою, Генріэтта? Не ты ли обольстила меня своею душею и заковала меня въ цѣпи? Мнѣ не разорвать ихъ!

— Но что такое говорила она?

Каждое слово Генріэтты старался онъ привести себѣ на память, какъ ученикъ заданные уроки. Какъ взвѣшивалъ онъ ея каждое слово, какъ отыскивалъ онъ двоякій смыслъ въ каждомъ изъ нихъ...

— Мы не рождены понимать другъ друга, сказала она, и она боится, что половина моего бытія принадлежитъ Поэзіи. Ты хочешь *одна* владѣть мною? Да, это ревность, Генріэтта?... Могло ли такое чувство внѣдриться въ твою душу? Нѣтъ довѣренности, нѣтъ любви. Не уже ли и ты *женщина*...?

Что разумѣлъ Вильгельмъ подъ этимъ словомъ — не знаю; кажется, что-то оскорби-

тельное; но зналъ ли онъ женщинъ? Къ сожалѣнію, есть слова, которымъ люди придаютъ извѣстное значеніе, хотя не объяснили еще для себя сихъ словъ, и употребляютъ ихъ столь неопредѣленно, что они похожи на рѣку, по которой плаваетъ все, что вамъ угодно. Всѣ говорятъ: *женщина*, и не видятъ, что это слово гіероглифъ, многозначительнѣе Мемфисскаго скарабея.

— Я самъ не понимаю, чего хочетъ теперь душа моя! — воскликнулъ Вильгельмъ. — Пойду, вырву моего *Арминія* у людей, брошу его передъ Генріэттою, подамъ ей руку, уведу ее къ своей матери, и тамъ, заработывая хлѣбъ тяжкимъ трудомъ, топоромъ, лопатою, буду спрашивать ее каждый день: Генріэтта! довольна ли ты? Видишь: я не поэтъ больше; я каменьщикъ, я мощу улицы, рублю дрова.

— И все погибнетъ, что хранилось здѣсь? — Онъ указалъ на грудь.

— Пойду къ ней, буду хладнокровенъ, буду разсуждать съ нею, докажу ей, какъ она несправедлива, вымѣняю ея душу на свою.

— Стало быть, сердце ничего не говоритъ ей! Стало быть, она ничтожная кукла, какъ всѣ другія? Ей надобно растолковать, что такое значитъ любить, и потомъ съ титуломъ

почтеннаго, умнаго человѣка записаться въ ея счастливые супруги? А если бы я былъ тотъ же Вильгельмъ, только сумасшедшій: она съ ужасомъ убѣжала бы отъ меня! А если бы я разлюбилъ ее, терзалъ, вмѣсто награды за ея любовь, сдѣлалъ ее бѣдною невольницею своей страсти — она перестала бы любить меня!

— *Перестать любить!* Какъ глупо связываются иногда слова, и сколько земнаго въ языкѣ человѣческомъ, если мы можемъ выражать словами такія отвратительныя нелѣпости: *перестать любить*...

— Ахъ! только вчера замѣтилъ я, какъ глупа и ничтожна мать ея! Какое корыстолюбіе обнаружила она, услышавъ о ничтожныхъ выгодахъ, которыя доставилъ мнѣ *Арминій*.. А вѣдь Генріэтта *дочь* ея?

— Боже! — воскликнулъ Вильгельмъ, складывая руки и поднимая глаза къ небу — прости мнѣ тяжкій грѣхъ: я усомнился въ небесномъ происхожденіи моей Генріэтты; я забылъ, что это ангелъ души и сердца... Въ прахъ предъ нею все... полно размышлять... Генріэтта! я иду къ тебѣ, и на колѣняхъ буду слушать, что ты мнѣ скажешь... Ты или погубишь меня, или воскресишь: я брошусь въ

міръ и погибну, забывая тебя, или уйду къ матери — плакать вмѣстѣ съ нею... мать не отвергнетъ меня...

Но, мы не будемъ пересказывать всего, что передумалъ самъ съ собою Вильгельмъ: онъ былъ поэтъ, молодъ, любилъ — проснулся такъ рано.

Время пролетало непримѣтно. Уже было довольно поздно. — Явились Вейссе и Шпейеръ, издатель городской литературной газеты, объявившій о будущемъ появленіи Арминія, и еще какое-то сухое, вытянутое созданіе.

— Рекомендуемъ вамъ, г-нъ Рейхенбахъ, г-на Федеръ-Фриссена, изыскателя древностей и почтеннаго археолога.

»Я радъ.

— Онъ имѣетъ къ вамъ большое дѣло.

»Ко мнѣ?

— Да, м. г., позвольте мнѣ отнестись къ вамъ съ покорною просьбою. Я составляю Словарь всѣхъ писателей нашего государства, и надѣюсь, что вы сообщите мнѣ вашу біографію, роспись вашихъ сочиненій, если можно, экземпляры всего, что вы напечатали...

»Но, помилуйте, что я за важная особа, чтобы меня надобно включать въ Словарь вашъ?

— Мнѣ нѣтъ никакой надобности важенъ ли кто или нѣтъ; я собираю *имена* всѣхъ, кто хоть что-нибудь писалъ и печаталъ въ нашемъ отечествѣ, много ли, мало ли, худо ли, хорошо ли — все равно. Я не критикъ, я лексикографъ и библіографъ.

»Мнѣ казалось бы, что въ Словарь вашъ надобно записывать что-нибудь замѣчательное.

— Это не мое дѣло. Пусть судятъ и разбираютъ другіе: я только собираю, и могу сказать, что мой трудъ въ этомъ отношеніи превзойдетъ все, что только подобнаго было предпринимаемо въ Германіи. Всѣ наши Словари такъ неполны; библіографіи у насъ почти нѣтъ. Въ послѣднемъ изданіи Словаря современныхъ писателей, изданнаго Дупельшнепомъ, пропущено однихъ нашихъ соотечественниковъ 32 человѣка!

»Я не думалъ, чтобы столько всего набралось у насъ писателей.

— Какъ это можно! По моему счету, у насъ печатающихъ на сей годъ 394, и всѣ они въ прошломъ году напечатали круглымъ счетомъ 2986$\frac{3}{4}$ листа, не считая обертокъ.

»А многое ли изъ этого доживетъ до потомства?

— Это слово: *потомство*, слишкомъ неопредѣленно. Мы ищемъ только опредѣленнаго и положительнаго, м. г. —

»Что жь послѣ этого?

— Изслѣдованіе истины.

»Зеркала ея, хотите вы сказать, которое бросила она на землю, улетая въ небо, и которое мы находимъ кусочками.

— Прекрасная мысль! — Сухощавое твореніе выняло книжечку и стало записывать.

»Что вы записываете, м. г.?

— Ваше остроумное слово: я, знаете, составляю маленькій Словарь остротъ и апофѳегмъ Нѣмецкихъ. Это все пригодится. Изъ трудовъ нашихъ составятся потомъ Словари общіе изъ Словарей общихъ Исторіи, Географіи, Статистики. Другіе занимаются въ то же время извлеченіемъ выводовъ и таблицами вычисленій; третьи основываютъ на этомъ философическіе выводы о духѣ, нравахъ народовъ, состояніи Философіи, наукъ, ходѣ Человѣчества.

»Не уже ли изъ этого?

— Да, м. г., и потому-то всего важнѣе точность и вѣрность первоначальной обдѣлки. Не вмѣшиваясь въ отвлеченныя теоріи, я самъ сочинилъ нѣсколько таблицъ, которыя имѣлъ

удовольствіе видѣть въ Энциклопедіи Іохера и Криница.

»Кажется, нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ Политической Экономіи, а другія къ Исторіи образованія Германіи?« важно спросилъ его Вейсе.

— Да, м. г. — Въ одной вычислилъ я количество масла, сожигаемаго у насъ въ фонаряхъ уличныхъ, и вывелъ расчетъ излишка противъ Парижа, руководствуясь таблицами г-на Шаброля; а потомъ, соображая по вычетамъ Мейера, долготу дня и ночи въ разныхъ климатахъ, я сообразилъ, сколько, принимая извѣстную степень свѣта и толщину свѣтильни, выйдетъ масла въ Миланѣ, Генуѣ, Базелѣ...

Вельгельмъ улыбнулся. Вейсе продолжалъ: »Помнится, вы также привели въ таблицы успѣхи образованности въ разныхъ частяхъ Европы?

— Работалъ долго, да матеріяловъ нѣтъ, а такъ поверхностно считать, какъ Monsieur Дюпенъ, я не хочу. Нѣтъ! возьмите-ка мои таблицы печатанія книгъ въ Германіи: я исчислилъ и доказалъ положительно, что въ Мейнингенѣ выходитъ въ годъ по $3\frac{3}{16}$ печатныхъ листа на обитателя, и что если бы кто нибудь читалъ ежедневно въ теченіе 24 часовъ, про-

износя каждую секунду по одному слову, то могъ бы прочесть книги, объявленныя на пасхальной Лейпцигской ярмаркѣ, въ 79 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 17 дней; далѣе, дѣлая посылку къ жизни разныхъ званій, я доказалъ, что изъ числа книгъ, выходящихъ ежегодно въ Германіи, должно оставаться непрочитанными $4892\frac{1}{2}$ книги — Хе! вотъ, м. г., вычеты — вотъ таблицы! *Числа правятъ міромъ;* Нѣтъ, нѣтъ! *словамъ* я не вѣрю — подавай мнѣ *цифры.*

«Это очень любопытно.

— Не просто любопытно, а чрезвычайно важно. Я, напримѣръ, доказалъ Вольфово предположеніе объ Омирѣ математически. Вопросъ: существовалъ ли Омиръ? Хорошо! Беру посылку по числу написаннаго славнѣйшими поэтами; расчитываю восторгъ каждаго по числу лѣтъ; дѣлаю вычетъ + и — говорливости поэтической. Что же? Выходитъ, что написать Иліаду и Одиссею Омиру надобно было 272 года, 5 мѣсяцевъ и 6 дней. Ergo, c'est évident: *Омиръ не существовалъ.*

»Какъ? восторгъ поэта вы подвели подъ вычетъ математическій?

— Да вѣдь поэтъ человѣкъ? Онъ не можетъ болѣе того, что силы человѣка позволяютъ. Я сооб-

ражалъ импровизацію Скриччи, какъ данное, а за тѣмъ... Но, извините, мнѣ некогда: скоро ли могу я, г-нъ Рейхенбахъ, получить вашу біографію?

»Я не знаю...

— Во вторникъ являюсь къ вамъ. Простите! У меня всѣ часы расчислены по таблицамъ Франклина и Жульена.

»Куда вы теперь?« спросилъ Вейссе.

— Ко вдовѣ нашего покойнаго поэта, столь рано похищеннаго смертію у Музъ и Знаній, г-на Чибчика. Она обѣщала сыскать его метрику. Вообразите: у Криница на счетъ его ошибокъ бездна! Сказано, будто онъ родился въ Нейдорфѣ, близъ Хемница, а онъ родился въ Альтдорфѣ; отецъ его назывался будто бы Іоаннъ Фридрихъ, а онъ назывался Фридрихъ Эрнстъ; первая ода его принцу Липпе-Детмольдскому поднесена была будто бы 16 іюня 1793-го, а она была уже напечатана 16 октября 1792 года. Et voila comme on écrit l'histoire! — Потомъ забѣгу къ человѣку: обѣщалъ достать мнѣ каталогъ Михайловской ярмарки 1779 года, безъ перепечатаннаго 81-го листа, на которомъ поставлено изданіе Готшедовой Грамматики, уничтоженное авторомъ и невышедшее въ свѣтъ, въ слѣдствіе чего изъ всѣхъ

экземпляровъ каталога выдранъ былъ листокъ, гдѣ упоминается объ этомъ изданіи — какая важная находка!

Онъ ушелъ. Вейссе и Шпейеръ, важно сидѣвшіе по угламъ, громко захохотали, когда Вильгельмъ печально началъ говорить имъ:« Господа! это убиваетъ меня! Воображеніе поэта въ графахъ — наука изъ этихъ мелочей — даръ Божій, умъ употреблять на очищеніе грязи съ мостовой знанія! О, погибните лучше всѣ глупости, которыя мы пишемъ и печатаемъ, нежели быть имъ сохраненными Федеръ-Фриссенами, когда современникамъ нѣкогда прочитать ихъ, а потомству не стоитъ помнить объ нихъ! . . . Семьдесятъ девять лѣтъ прочитать вышедшее въ одну ярмарку . . . И тутъ Гёте и Чибчикъ . . . .

Вильгельмъ изумился, видя, что его собесѣдники хохочутъ. »Шутите вы нашимъ археологомъ!« сказалъ Шпейеръ — »Его пыль повернула голову поэта . . . Федеръ-Фриссенъ, просто, дуракъ, хоть онъ и членъ пяти академій, корреспондентъ Бальби, сотрудникъ Криница . . . Не уже ли, милый поэтъ, вы думаете найдти въ ученыхъ что нибудь другое, кромѣ познаній и славы Федеръ-Фриссеновъ? Вотъ вы, поэ-

ты, творите, а они только лижутъ пыль съ твореній. И все во благо, все хорошо: надобны зодчіе, надобны и плотники....

— И будто это познанія, это литература! Господа, это несносно — перестанемъ писать!

»Переставайте,« сказалъ Шпейеръ, »только прежде дайте мнѣ отрывочекъ изъ вашего *Арминія* въ завтрашній нумеръ.

— Ахъ, г-нъ Шпейеръ! я такъ недоволенъ имъ — не знаю, что выбрать.

»Что нибудь, любезный поэтъ! не бойтесь; вѣдь въ газетѣ прочтутъ и забудутъ, пока вы издадите вполнѣ; переправляйте потомъ, какъ вамъ угодно.

— Но мнѣ хотѣлось бы на пробу вамъ что-нибудь хорошее....

»Приготовьте лучше это къ моему альманаху, г-нъ Рейхенбахъ,« сказалъ Вейссе. »Я рѣшительно начинаю печатать его черезъ двѣ недѣли.

— Развѣ есть столько матеріяловъ?

»Какъ же, и какихъ еще! Будетъ портретъ барона Калькопфа — дорого проситъ этотъ проклятый Стеффенсъ, да дѣлать нечего — заглавный гравированный листокъ.... имена премкія: Гоффманъ, Гёте, Шиллеръ, Жанъ-Поль....

— Не уже ли ихъ неизвѣстныя сочиненія?

»Да, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныя: записка Гёте къ Шиллеру при посылкѣ сыру, 5 строкъ; отмѣтка Шиллера о дорожномъ бѣльѣ, какое взялъ онъ съ собою, ѣхавши изъ Іены въ Веймаръ въ 1798-мъ году; росписка Гоффмана въ выпитыхъ имъ у погребщика пяти бутылкахъ вина — прелестная шутка, шесть стиховъ; я самъ заплатилъ за нее два талера! Жанъ-Полева выписка изъ Аугсбургской Газеты, съ припиской . . . .

— Какой припиской?

»Онъ прибавилъ въ концѣ: »Что за глупость!« И потомъ его же рукою написано: »Проба пера,« и еще: »Дуракъ, глупецъ.» Видно, что онъ пробовалъ перо: я приложу факъ-симиле съ этой бумажки.

»И это будетъ альманахъ вашъ, г-нъ Вейссе?

— Да; а стиховъ и прозы дѣвать некуда? Дайте мнѣ что нибудь, любезный поэтъ: ваше участіе необходимо. Вѣдь у васъ, думаю, запасъ порядочный всякой величины! — вчера досталъ я драгоцѣнность: стихи покойнаго князя къ г-жѣ Клеронъ.

»Хороши?

— Французскія и — нелѣпость! Важно имя, и вѣдь послѣ этого можно будетъ поднести князю, а Его Свѣтлость, хоть не прочтетъ, да дастъ что нибудь: онъ такой покровитель просвѣщенія . . . .

»Будемъ откровенны, г-нъ Вейссе: если вамъ надобны имена, на что же мои стихи?

— При именахъ надобно что-нибудь и хорошее, для тѣхъ, которые читаютъ и не даютъ перстней и табакерокъ. Не все записки Шиллеровъ, да стихи князей . . . .

»Полно, альманачникъ!« вскричалъ, засмѣявшись, Шпейеръ — стихи г-на Рейхенбаха тебѣ надобны такъ же для его имени, какъ и записка Гёте о сырѣ. Что тутъ толковать — вѣдь мы своя братья, литературщина: объ васъ говорятъ теперь, толкуютъ, разсуждаютъ, г-нъ Рейхенбахъ, и альманачникъ ловитъ любопытство публики вами, какъ рыбу червячкомъ.

— Но, господа, что толковать обо мнѣ? — съ невольною улыбкой самодовольствія сказалъ Вильгельмъ — я еще ничего не сдѣлалъ, обо мнѣ еще ничего не знаютъ?

»Помилуйте, это къ чему? Тутъ всякій дѣлаетъ свое дѣло. Директоръ ищетъ добраго сбора, и самая новость — *трагедія,* оригиналь-

ная, въ Германскомъ духѣ, съ именемъ *Арми-нія*, съ Берлихингенскимъ окончаніемъ — уже приманка сильная. Вотъ директоръ и трубитъ въ газеты и въ уши знатнымъ и знатокамъ, а имъ не объ чемъ говорить — спасибо есть предметъ для разговора. Дивятся даже и тому, что явился чудакъ, Богъ знаетъ откуда, и высидѣлъ на чердакѣ трагедію. Будетъ она хороша — прекрасно; будетъ дурна — посмѣются и забудутъ объ ней и объ васъ. Журналамъ надобно покричать объ ней; альманачникамъ пощипать ее; актерамъ показать новые костюмы; директору прибавить дохода —

— А мнѣ?

»Ну вамъ слава. Только надобно поступить половчѣе. На вашемъ мѣстѣ я казался бы теперь дикаремъ, ничего незнающимъ, угрюмымъ, молчаливымъ, ничему неучившимся; жаловался бы на бѣдствія, горести, испытанныя мною съ самыхъ юныхъ лѣтъ; издалъ свою трагедію съ огромнымъ предисловіемъ, гдѣ доказывалъ, что всѣ правила драматическія ни къ чорту не годятся, перебралъ все отъ Делиля до Виктора Гюго, строилъ какую-нибудь систему новѣйшей драмы, думая о томъ только, чтобы поговорить, пошумѣть — шуму, шуму больше. . .

— А потомъ?

»Потомъ двѣ дороги. Съ вашею молодостію, съ вашимъ лицемъ и русыми волосами, роль Жильберта и Чаттертона вамъ чрезвычайно пристанетъ — застрѣлитесь, умрите — и вотъ Европейская слава, жалобы на прекрасное, рано погибшее дарованіе, опять предметъ для разговоровъ, для газетъ; объ васъ вспомнятъ, особливо если вы не забудете при смерти оставить элегическаго письма.

— Слуга покорный!

»Ну, такъ другая дорога: вамъ легко будетъ уступить дарованіе людямъ, сыскать мѣстечко потеплѣе; жиниться, быть сыту, потолстѣть, дремать въ креслахъ ученыхъ обществъ и смѣяться надъ молодежью, которая будетъ читать стихи вашей юности, изъ себя выходить отъ досады, смотря на вашъ задумчивый портретъ, снятый въ молодости и приложенный къ хорошенькому изданію in 18, кричать: Погибъ въ свѣтѣ, между людьми! Вотъ міръ! Вотъ люди!« и въ свою очередь мечтать, писать и оканчивать какъ всѣ другіе.

— Знаете ли, Г-нъ Шпейеръ, что ваши слова разочаруютъ самаго злаго поэта?

»Ха, ха, ха! пора мнѣ одуматься и пере-

стать шалить по вашему. Тьфу пропасть! Не уже ли вы думаете и Шпейеръ не мечталъ когда нибудь, не хотѣлъ быть и Богъ знаетъ чѣмъ? Всему своя череда, любезный поэтъ! Особливо, когда вы женитесь, да пойдутъ дѣти, надобно будетъ припасать кофе женѣ, башмаки имъ — право, забудете всякую поэзію.

— И такъ говорили и поступали Шекспиры, Расины, Софоклы?

«А не уже ли иначе? Шекспиръ писалъ отъ того, что кралъ орѣхи, бѣжалъ, умиралъ съ голода; Расинъ отъ того, что думалъ попасть въ великіе государственные люди и угодить Помпадуръ и Ментенонъ; а безъ своихъ стиховъ могъ ли онъ попасть ко двору? Онъ былъ красивый, ловкій волокита, умѣлъ въ поэтическомъ зеркалѣ предстатлять тогдашнія сплетки — Людовикъ воображалъ себя героемъ его трагедій, а Расинъ себя великимъ человѣкомъ. Людовикъ сказалъ ему наконецъ, что онъ дуракъ, и всѣ стихи Расиновы лопнули. Софоклъ? Не знаю объ немъ ничего, но за то вообще худо вѣрю въ эту поэтическую Грецію, гдѣ тунеядецъ Діогенъ, изъ своей бочки, ходилъ ползать по переднимъ и прикидывался философомъ; щеголь и шалунъ Алкивіадъ слылъ ге-

роемъ, а народъ, посмѣявшись надъ Аристофановою комедіею о Сократѣ, ходилъ посмѣяться, какъ Сократъ мелетъ всякую чепуху, и Ксантиппа смачиваетъ его Философію изъ своего окошка.

Тутъ и Вельгельмъ захохоталъ.

— Послушай, Шпейеръ — сказалъ Вейссе — ты настоящій журналистъ, и къ вамъ повернулся изнанкой.

«Не уже ли вы хотите, чтобы я всегда стоялъ на ходуляхъ, и въ книгахъ и между людьми? Вы оба увѣрены, что я говорю правду, только сами ее не говорите.

— Нѣтъ! я не вѣрю вамъ — сказалъ Вильгельмъ.

»Такъ будете вѣрить послѣ — не угодно ли о червонцѣ закладу?

— Тогда я застрѣлюсь.

»И прекрасно! Статья въ газету о новомъ Жильбертѣ и Чаттертонѣ. Однакожъ, знаете ли, что это будетъ очень глупо? Впрочемъ, сумасшедшіе необходимы въ мірѣ. Здѣшній свѣтъ домъ сумасшедшихъ: большая часть людей сидитъ въ каморкахъ; остальная служитъ имъ надзирателями, и сбираетъ деньги за то, что показываетъ ихъ любопытнымъ посѣтите-

лямъ и щечится отъ ихъ содержанія. Но, полно о пустякахъ. Статейку мнѣ въ мой Журналъ! Вѣдь обѣщано?

— Опишите нашъ разговоръ.

»Статьи о нравахъ теперь не въ модѣ.

— Но можно ли думать о стихахъ, послѣ того, что вы говорили?

»Ну, пожалуй, я признаюсь, что шутилъ. Не уже ли вы увѣрились, что и въ самомъ дѣлѣ я такъ думаю? Прочтите мысли мои объ Изящномъ въ № 53-мъ; мой разборъ новой драмы Монтгоммери; мою статью...

Вильгельмъ ходилъ по комнатѣ и думалъ въ это время: »А я, глупецъ, послалъ листокъ его, гдѣ онъ говоритъ объ *Арминіи*, къ матери моей, какъ свидѣтельство на славу ея сына!

— Записка отъ г-на директора. — Вильгельмъ развернулъ ее. Директоръ писалъ къ нему:

«Вчера, мой любезный поэтъ, я имѣлъ случай говорить объ васъ съ моимъ добрымъ и просвѣщеннымъ меценатомъ. Что за человѣкъ! Онъ нетерпѣливо желаетъ васъ видѣть, читалъ вашего *Арминія*, и въ восторгѣ отъ васъ и отъ него. Послушайтесь добраго совѣта: идите къ нему сегодня, даже теперь, немедленно —

увидите, какъ онъ приметъ васъ. Вотъ человѣкъ выше своего вѣка. Говоря съ нимъ, забываешь его званіе — но, я виноватъ: не могу вспомнить безъ восторга объ этомъ образцѣ государственныхъ людей.«

Слабъ и ничтоженъ человѣкъ! Какъ обольстительно привидѣніе величія и знатности! Голова Вильгельма вдругъ загорѣлась отъ мысли, что его зоветъ къ себѣ баронъ Калькопфъ, имя котораго до сихъ поръ онъ привыкъ считать неприступнымъ.

— Вы заняты, г-нъ Рейхенбахъ? — спросилъ Вейссе.

— »Признаюсь, мнѣ надобно итти. Г-ну барону Колькопфу угодно меня видѣть. Вильгельму сдѣлалось немножко совѣстно: въ этихъ словахъ невольно высказывалось его честолюбіе.

— Г-ну барону Калькопфу? — воскликнулъ Шпейеръ. И видъ его, изъ злаго, насмѣшливаго, сдѣлался добрымъ — Какъ другъ, совѣтую поспѣшить, г-нъ Рейхенбахъ. Вотъ человѣкъ!

»Благороденъ — сказалъ Вейссе.

— Уменъ — прибавилъ Шпейеръ.

»Просвѣщенъ,« домолвилъ Вейссе. »Вообразите, что, обремененный дѣлами, въ его лѣтахъ,

онъ находитъ время читать, знаетъ все современное и ему ничего не скажете новаго. Мы оставляемъ васъ... (Его къ барону!« ворчалъ Вейссе, выходя изъ комнаты).

»Объ отрывочкѣ мнѣ не забудьте.« — Они ушли.

— Они собьютъ меня съ толку! — вскричалъ Вильгельмъ, оставшись одинъ. — Однакожъ, обо мнѣ *говорятъ*, сказали они... Этотъ добрый директоръ — какъ онъ услужливъ, какъ онъ внимателенъ! Баронъ Калькопфъ, имя котораго бывало съ такимъ благоговѣніемъ произносятъ вокругъ меня — я увижу его, не какъ проситель, не какъ чиновникъ или знатный человѣкъ... Скажите: изъ чего льстить мнѣ этимъ людямъ? Что вдругъ ставитъ меня между ними? Не благородное ли сознаніе моего дарованія, не уваженіе ли къ человѣку, ничѣмъ не отличенному кромѣ дарованія? Знакомство съ этимъ человѣкомъ, такимъ сильнымъ вельможею.... Всторону честолюбіе: сколько добра, сколько пользы могу я сдѣлать, если баронъ удостоитъ меня своей дружбы, если позволитъ мнѣ говорить откровенно. Что потеряю я, если это не понравится ему? Не я искалъ его, а онъ меня. Скромно и благородно явлюсь я между ними,

между этою знатью: онъ вельможа — я поэтъ! Всякому свое мѣсто. Мысль о преобразованіи академій и училищъ... Да ее надобно обработать, подумать надъ нею...

Ахъ Генріэтта! — шепталъ Вильгельмъ, подвязывая галстухъ.

— Какой злой насмѣшникъ этотъ Шпейеръ — говорилъ онъ, надѣвая жилетъ. — Онъ правъ, однакожъ. Съ этой стороны смотрѣть, конечно, все вздоръ; но самъ онъ не высказываетъ ли себя и настоящаго взгляда въ своихъ остороумныхъ, прекрасныхъ статьяхъ, гдѣ такъ живо говоритъ его настоящая мысль?

»Записка отъ г-жи Элеоноры. Служитель подалъ ее, и сказалъ, что отвѣта не надобно.

Съ любопытствомъ вертѣлъ въ рукахъ Вильгельмъ эту записочку, искусно сложенную треугольникомъ, смотрѣлъ на маленькую щегольскую печатку, безъ девизовъ, съ простою рѣшеточкою, на подпись, написанную ловкимъ Англійскимъ почеркомъ: Monsieur Monsieur Reichenbach. Только теперь вспомнилъ онъ объ Элеонорѣ.

»Да, я и забылъ объ этой странной женщинѣ!«

Нѣтъ, онъ только не помнилъ объ ней, но не забылъ ее, какъ не забываютъ несбыточна-

го сна, не помнятъ его подробностей, но всегда сохраняютъ въ памяти своей этотъ сонъ.

Вильгельмъ не понималъ связей безъ любви, понималъ любовь только такъ, какъ она представлялась ему въ Генріэттѣ. Всѣ другія женщины послѣ Генріэтты не существовали для него, не существовали никакія отношенія къ нимъ. Но теперь въ первый разъ спрашивалъ онъ у самого себя: что за странное впечатлѣніе сдѣлала на меня Элеонора? — Это не было чувство, похожее на почтеніе — онъ видѣлъ въ ней любовницу министра; не было желанія нравиться ей, не было впечатлѣніе любви. Онъ готовъ былъ осудить даже самую красоту Элеоноры: красавицей для него была только Генріэтта, красавицей для него могло быть только что-нибудь милое, съ русыми волосами, съ голубыми глазами, съ чистою, невинною душею, что нибудь похожее на Генріэтту...

— И вѣчно Генріэтта! — Онъ съ досадой разорвалъ обвертку записки.

»Я надѣялась, что любезный поэтъ не откажетъ мнѣ въ удовольствіи видѣть его у меня, и готовилась сдѣлаться его ученицей, читая съ нимъ роль Веледы. Смѣю ли напомнить объ этомъ? Надобно слышать и знать, какъ пони-

маетъ свое созданіе самъ творецъ его, чтобы выразить потомъ душу его, хоть въ грубомъ подражаніи. Извините выраженіе: право, другаго не нашла подъ рукою. Могу ли надѣяться вашего посѣщенія? я всегда дома по вечерамъ, кромѣ тѣхъ дней, когда мои роли.

»P. S. Нашъ вице-суперъ-директоръ желалъ васъ видѣть. Позвольте дружески замѣтить, что онъ ужасно занятъ и ужасно разсѣянъ. Если замѣтите его разсѣянность, можете сказать ему, что вы тотъ сочинитель, о которомъ я имѣла честь говорить съ нимъ.«

— Не хочетъ ли она покровительствовать мнѣ! *Она говорила* съ своимъ любимцемъ обо мнѣ, и онъ *вспомнитъ* мое имя потому, что *она говорила обо мнѣ!* Ей буду я обязанъ милостью барона!

Вильгельмъ бросилъ записку. »А если я такъ мало дорожу вами, и тобой и барономъ, что не пойду къ нему? Вы оцѣняете дорого моего Арминія: узнайте же, какъ далеко мы другъ отъ друга — вы и я.... Что мнѣ до этого за дѣло....

»Не уже ли она такъ привыкла повелѣвать и видѣть, что все ползаетъ передъ нею? Да,

она такъ глядитъ; розговоръ ея съ добрымъ директоромъ, и эта наглая записка... Пойду къ ней, и покажу, какъ гордо смотритъ независимый поэтъ на женщину, которая...« Вильгельмъ не кончилъ своей мысли. Ему стало совѣстно.

Онъ провелъ рукою по лбу. »Для чего разрушать всѣ приличія? Не итти къ барону было бы грубо. Подумаютъ, что я въ самомъ дѣлѣ прикидываюсь Діогеномъ, какъ совѣтовалъ мнѣ Шпейеръ. Пусть все скроется подъ наружностью обыкновеннаго. Оригиналъ такъ же глупъ, какъ дуракъ.«

Онъ пошелъ. Сколько ни умничайте, а все, что превосходитъ насъ, чѣмъ бы то ни было, но превосходитъ, невольно заставляетъ уважать себя. Я не могу смотрѣть безъ какого-то уваженія даже на танцовщика по веревкѣ, на Раппо, когда онъ играетъ дюжиною ножей: онъ дѣлаетъ то, чего я не могу, онъ превосходитъ меня, и гордость моя смиряется. Какъ ни философствуйте, робость и уступка неизбѣжны, когда вы приближаетесь къ чему нибудь выше васъ, въ чѣмъ бы то ни было. Тѣмъ сильнѣе это чувство, когда предметъ вашего уваженія всѣ согласились считатъ превосходнымъ. Уничтожьте всякія отличія, и увѣрьте людей, что

длинный носъ есть величайшее отличіе въ мірѣ. И завтра же сами вы будете смотрѣть на длинные носы съ невольнымъ уваженіемъ, и Армяне будутъ для васъ первыми красавцами въ мірѣ. Дѣло въ идеѣ, не въ формѣ. Знатность окружена огромнымъ: у нея все такъ огромно: и домы, и великолѣпіе. Она очень хорошо знаетъ, что безъ этихъ огромностей иной захочетъ помѣряться съ нею, плечомъ къ плечу, и даже найдетъ, что знатный ниже его ростомъ. Но когда онъ растягивается отъ швейцарской, черезъ свою переднюю и залу, до своего кабинета — это исполинъ, а вы карло — Мирмидонъ, затерянный въ львиной кожѣ Геркулеса.

Хотите ли уберечь для самихъ себя свое достоинство? Не ходите ни въ переднюю вельможи, ни въ кладовую богача. Ни туда, ни сюда не пустятъ васъ, пока вы не сожметесь въ маленькаго человѣчка, и не забудете, что и вельможа и богачъ также бываютъ ростомъ два аршина съ вершками — иногда менѣе....

Сколько разъ прохаживалъ прежде Вильгельмъ мимо палатъ барона Калькопфа и равнодушно смотрѣлъ на огромныя колонны этихъ палатъ, на зеркальныя ихъ окна, бархатные

занавѣсы, золотой гербъ съ княжескою короною. Онъ гордо ходилъ мимо, какъ будто говоря: »Здѣсь живетъ первый министръ, но мнѣ нѣтъ въ немъ надобности. »Теперь онъ шелъ *къ нему*, и Вильгельму казалось, что самыя колонны дворца баронскаго готовы сказать ему: «Прежде всего сознайся, что баронъ первый министръ государства, а ты ничтожный мѣщанинъ.« Мысль: онъ вельможа, а я поэтъ — замерзла въ его душѣ при другой мысли: »ты идешь къ министру, властителю милліона людей, тебѣ подобныхъ. Если ты идешь къ нему, ты сознаешь свою зависимость отъ него: ты ищешь въ немъ, и не онъ къ тебѣ, а ты къ нему идешь — приличія требуютъ понравиться и угодить ему. — Атмосфера переднихъ уже вѣяла на Вильгельма и заражала его.

Множество каретъ у подъѣзда, громадное крыльцо, множество людей съ крестами, звѣздами, въ мундирахъ, на крыльцѣ и въ прихожей, великолѣпный швейцаръ, огромная зала, гдѣ, молча, тихо стоятъ и сидятъ посѣтители и просители; движеніе чиновниковъ, ихъ портфели, набитые бумагами, ихъ шопотъ, ихъ дѣловый, занятой видъ, перспектива богато-убранныхъ комнатъ въ обѣ стороны, роскошь уборовъ;

всюду что-то раболѣпное, безмолвное, покорное кому-то одному; и этотъ *одинъ*, невидимый, таинственный, заставляющій все двигаться, шевелиться, ждать....

Приближались ли вы ко всему этому? Видали ль вы все это вблизи, не заходя за кулисы, но смотря на сцену изъ уголка передней, гдѣ вамъ отводятъ мѣстечко, менѣе нежели на кладбищѣ?

Улетая въ умозрѣнія, философы ищутъ и не находятъ причинъ: отчего обольстительны знатность и величіе, до того, что всякая твердая нога скользитъ и гнется на ихъ паркетѣ, всякая броня мудрости разсыпается въ прахъ отъ ихъ волшебнаго прикосновенія? — Пусть пойдутъ они въ переднюю знатнаго человѣка, пробудутъ въ ней одно утро; и я увѣренъ, что, возвратясь домой, теоретикъ издеретъ свой умозрительный трактатъ; и если онъ не найдетъ причины въ собственной своей душѣ, то, по крайней мѣрѣ, много обольстительныхъ идей улетитъ изъ его головы, и качая головою, онъ скажетъ: бѣденъ человѣкъ! — И онъ прибавитъ къ этому вопросъ: »Не уже ли въ самомъ дѣлѣ таковы причины? «— Хорошо: заставьте его ходить въ переднюю двѣ недѣли, онъ не ста-

нетъ говорить о бѣдности человѣка, но — попроситъ должности въ передней, и будетъ увѣренъ, что лучшая сторона въ мірѣ простирается отъ передней до кабинета вельможи.

Философъ промѣнялъ свою каѳедру на плюмажъ пера; историкъ вымѣнялъ званіе министра на свою Философію Исторіи. О! какъ строго судите вы ихъ! — Но, прокочуйте двѣ недѣли въ передней, и пусть спросятъ васъ: что, если бы изъ этого уголка вдругъ перебросили тебя въ святилище кабинета вельможи, куда даже и войдти тебѣ такъ трудно, что ты скорѣе можешь взобраться на вершину Монблана? Что если бы ты, такъ какъ ты есть, вдругъ сдѣлался таинственнымъ кумиромъ этой передней?—Если послѣ этого совѣсть позволитъ вамъ бросить камень въ Кузена и Гизо — я позволяю вамъ бросить его прямо имъ въ лобъ. Но, берегитесь, чтобы онъ не отскочилъ въ вашъ лобъ. Я не совсѣмъ вѣрю системѣ Азаиса, но иногда думаю, что она не совсѣмъ не права.

Впрочемъ, всѣ мои выводы идутъ изъ разсказа о Вильгельмѣ. Робко прижался онъ въ уголокъ, и его смѣлыя философическія и поэтическія выходки такъ улеглись въ душѣ его что ихъ вовсе не было слышно.

Тихо стоялъ онъ и внимательно смотрѣлъ. Въ передней барона Калькопфа было въ этотъ день полное засѣданіе, полная *смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній.* Даже самая Поэзія явилась сюда въ лицѣ Вильгельма.

Тутъ узналъ Вильгельмъ, почему столь великими почитались нѣкоторые люди, неотличенные ни чиномъ, ни породою, секретари, каммердинеры, которыхъ имена произносились съ такимъ почтеніемъ въ народѣ, о которыхъ говорили, что сперва ихъ надобно просить, имъ надобно кланяться, а потомъ людямъ выше. Горделиво, въ своей стихіи плавали они здѣсь, каммердинеры, какъ хозяева, и секретари, какъ дѣйствующія лица среди своихъ бумагъ, которыя они раскладывали, перекладывали, разбирали, отбирали, разсуждая, чѣмъ должно безпокоить барона Калькопфа и чѣмъ не должно его безпокоить.

«Эту просьбу вы отложите до будущаго доклада: я не хочу занимать теперь министра вздорными предложеніями человѣка, который жалуется, что рейхъ-вице-контролеръ не выдаетъ ему денегъ по подряду 1789 года. Онъ можетъ подождать.

»Этотъ проектъ возвратить съ надписью, что

проситель долженъ обратиться къ нисшимъ мѣстамъ, для разсмотрѣнія предварительно въ нихъ: справедливо ли мнѣніе его объ акцизномъ сборѣ съ трубъ и окошекъ?

»Эту бумагу обратить съ надписью, что проситель утруждаетъ министра не дѣльнымъ прошеніемъ — объясненій ненужно.

»Это прошеніе оставить впредь до удобнѣйшаго времени.

»Эту тетрадь объ улучшеніи торговли и земледѣлія отдать обратно, съ тѣмъ, чтобы проситель представилъ практическія доказательства своихъ мнѣній.

Тутъ былъ Страшный Судъ всему, прежде нежели что нибудь могло достигнуть до взора и вниманія баронова. Эака, Миноса и Радаманта передней, секретарей барона, окружала толпа людей, умолявшихъ только о томъ, чтобы позволили ихъ смиреннымъ просьбамъ и прошеніямъ представиться передъ высокіе взоры баронскіе, какъ тѣни въ адѣ просятъ Харона, чтобы онъ только позволилъ переѣхать имъ черезъ Стиксъ, не говоря уже о томъ: въ рай или въ адъ пойдутъ онѣ за рѣкою—только бы не скитаться по берегамъ Стикса.

И не смотря на то, что въ глазахъ всѣхъ

совершалась и рѣшалась участь просьбъ и прошеній, другая толпа стояла съ чисто переписанными, готовыми, маленькими и большими просьбами, прошеніями, предложеніями, объясненіями, записками, дожидаясь появленія барона, и хотѣла ему вручить свои бумажные запасы, которые должны были перейдти потомъ въ руки судей передней. Это походило на меледу. Но никто не думалъ объ этомъ.

Тутъ узналъ Вильгельмъ удивительное дѣло, что люди, казавшіеся въ другихъ мѣстахъ великими, имѣютъ способность въ передней барона дѣлаться пигмеями, получаютъ особенное свойство, приписываемое Рускими Лѣшему, который идетъ въ травѣ — съ травою ровенъ, идетъ въ лѣсу — съ лѣсомъ ровенъ. Гордые, великолѣпные растгеры, и десятки господъ гофъ, минцъ, сель, вассеръ, гаусъ-ратовъ, во всякомъ другомъ мѣстѣ ходившихъ съ поднятою кверху головою и, по крайней мѣрѣ, цѣлою головою превышавшихъ все ихъ окружавшее, здѣсь не дорастали до плеча каммердинера, и ходили съ глазами потупленными въ землю, робко, на цыпочкахъ.

— Увижу ли я сегодня Его Превосходительство?

»Кто вы, м. г.?» холодно спрашивалъ сек-

ретарь какой-то, черезъ плечо взглядывая на вопрошателя.

— Я штатсъ-ратъ фонъ Кнабенау, правитель Эйхвардена, и прі́ѣхалъ сюда (*сюда* — это слово было выразительно: онъ точно ѣхалъ для передней) уже съ недѣлю; но все еще не могу имѣть чести быть допущеннымъ къ Его Высокопревосходительству.

Это былъ начальникъ города, гдѣ жила мать Вильгельма: онъ помнилъ г-на штатсъ-рата фонъ Кнабенау, помнилъ, какое великое лицо разыгрывалъ онъ въ Эйхварденѣ!

— Баронъ занятъ. — Подождите. — И фонъ Кнабенау отступилъ почтительно.

»Сдѣлайте милость, м. г., то, о чемъ просилъ я васъ вчера.

— Чтобы доставить вамъ особенную аудіенцію? Теперь нельзя. баронъ что-то не въ духѣ, и я не смѣю говорить ему объ васъ.

И съ трепетомъ отступилъ проситель. Это былъ сѣдой старикъ, съ огромной звѣздою на груди. Отъ того, что баронъ *не въ духѣ*, остатки сѣдыхъ волосъ его зашевелились на головѣ, какъ будто онъ стоялъ на электрическомъ изолирѣ.

Третій великій человѣкъ — опять звѣзда —

робко вошелъ, оглядѣлся, улыбнулся, и тихо потрепалъ по плечу секретаря.

— А! это вы? Баронъ назначилъ вамъ явиться въ субботу, въ 8-мь часовъ утра.

»Боже мой! Сегодня вторникъ! Дѣла, нетерпящія, крайнія...

— Вамъ сказано было пожаловать вчера въ 9-ть часовъ.

»Со мной случилось ужасное несчастіе: сынъ мой вчера умеръ.« Старикъ не смѣлъ однакожь показаться печальнымъ. Онъ улыбался.

— Жалѣю, но *мы* не виноваты.

»Но — думалъ Вильгельмъ — зачѣмъ же Кнабенау бросаетъ дѣла, оставляетъ свой городъ, и недѣлю странствуетъ въ передней? Не уже ли не могъ онъ, исправляя свою обязанность, обойдтись безъ представленія барону, съ которымъ о дѣлахъ могъ переписываться?

»Зачѣмъ на барона иногда находитъ прихоть: быть *не въ духѣ*, когда отъ этого останавливаются дѣла?

»Не уже ли баронъ ведетъ свою жизнь въ такой работѣ, что расчитываетъ по часамъ, съ кѣмъ ему видѣться, и хоть бы умирало цѣлое семейство у человѣка, назначеннаго къ свида-

нію, пропустивъ часъ свой, онъ долженъ ждать цѣлую недѣлю другаго часа?

Вильгельмъ скоро разглядѣлъ, что и въ передней есть свои отличія, преимущества, условія; есть свои ловкіе и неловкіе люди, свое раздѣленіе мѣстъ, свои неопытные и бывалые люди. Тутъ подлѣ кабинета происходила дѣятельная работа, было сильное движеніе секретарей и дѣловцевъ, приходили, уходили, приносили бумаги, портфели, двигался цѣлый міръ. Часть передней къ дверямъ унизана была просителями, и между этими просителями развивался цѣлый міръ страстей. Изученіе характеристики было тутъ весьма любопытно: одинъ задумчиво считалъ цвѣточки на трафареткѣ потолка, и губы его шевелились, вытверживая, что̀ будетъ онъ говорить Его Высокопревосходительству; другой сидѣлъ гордо, смотрѣлъ на всѣхъ, какъ будто давая знать: »мнѣ не откажутъ,« и только пощупывалъ, тутъ ли, за пазухою, его просьба; третій сидѣлъ, опустивъ руки на колѣни и свѣсивъ голову, разсуждая самъ съ собою, разводя руками, соображая все, и улыбался, когда по соображеніямъ выходило хорошо; четвертый вынималъ безпрестанно свою бумагу, развертывалъ ее, разсмат-

тривалъ, пряталъ, опять вынималъ; пятый, казалось, забывалъ о происходившемъ вокругъ его, печально стоялъ подлѣ дверей, не чувствовалъ, какъ его толкали входящіе и выходящіе. Противоположность ему составляло довольное собою лицо старика, который занялъ первое мѣсто, какъ опытный посѣтитель передней, самонадѣянно нюхалъ табакъ, говорилъ съ сосѣдями, и утверждалъ, что баронъ наткнется на него перваго, проходя изъ кабинета на крыльцо.

Отдѣльно, составляя собою высшій раздѣлъ передней, въ боковой залѣ, собралась полузнать, г-да раты десяти названій. Это были также просители: тотъ искалъ ласковаго взора, иной рѣшенія, иной мѣста, иной укрѣпленія на мѣстѣ; но они не смѣшивались съ толпою, завоевавшею мѣста подлѣ дверей у входа. У нихъ былъ свой разговоръ, свои дѣленія, своя печаль, своя радость.

Тамъ гордо стоялъ одинъ и увѣрялъ, что ему нѣтъ никакого дѣла, только надобно повидаться и ѣхать; другой разсказывалъ, какое важное дѣло имѣетъ онъ къ барону; третій позволялъ себѣ дремать послѣ сытнаго завтрака; четвертый разсыпался въ разсказахъ, какъ

вчера весело было у Его Свѣтлости, и какъ милостивъ былъ къ нему Его Свѣтлость... И не смотря на всѣ милости, онъ поглядывалъ съ улыбкою на баронскаго каммердинера.

»И весь этотъ народъ пришелъ сюда съ дѣлами, съ просьбами — думалъ Вильгельмъ — всякій изъ нихъ знаетъ даже свое привычное мѣсто. Зачѣмъ *я* пришелъ? Гдѣ *мое* мѣсто? *Что* буду я говорить барону, и гдѣ мнѣ стать? Нѣтъ ли гдѣ-нибудь отдѣленія Поэзіи?...« Ему показалось совѣстно быть бездѣльникомъ между этимъ дѣловымъ народомъ. Онъ переносился мысленно въ свой свободный пріютъ, въ свое раздолье поэтическое, гдѣ такъ смѣло вызывалъ къ себѣ на судъ королей и людей великихъ, вертѣлъ вѣками и ѣлами, жилъ, мыслилъ, чувствовалъ. Зачѣмъ онъ здѣсь въ передней, гдѣ ничего не понимаетъ, не знаетъ, гдѣ ему такъ неловко, и гдѣ онъ успѣлъ уже сдѣлаться предметомъ насмѣшки?

Да, успѣлъ. Не зная ни нравовъ, ни обычаевъ переднихъ, при самомъ входѣ Вильгельмъ спросилъ у швейцара: »Дома ли Его Превосходительство?« Швейцаръ оглядѣлъ его съ ногъ до головы, улыбнулся и отвѣчалъ: »Не знаю. — Могу ли я его видѣть?« спрашивалъ Вильгельмъ. — »Не знаю,« повторилъ швейцаръ, и еще разъ огля-

дѣлъ его съ головы до ногъ. Вильгельмъ готовъ былъ сказать ему, что онъ дуракъ, и спѣшилъ итти впередъ. Но куда тутъ итти? Вверхъ, внизъ, направо, налѣво? И онъ принужденъ былъ обратиться къ одному изъ баронскихъ лакеевъ, перебѣгавшихъ, переходившихъ по дорогѣ. »Вы съ просьбой?« спросилъ его лакей, зѣвая подъ носъ поэта. — Нѣтъ; барону угодно было меня видѣть, и вотъ я здѣсь, явился къ нему. — »Такъ вамъ назначенъ часъ?« — Нѣтъ. — И лакей оглядѣлъ его съ ногъ до головы.« — Не книгу ли поднести?« — Нѣтъ! — »Не купецъ ли вы съ товаромъ?« — Нѣтъ, нѣтъ! Поди и доложи барону, что Рейхенбахъ явился и желаетъ его видѣть. — Лакей улыбнулся. — »Что ты?« спросилъ его товарищъ. — «Вотъ какой-то г-нъ Рейхенбахъ хочетъ, чтобы я доложилъ объ немъ барону. —

Какой-то! И такъ имя поэта Рейхенбаха не гремитъ еще здѣсь; оно неизвѣстно здѣсь. Лакей провелъ пальцомъ по лбу, какъ будто спрашивая своего товарища: »Какова-то голова у этого господина?« — Оба засмѣялись и спокойно удалились. А Вильгельмъ остался одинъ на лѣстницѣ, среди мраморныхъ каріатидъ и колоннъ, толкаемый людьми, которые

шли ему на встрѣчу, шли за нимъ; онъ пошелъ за другими, и очутился — въ передней.

Что это такое? У кого тутъ спрашивать? Онъ идетъ прямо и говоритъ первому: Дома ли Его Превосходительство? — »Не знаю,« отвѣчаютъ ему. Человѣкъ, у котораго спрашивалъ Вильгельмъ, былъ одинъ изъ десяти чиновниковъ, перебиравшихъ бумаги; поэтому заключилъ Вильгельмъ, что этотъ человѣкъ долженъ быть тутъ свой, и можетъ наконецъ сказать ему: дома ли баронъ и можетъ ли онъ его видѣть? — »Онъ еще не выходилъ.« Отвѣтъ былъ непонятенъ Вильгельму. »*Не выходилъ!* Что такое: *не выходилъ?* — Но могу ли я его видѣть? — Опять и этотъ человѣкъ улыбается, какъ швейцаръ; и онъ, какъ лакеи, оглядываетъ Вильгельма съ головы до ногъ. »Разумѣется, можете.« — Такъ сдѣлайте одолженіе, скажите барону, что Рейхенбахъ пришелъ.« — Прикажите о себѣ *доложить* — вотъ дежурный! — Чиновникъ указалъ на молодаго человѣка въ мундирѣ.

»М. г., вы дежурный?

— Что вамъ угодно? — Онъ не вставалъ съ креселъ, въ которыхъ развалился.

»Я Рейхенбахъ.

— Очень радъ.

»Чортъ побери!« готовъ былъ воскликнуть Виль-

гельмъ — »Видно здѣсь никто не читаетъ газетъ и журналовъ, не знаетъ литературныхъ новостей, и не слыхивалъ имени творца Арминія, на котораго полагаетъ такую надежду славы отечества цѣлое государство!« — Онъ не зналъ, что если бы Кальдеронъ и Шекспиръ явились и сказали свои имена, то въ передней барона никто не вскочилъ бы отъ удивленія, и что при имени Гёте тогда только встали бы съ кресел, когда бы онъ прибавилъ къ имени Іоганнъ Вольфгангъ: »*фонъ*-Гёте, *Тайный Совѣтникъ Саксенъ-Веймарскій.*«

»Не льзя ли извѣстить барона, что я пришелъ по его желанію?

— Онъ приказывалъ вамъ явиться?

»Онъ не приказывалъ мнѣ, а изъявлялъ желаніе видѣть меня.

— Все равно. Не можетъ же онъ *просить* васъ. Вѣрно вамъ назначенъ часъ?

»Нѣтъ.

— Какое же имѣете вы *дѣло* до барона?

Что сказать Вильгельму? »Я сочинилъ трагедію, которую читалъ баронъ, и я пришелъ показать лучезарное лице творца этой трагедіи, которою восхищался баронъ.« Говорить о себѣ, что онъ поэтъ, когда люди, слыша

имя его, не знаютъ этого имени и холодно слушаютъ это имя. И кому же открывать въ себѣ великую тайну поэта? Этой холодной, мундирной рожицѣ, которая допрашиваетъ его, и требуетъ отвѣта: зачѣмъ ее тревожатъ?.. Глупо, глупо! И почтетъ ли она все Вильгельмово объясненіе за *дѣло?* — Поэтъ, трагедія? — спроситъ она — а что за дѣло до этого барону?

Вильгельмъ молчалъ.

— Если у васъ есть просьба, или вамъ надобно объясниться съ барономъ, извольте подождать; онъ, вѣроятно, сегодня приметъ всѣхъ просителей.

И *проситель* Вильгельмъ удалился въ уголъ и замѣчалъ, что дѣлается вогругъ него. Другіе просители видѣли что-то странное въ поступкахъ Вильгельма, переглянулись; но прошла минута, и все пришло въ порядокъ. Сто человѣкъ во всеобъемлющей передней баронской сидѣли, стояли, писали, выходили, приходили; и все дѣлалось своимъ чередомъ, и все было спокойно, какъ на кладбищѣ.

Въ противоположномъ углу залы, Вильгельмъ увидѣлъ наконецъ нѣсколько человѣкъ, непохожихъ ни на просителей, ни на величественныхъ

ратовъ. Что это за народъ? Нѣкоторые были одѣты небрежно, въ сюртукахъ; другіе сидѣли раскинувшись; какой-то старикъ, въ шитомъ мундирѣ, сидѣлъ между ними; и старикъ, и эти люди позволяли себѣ говорить громче другихъ. Наконецъ Вильгельмъ замѣтилъ у двухъ изъ нихъ книги въ рукахъ; у одного портфель, изъ котораго вынималъ онъ не просьбы, но рисунки, и всѣ эти люди составляли что-то общее между собою.

»Г-нъ Бріарсонъ!« сказалъ старикъ въ шитомъ мундирѣ, продолжая разговоръ свой съ человѣкомъ, вынимавшимъ рисунки изъ портфеля. — Бріарсонъ! — повторилъ Вильгельмъ самъ себѣ. Какъ, не уже ли это тотъ славный путешественникъ, о которомъ теперь пишутъ во всѣхъ газетахъ, который такъ безстрашно пробрался въ Абиссинію и Зангвебаръ? Онъ здѣсь? Но что за народъ его товарищи?

Невольно подвинулся Вильгельмъ къ этому уголку, желая разглядѣть Бріарсона. Задумавшись, толкнулъ онъ кого-то сидѣвшаго на стулѣ, оглянулся и увидѣлъ безногаго инвалида, съ ветхомъ мундирѣ, съ нѣсколькими медалями, съ деревяшкою и костылемъ; поднявъ свою серебряную голову, беззаботно сидѣлъ этотъ

нивалидъ. Взглядъ на него внушалъ невольное почтеніе. Вильгельмъ извинился.

»А что вы мнѣ сдѣлали?« спросилъ инвалидъ.

— Кажется, нечаянно я толкнулъ васъ....

»Благодарю за вѣжливость — ничего, я привыкъ къ толчкамъ, при которыхъ и не извиняются. Что вы стоите? Сядьте, вотъ стулъ подлѣ меня. Если вы ждете барона, такъ вамъ не скоро дождаться его — устанете.

— Благодарю. — Если не ошибаюсь — сказалъ Вильгельмъ, смотря на мундиръ и медали старика — эта медаль должна быть....

Лицо старика ожило. »Эту медаль, молодой человѣкъ, надѣлъ на меня *старый Фрицъ* собственною рукою, подъ Дрезденомъ, въ 1760 году; вотъ эта вылетѣла на грудь мою подъ Ауэрштедтомъ; а вотъ эту нашелъ я подъ Грауденцомъ, расплатившись за нее ногою.

— Боже мой! И вы не прикажете доложить о себѣ барону поскорѣе....

»Вѣдь онъ знаетъ мое дѣло, и я жду рѣшенія. Дѣло у меня презатруднительное, скоро его рѣшить не льзя!« Старикъ усмѣхнулся.

— Если бы я смѣлъ спросить....

»А вотъ видите!« Старикъ хлопнулъ по своей мѣдной табакеркѣ. »У меня отнимаютъ по-

ловину пенсіи. По новому какому-то уставу, кто имѣетъ у себя кормильца какого нибудь, тотъ не можетъ получать полной пенсіи, слѣдующей однимъ безпріютнымъ и одинокимъ старикамъ. По изысканіямъ подъячихъ оказалось, что я не одинокъ, что у меня есть правнукъ, молодой человѣкъ. Да, дѣло въ томъ, что этотъ правнукъ, одинъ сынъ отъ трехъ моихъ внуковъ, которыхъ всѣхъ прибралъ Господь, больной и разслабленный, и я самъ кормлю его. Такъ по бумагамъ-то я виноватъ, а по настоящему правъ. Милостыни просить я не хочу, требую должнаго: отдайте мнѣ мои 40 талеровъ пенсіи, бомба васъ побери!« Онъ стукнулъ въ полъ костылемъ, такъ что сосѣдъ его, на досугѣ разсматривавшій свою просьбу, вздрогнулъ.

— А дѣти? У васъ нѣтъ уже дѣтей?

Дѣти? Хе! послѣдній внукъ мой скончался, 18-ть лѣтъ тому. Вѣдь мнѣ 90 лѣтъ.... Много? Да, много! Вотъ ужъ сколько переѣлъ я дароваго хлѣба въ послѣднее время! Что дѣлать — живется да и только!

— И вы должны ходить сюда, ждать здѣсь?

»Трудно, да нельзя иначе. Идутъ справки, выправки, и я не виню барона. Почему знать

ему, что я не бездѣльникъ какой-нибудь, и не лгу о себѣ, чортъ знаетъ чего? Впрочемъ, что же такое? Только трудно на лѣстницу взбираться, а то здѣсь тепло, дождь не каплетъ, сидишь спокойно. Сижу, смотрю, вспоминаю, какъ, бывало, дрались мы тамъ, какъ биваковали здѣсь. Да я ли одинъ жду? Посмотрите-ка, сколько г-дъ ратовъ и всякой всячины сидятъ и ждутъ. Мнѣ дороги 20-ть талеровъ, а вотъ, напримѣръ, ученый-то народъ забылъ про науку, да ждетъ себѣ. — Старикъ указалъ на уголъ, гдѣ былъ Бріарсонъ, люди съ книгами и человѣкъ съ рисунками.

»Видно, вы еще новичекъ здѣсь,« продолжалъ старикъ, »и ничего не знаете? Я здѣсь бывалый, и вотъ въ два мѣсяца прихожу въ 18-й разъ, и почти всѣхъ знаю, кто гоститъ по моему у Его Высокопревосходительства. Вотъ, въ мундирѣ, предсѣдатель какаго-то ученаго общества; а этотъ, съ большими бакенбардами, какой-то путешественникъ, ѣздившій далеко — вотъ, что привезъ чучелу крокодила и показывалъ за деньги. . . . этотъ сухой старикъ съ книгой, мой сосѣдъ, профессоръ Шрейбгудъ. . . . Все это такіе потаскуши по переднимъ — полдня таскаются къ знатнымъ, полдня пишутъ. . . .

Я отыскалъ наконецъ уголокъ, гдѣ таитесь вы въ передней, бѣдныя Науки, бѣдная ученость! — думалъ Вильгельмъ. — Бріарсонъ въ передней! Шрейбгудъ, изслѣдователь Карѳагенскаго языка! это ты? Примкну къ нимъ и стихотворца.

Стукъ сабли и шпоръ громко раздался по лѣстницѣ; двери съ шумомъ растворились; весь міръ передней взволновался; кто дремалъ, тотъ проснулся, кто сидѣлъ, тотъ всталъ; секретари заткнули перья за уши; изъ высшаго отдѣленія передней столпилось въ дверяхъ нѣсколько звѣздъ; нисшіе просители сомкнулись крѣпкою стѣною. Самъ говорливый инвалидъ поднялся на деревяшкѣ.

Сквозь толпу просителей, расталкивая ихъ, пробивался человѣкъ высокаго роста, въ егерскомъ платьѣ, съ блестящею шапкою. Смѣло прошелъ онъ по комнатѣ, стуча саблею, до самаго кабинета. Дежурный торопливо подбѣжалъ къ нему.

»Скорѣе доложите! Отъ Его Свѣтлости.

— Записка?

»На словахъ! Да, скорѣе, скорѣе! Скажите: присланъ егерь — скорѣе . . .

Дежурный ввернулся въ кабинетъ. Недоступ-

ная дверь кабинета мгновенно растворилась, Егерь ушелъ въ кабинетъ, и дверь зотворилась опять.

Волненіемъ увлеченъ былъ Вильгельмъ съ своего мѣста, старался выбиться изъ толпы просителей, и очутился подлѣ уголка Наукъ и Знаній.

Опомнившись отъ прихода княжескаго егеря, въ этомъ уголкѣ опять спокойно занимались разговоромъ.

— Вы, вѣрно, явились съ новою вашею книгою, Г-нъ Шрейбгудъ? — спрашивалъ старикъ въ мундирѣ.

Точно-такъ, г-нъ вице-интендантъ! Драгоцѣнное открытіе въ Персеполисскихъ развалинахъ — два кирпича, присланные въ музей Его Свѣтлости, суть предметы моей книги.

— Я давно слышалъ о вашемъ трудѣ. Любопытно. Чего же хотите вы отъ барона?

»Просить, чтобы экземпляръ былъ поднесенъ Его Свѣтлости.

—Его Свѣтлость, вѣрно, приметъ съ особеннымъ удоволствіемъ.

»Надѣюсь. Я работалъ три года, и доказываю, что Гротефендъ рѣшительно ошибся въ значеніи словъ: Khschhersche Khschenion

gehre... А вы, г-нъ вице-интендантъ?

— Я съ просьбой къ барону: посѣтить сегодняшнее засѣданіе нашего общества.

»Да вѣдь онъ вашъ почетный генералъ-бешитцеръ.

— Именно. Сегодня г-нъ Бріарсонъ хотѣлъ читать свое важное разсужденіе о Нильскомъ илѣ (Бріарсонъ учтиво наклонилъ свою голову), а членъ нашъ г-нъ фонъ-Ринкопфъ о вытираніи ахроматическихъ трубъ грецкою губкою — важное, совершенно новое открытіе! Кстати, мы (Бріарсонъ опять наклонилъ голову) хотѣли представить свой вояжёрскій портфель... Но, жаль, время проходитъ — мнѣ надобно бы поспѣшить...

»Куда-же?

— Сегодня прохожденіе Меркурія черезъ солнце, и я упускаю повѣрку этого явленія, столь рѣдкаго; думалъ скоро отдѣлаться... Впрочемъ, посѣщеніе барона поважнѣе для насъ прохожденія этого Меркурія. Мы хотимъ просить себѣ новый штатъ... Сами разсудите! — Шрейбгудъ безмолвно соглашался. И въ это время —

Дверь кабинета быстро растворилась. Стуча

и гремя прошелъ егерь. Дверь затворилась за нимъ. Явился каммердинеръ барона »г-нъ штатсъ-ратъ фонъ-Кнабенау!« провозгласилъ каммердинеръ. Согнувшись тремя верблюжьими горбами, опустивъ голову въ половину тѣла, на цыпочкахъ, тихо ушелъ фонъ-Кнабенау въ кабинетъ. Зависть изобразилась на лицахъ многихъ, и ясно выражала общую мысль: »Счастливецъ!« — Тутъ —

Новое явленіе каммердинера. »Его Высокопревосходительство приказалъ мнѣ объявить, что онъ сегодня занятъ дѣлами и никого видѣть не можетъ.«

Боже! громовый ударъ не поразилъ бы болѣе присутствовавшихъ, всѣхъ, кромѣ Вильгельма. Онъ одинъ спокойно стоялъ и смотрѣлъ, какъ вытянулись рожи у многихъ, какъ вылетали вздохи, поднимались глаза къ небу. Казалось, сама передняя вздохнула отъ горести.

»Маршъ, маршъ!« громко сказалъ инвалидъ, оборотился и пошелъ первый. За нимъ, въ смѣшенномъ безпорядкѣ поплелись звѣздоносцы и бѣдные просители. Только немногіе изъ самыхъ упорныхъ ни за что не хотѣли уступить столь легко поля битвы; они окру-

жили дежурнаго каммердинера, секретарей. Жужжаніе словъ сливалось въ звуки: »Важное, необходимое, сдѣлайте милость, могу-ли безпокоить —« Рѣшенія давали дежурный, каммердинеръ, секретари, всѣ вдругъ. И изъ кучи упорныхъ, какъ кометы, начали отрываться одинъ за другимъ люди и исчезать за дверьми передней.

Жестоко пустѣло народонаселеніе передней, когда какой-то вассеръ-гофъ-кригсъ-ратъ ухвативъ каммердинера, съ жаромъ говорилъ ему, не смотря на слова: »Нельзя, нельзя«... Рука Шрейбгуда уже трепала по плечу каммердинера съ другой стороны, заставила его оборотиться, и Шрейбгудъ, вталкивая въ руки его книгу въ сафьянѣ, убѣдительно просилъ отнести къ Его Высокопревосходительству эту книгу. Едва повернулся каммердинеръ въ третью сторону, вице-интендантъ ухватилъ его за петлю фрака и втискивалъ въ руку его какую-то бумагу. Насильно принимая книгу и бумагу, каммердинеръ оборотился на четвертую, послѣднюю сторону, какъ будто хотѣлъ высказать кому-нибудь свою досаду: »Ужъ эти мнѣ ученые, чортъ ихъ побери! Нѣтъ народа навязчивѣе«... И глаза само-

властнаго провозгласителя передней нечаянно встрѣтили спокойное лицо Вильгельма, который не зналъ что ему дѣлать: итти ли, дожидаться ли, говорить ли? — Онъ видѣлъ себя совершеннымъ невѣждою въ обычаяхъ передней.

Вѣроятно, необыкновенное явленіе неискательства и спокойствія обратили вниманіе каммердинера на Вильгельма.

— Вамъ что угодно? — спросилъ его каммердинеръ. Важная эта особа былъ тучный, самодовольный, гордый негодяй.

»Я хотѣлъ имѣть честь быть представленнымъ Его Высокопревосходительству.« Видите, какъ въ самое короткое время Вильгельмъ уже научился говорить языкомъ передней. Ты правъ Шекспиръ: That monster custom (*это чудовище привычка*)! ...

— У васъ есть отъ кого-нибудь письмо?

»Нѣтъ; но Его Высокопревосходительству говорили обо мнѣ, и онъ приказалъ мнѣ явиться.

— Кто говорилъ объ васъ?

»Слава и Поэзія!« хотѣлъ отвѣчать Вильгельмъ, и — »г-нъ директоръ театра« — сказалъ онъ.

— Нельзя! — промолвилъ хладнокровно каммердинеръ. Вильгельмъ оборотился и хотѣлъ итти.

»Ахъ! позвольте: не вы ли сочинитель новой трагедіи?» спрашивалъ каммердинеръ, останавливая Вильгельма.

— Насилу догадались! — готовъ былъ воскликнуть Вильгельмъ; но онъ покраснѣлъ, когда каммердинеръ, съ дружескою довѣренностью, сказалъ ему въ полголоса: »Вѣдь вы знакомы г-жѣ Элеонорѣ, и объ васъ она говорила Его Высокопревосходительству?«

— Да — прошепталъ Вильгельмъ, въ замѣшательствѣ.

»Чтожъ вы давно не сказали! Его Высокопревосходительство спрашивалъ объ васъ. Пожалуйте за мною.

Онъ отворилъ дверь въ кабинетъ, и все сдѣлалось такъ скоро, что Вильгельмъ былъ уже въ святилищѣ передней, лицемъ къ лицу передъ ея кумиромъ, и не зналъ еще, что тутъ ему говорить и дѣлать, радоваться ли, стыдиться ли того, какъ попалъ онъ въ кабинетъ.

Кабинетъ, куда такъ страстно летѣли желанія просителей и всѣхъ посѣтителей передней,

была огромная зала, съ каминомъ впереди, съ множествомъ столовъ, столиковъ, конторокъ, шкафовъ съ книгами; столы были завалены бумагами; шторы въ окнахъ спущены; нѣсколько драгоцѣнныхъ копій съ извѣстныхъ статуй стояли по угламъ: тамъ Лаокоона душили змѣи, здѣсь стыдилась венера Медицейская, тутъ Апполонъ Бельведерскій смотрѣлъ въ слѣдъ за стрѣлою, улетѣвшею съ его лука, а въ четвертомъ углу безрукой, безногой и безголовой торсъ Микель-Анджела занималъ мѣсто. Надъ шкафами висѣли картины, эстампы: это была канцелярія и галантерейная лавка въ картинной галереѣ. Ближе къ дверямъ стоялъ посреди комнаты огромный письменный столъ, со всѣми прихотями, показывавшими, что на немъ ничего не пишутъ: выдвижными ящичками, ящиками, пупитрами, подсвѣчниками, часами, куклами, печатями десяти сортовъ, бумагами, стройно раскладенными, аплатками, и проч. и проч. — Наконецъ, украшеніе кабинета довершалъ г-нъ штатсъ-ратъ фонъ-Кнабснау, вытянувшись въ золотомъ своемъ мундирѣ подлѣ дверей, держа плюмажную свою шляпу подъ мышкою лѣвой руки, и заложивши три пальца правой

между пуговицами мундира. — Вильгельмъ сталъ съ другой стороны дверей.

Онъ искалъ глазами: гдѣ же этотъ таинственный кумиръ кабинета, этотъ покровитель Наукъ и Музъ, господинъ Баронъ *фонъ* и Принцъ *фонъ*, великодушный, знаменитый человѣкъ, просвѣщенный и всезнающій до того, что ему не скажете ничего новаго, начиная съ Бальзакова романа до важнѣйшей тайны Европейской политики; недоступный до того, что легче отнять у Англичанъ Гибралтаръ, нежели пробраться въ его кабинетъ; могущій до того, что одно имя его заставляетъ сваливаться очки съ носа Генріэттиной матери, г-на фонъ-Кнабенау недѣлю добиваться его взора, а извѣстнаго въ цѣлой Европѣ г-на фонъ-Тухбухлейна, вице-интенданта общества геолого-космографо-орографическаго, забывать о прохожденіи Меркурія черезъ солнце, и наблюдать выхожденіе барона въ переднюю.

Подлѣ камина шевелился, и чѣмъ-то занятъ былъ, наклонившись къ огню, старикъ, въ бѣломъ, спальномъ сюртукѣ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ. Когда оборотился онъ, можно было видѣть въ немъ ветхіе остатки человѣка, истомленные лѣтами и страстями, мор-

щиноватые, плѣшивые; клочки сѣдыхъ волосъ его были растрепаны, ротъ сморщился безъ зубовъ; щеки безъ румянъ были блѣдны; губы его отвисли, и кряхтя двигался баронъ фонъ-Калькопфъ къ великолѣпной конторкѣ, о которой мы уже говорили. Тутъ можно было узнать, что̀ занимало его подлѣ камина: онъ — зажигалъ сигарку.

»Франсуа!« говорилъ этотъ старикъ, не обращая вниманія ни на Кнабенау, ни на Вильгельма, и обращаясь къ каммердинеру, стоявшему впереди ихъ — »сигарки эти никуда не годятся. Вотъ я три закуривалъ — дрянь, братецъ, и дурно курятся. Онъ лжетъ, что это Гаванскія!

— Прикажете перемѣнить.

Непремѣнно, братецъ; брось ему ихъ — онъ мошенникъ. Ну! что это у тебя?

— Книга. Профессоръ Шрейбгудъ просилъ вручить вамъ.

»Онъ самъ тутъ?

— Самъ.

»Хорошо; брось ее вонъ туда, и скажи, что я очень благодаренъ, и исполню, о чемъ онъ просилъ меня; но не могу его видѣть теперь — занятъ.

— Бумага г-на Тухбухлейна.

»Что такое?

— Говоритъ, что проситъ Ваше Высокопревосходительство въ засѣданіе.

»Ну его къ чорту — скажи буду...

— Сочинитель... Каммердинеръ указалъ на Вильгельма.

»Чтó, какой сочинитель?« Старикъ съ досадой вынулъ сигарку изъ рта своего.

— Г-жа Элеонора — пробормоталъ каммердинеръ, подходя ближе къ старику.

»Ахъ! да, да, да,!« — Ласково оборотился баронъ къ Вильгельму. — »Радъ познакомиться съ вами, г-нъ поэтъ! Добро пожаловать... побесѣдуемъ... — Онъ протянулъ къ нему руку, пожалъ два пальца Вильгельмовой руки, и придвинулся къ Кнабенау: »Вы что скажете хорошаго?«

Кнабенау хотѣлъ отвѣчать. »Франсуа!« Старикъ оборотился къ каммердинеру. »Одѣваться мнѣ — мою новую охотничью пару, фіолетовую — караковаго приготовить мнѣ — Ну! г-нъ Кнабенау... Франсуа! мои Польскіе ботинки съ золотыми шпорами...

Каммердинеръ вышелъ.

— Ну! г-нъ Кнабенау — началъ еще разъ старикъ.

»Глубочайшее и усердное высокопочитаніе, которымъ я преисполненъ къ высокой особѣ Вашего Высокопревосходительства...

— Давно вы здѣсь?

»Недѣля, какъ я пріѣхалъ, и въ первый же день имѣлъ счастіе явиться... Каждое слово сопровождалось низкимъ поклономъ, и, казалось, Кнабенау вовсе потерялъ способность стоять прямо, но превратился въ параболу.

— Да, да, я такъ занятъ — вотъ и теперь, надобно ѣхать; сегодня травля въ Розенвальдѣ...

»Если позволите...

— Радъ, радъ, придите ко мнѣ послѣ завтра — нѣтъ! въ субботу, въ 10-ть часовъ... Благодаренъ... Старикъ кивнулъ головою, и Кнабенау, изогнувшись, вышелъ.

»Ну, г-нъ поэтъ« — сказалъ тогда старикъ, оборотясь къ Вильгельму, »вы написали трагедію? Садитесь.« — Старикъ сѣлъ на табуретъ подлѣ конторки и указалъ Вильгельму на другой табуретъ. »Проклятыя сигарки! не курятся! — Ну, очень радъ! Какъ титулъ?

— *Арминій* — отвѣчалъ Вильгельмъ.

»А, да, это нашъ Германскій Арминій, великій Арминій, описанный Саллюстіемъ.

— Тацитомъ — промолвилъ Вильгельмъ.

»Да, да, Тацитомъ. Прекрасно, очень радъ! Вы романтикъ или классикъ?

— Я осмѣливаюсь не быть ни тѣмъ ни другимъ, не находя истины въ ихъ спорахъ, и думая, что истиная Поэзія...

»Просто, хороша? Вы правы; но когда идетъ сраженіе, надобно пристать къ той или другой сторонѣ. Demimesures никуда не годятся. — Такъ въ политикѣ, такъ въ любви.

— Такъ думалъ Наполеонъ.

»Да, да! Ну, кстати о любви: были-ль вы когда нибудь влюблены? А?

Вильгельмъ смѣшался. Старикъ улыбнулся.

»Какъ же быть поэтомъ, и не любить? Нельзя, нельзя! Я самъ писывалъ стихи и влюблялся, и влюблялся для того, чтобы писать стихи. Теперь мнѣ не до того.

— Ваше Высокопревосходительство выражаете поэзію въ дѣлахъ вашихъ.

Старикъ еще улыбнулся. »Гдѣ вы учились?

— Я только готовился еще вступить въ университетъ. — Вильгельмъ польстилъ, солгалъ, и подумалъ: »Не уже ли здѣсь воздухъ такой,

что невольно заставляетъ лгать и говорить лесть?«

»Да на что поэту ученье — и то правда! Надобенъ восторгъ...

— Одѣваться готово — сказалъ каммердинеръ, входя въ кабинетъ.

»Ну, извините, мой любезный поэтъ; радъ познакомиться съ вами.

Вильгельмъ откланивался и пятился къ дверямъ. »Если могу быть вамъ полезнымъ — скажите мнѣ... Слуга вашъ...

Свиданіе съ просвѣщеннымъ человѣкомъ, вельможею, на ряду стоящимъ съ своимъ вѣкомъ, меценатомъ, которому не скажете ничего новаго, кончилось. Всѣ мысли Вильгельма такъ растерялись, что онъ явился въ переднюю смущенный, разстроенный, и, къ чести его скажемъ, не отъ безпокойства о томъ: угодилъ ли онъ барону Калькопфу своими немногими словами.

Передняя была пуста. Только молодые чиновники барона оставались въ ней, убирали бумаги. Они окружили Вильгельма ласково и привѣтливо.

— Баронъ ѣдетъ?

»Да, онъ приказалъ подать одѣваться.

— Позвольте просить васъ удостоить меня вашимъ знакомствомъ — говорилъ одинъ.

»Извините, я совсѣмъ не зналъ, что говорю съ литераторомъ, столь отличнымъ, и не отличилъ его отъ другихъ просителей — говорилъ дежурный, пожимая руку Вильгельма.

— Вы, кажется, написали комедію?

»Будутъ ли ее давать на театрѣ?

Вильгельмъ пробормоталъ нѣсколько учтивыхъ словъ, и спѣшилъ итти. На половинѣ лѣстницы догналъ онъ своего знакомца, Фридриховскаго инвалида. Старикъ отдыхалъ на ступенькѣ, и весело насвистывалъ маршъ.

— Что съ вами сдѣлалось?—заботливо спросилъ Вильгельмъ.

»Ничего — да нога, бомба ее побери! мѣшаетъ итти! Переступлю ступеньку и отдыхаю. Лѣстницы для меня хуже баттарей, а здѣсь такая высокая.

— И васъ нѣкому свести?

» Да, кому же меня водить! Отъ этихъ лакеевъ баронскихъ жди толчка, а не помощи. Они вездѣ негодяи, особливо у знатныхъ людей.

— Позвольте мнѣ.

»Вы хотите?« Слезы навернулись на глазахъ старика. Молча подалъ онъ руку Вильгельму.

»Идите смѣлѣе—говорилъ онъ, видя, что Вильгельмъ ведетъ его тихо и осторожно—»мнѣ надобно только на кого-нибудь опираться.« Инвалидъ и Вильгельмъ молчали. *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ, миронъ тонъ-тонъ-тонъ-миронъ-тенъ!*» запѣлъ наконецъ инвалидъ въ полголоса, стуча деревяшкою по ступенямъ. »Благодарю! теперь маленькій отдыхъ, и маршъ маршъ!

— Не надобно ли вамъ нанять фіакръ?

»Э! нѣтъ! Только бы съ лѣстницы, а тамъ я, еще промарширую хоть десять верстъ.

Вильгельмъ не оставлялъ однакожъ веселаго философа, и въ это время замѣтилъ онъ какого-то разодѣтаго въ мундирѣ человѣка, который нетерпѣливо ходилъ внизу лѣстницы. Онъ не ошибается: это Кнабенау.

Легкая колясочка остановилась тогда у крыльца. Какъ перушко слетѣлъ съ нея какой-то каммергеръ и столкнулся съ Кнабенау.

— А, это вы г-нъ штатсъ-ратъ!

»А, это вы, г-нъ каммергеръ! отвѣчалъ Кнабенау, дружески и горделиво пожимая ему руку. Вильгельмъ едва узналъ Кнабенау, потому что видѣлъ его теперь прямаго, какъ трость, высокаго, поднявшаго голову.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

»Жду своей кареты. Швейцаръ! послушай, братецъ: чтожъ карета?

— Кучера вашего нѣтъ! Эй! скоты, карету г-на штатсъ-рата фонъ Кнабенау!

»Ну, зачѣмъ вы здѣсь?« продолжалъ каммергеръ.

— Представлялся Его Высокопревосходительству.

»Какъ вы съ нимъ?

— О, превосходный человѣкъ! Обласкалъ, какъ нельзя больше, долго говорилъ, разспрашивалъ обо всемъ, просилъ еще придти и назначилъ особенное свиданіе.

»Поздравляю васъ, г-нъ штатсъ-ратъ! Извините, спѣшу къ барону.

— Да что вы?

»Перемѣна въ расположеніи охоты: вмѣсто Розенвальда назначено въ Лауенсбергѣ, и всѣ кавалеры должны явиться съ Испанскими перьями. Вотъ и карета ваша, adieu!

Каммергеръ побѣжалъ наверхъ. Кнабенау гордо вступилъ въ свою карету. Швейцаръ отдалъ ему честь дубинкою. Заслушавшись разговора Кнабенау съ каммергеромъ, Вильгельмъ не замѣтилъ, что инвалидъ его уже уплелся. Онъ

увидѣлъ его вдали, бодро ковыляющаго, и задумавшись отправился домой.

Волшебное зеркало, мелькнувшее передъ глазами Вильгельма въ это утро, вертѣлось передъ нимъ, какъ калейдоскопъ. Сколько новыхъ впечатлѣній, сколько измѣненій души испыталъ Вильгельмъ въ нѣсколько дней, съ тѣхъ поръ, какъ съ своего укромнаго чердака пошелъ къ директору, съ рукописью своего Арминія, до этого времени, когда провелъ онъ нѣсколько часовъ въ передней перваго министра и удостоился ласковой бесѣды этого великаго, могущаго вельможи...

Если онъ не понималъ измѣненій Кнабенау, бывшихъ въ его глазахъ, еще менѣе понялъ онъ что-нибудь, когда чрезъ недѣлю прочиталъ въ газетѣ слѣдующее: »Профессоръ Шрейбгудъ, столь извѣстный своими учеными трудами нашимъ просвѣщеннымъ читателямъ, подарилъ ученый свѣтъ новыми изслѣдованіями о Персеполисскихъ кунеиформическихъ буквахъ. Надѣясь познакомить читателей нашихъ въ слѣдующихъ нумерахъ съ важнымъ сочиненіемъ г-на Шрейбгуда, не можемъ скрыть своего удовольствія и не извѣстить ихъ, что сочиненіе г-на Шрейбгуда было поднесено Его Высокопре-

восходительству г-ну барону Калькопфу. Удостоивъ особеннаго вниманія сочинителя, Его Высокопревосходительство имѣлъ счастіе представить трудъ г-на Шрейбгуда Его Свѣтлости, который благоволилъ приказать купить для разсылки въ ученыя общества 15-ть экземпляровъ, а г-на Шрейбгуда соизволилъ удостоить пожалованіемъ золотой табакерки.« — Далѣе слѣдовало извѣстіе о засѣданіи геолого-космографо-орографическаго Общества. Послѣ исчисленія читанныхъ въ немъ журналовъ засѣданій, отчетовъ о деньгахъ, присланныхъ книгахъ, чучелахъ, грибахъ, каменьяхъ, слѣдовало замѣчаніе: »Сіе засѣданіе было удостоено посѣщенія Его Высокопревосходительства, г-на Генералъ-Бешитцера Общества, г-на Барона фонъ-Калькопфа. Всѣ члены были изумлены глубокими познаніями, какія показалъ Его Высокопревосходительство, словесно излагая свои замѣчанія, касательно читанныхъ въ Обществѣ статей. По поводу статьи г-на профессора N. N. объ уродливомъ теленкѣ, онъ изволилъ обѣщать доставить недавно родившагося въ помѣстьѣ Его Высокопревосходительства теленка о шести ногахъ и трехъ головахъ. Общество, принимая съ глубочайшею благо-

дарностью сей даръ, въ лицѣ своего Вице-Интендапта, г-на Штатсъ-Рата фонъ-Тухбухлейна изъявило сердечныя чувства, какими проникнуто оно за милостивое вниманіе знаменитаго покровителя просвѣщенія, и положило внести всѣ сіи, столь драгоцѣнныя событія, въ Записки Общества.«

ГЛАВА II.

Не льзя ли принять за достовѣрное той мысли, что есть рѣшительныя мгновенія въ жизни человѣка, въ жизни народа, можетъ быть, въ жизни цѣлаго человѣчества — мгновенія, для которыхъ впереди и назади тянется время часами, недѣлями, мѣсяцами, годами, вѣками. Наступило, пролетѣло вѣковое это мгновеніе, и задача цѣлыхъ годовъ, столѣтій, цѣлой жизни человѣка и народа, рѣшена безвозвратно. Поставьте 999,999 и не приложите къ нимъ еще одной единицы — не будетъ милльона. Вся мудрость человѣческая не состоитъ ли въ отгадкѣ этого мгновенія, этой послѣдней *единицы* къ *милльону*? Такъ есть точки въ перспективѣ, съ которыхъ рядъ безобразныхъ, повидимому, громадъ является стройнымъ цѣлымъ.

Многіе ли живописцы умѣютъ сыскивать эти точки, и какъ рѣдки Гонзаги и Гране! Но что они такое? Великіе знатоки перспективы.

Все въ отношеніяхъ; все въ насъ, а не внѣ насъ.

Кому не случалось бывать нѣсколько разъ въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, и потомъ, когда эти обстоятельства улетали на крыльяхъ времени, хладнокровно разсматривать прошедшее, и дивиться: какъ странно одно и то же представлялось ему различно? Однажды, прошедшее казалось утомительнымъ, грустнымъ путемъ черезъ пропасти и бездны; настоящее чѣмъ-то похожимъ на переходъ черезъ гнилой мостикъ по рѣкѣ, кипящей волнами; будущее огромною горою, съ молніями и льдами на вершинѣ, съ дремучимъ лѣсомъ и разбойниками у подошвы. Въ другое мгновеніе, то же прошедшее являлось страною живописныхъ ужасовъ, оставляющее въ душѣ странника только живыя впечатлѣнія; настоящее веселою переправою въ легкомъ челнокѣ между цвѣтущими берегами; будущее широкою дорогою къ счастію — черезъ горы, правда, закрывающія нашу будущность, но сквозь эти горы пробитъ путь непобѣдимою волею человѣка, и цѣлые утесы падаютъ передъ нимъ, очищая ему дорогу.

Между тѣмъ, и тамъ и здѣсь, все внѣ насъ было одинаково; только мы сами были различны.

Такъ случилось и съ Вильгельмомъ. Онъ потерялъ точку своей перспективы; былъ недоволенъ, несчастливъ въ самомъ себѣ, и все облеклось передъ нимъ въ туманъ неудовольстія и печали.

Прежде, съ чердака, міръ съ людьми казался ему именно страною живописныхъ ужасовъ, смѣшеніемъ свѣта и тѣни; Поэзія была путеводною звѣздою къ славѣ; Любовь была геніемъ-хранителемъ въ пустынѣ бытія. Все это разочаровалось для него теперь въ мелочахъ литературныхъ, въ сплетняхъ ученыхъ, въ переднихъ вельможи, въ своенравіи и капризахъ любимой имъ дѣвушки. Онъ увидѣлъ, что для славы и любви его надобны холстинныя кулисы, статьи Шпейера, безсмысленный говоръ толпы, поклоны министру, талеры директора, позволеніе глупой старухи, холодныя объясненія о сватовствѣ... Міръ сдѣлался виноватъ во всемъ, и положеніе Вильгельма представилось ему со всѣхъ сторонъ такимъ глупымъ, такимъ нелѣпымъ — какъ торжественная ода какого-нибудь Рамлера, или Готшеда.

Бѣда въ томъ, что стоитъ только дурно и невесело взглянуть просыпаясь, стать съ постели лѣвой ногой, по старой примѣтѣ стариковъ, и — цѣлый день пропалъ: все пойдетъ на перекоръ, неладно и глупо. Такъ и въ жизни: стоитъ разъ взглянуть на нее косо, и все въ ней перекривится передъ нашими глазами, на долгое время.

До сихъ поръ Вильгельмъ испытывалъ только борьбу съ самимъ собою. Онъ спорилъ противъ своей непреоборимой наклонности къ поэзіи, сомнѣвался, рѣшался, откладывалъ рѣшеніе. Онъ боролся съ недостатками вещественной жизни, но ни отъ кого не зависѣла его воля. Теперь воля его была скована: онъ не могъ оставить Генріэтты; не могъ воротиться назадъ съ поприща, ему открытаго. И началась борьба сомнѣній, недовѣрчивости, спора съ судьбой, начались упреки въ томъ, что судьба жестоко обманула его!

Чѣмъ болѣе приближался часъ торжественнаго появленія его Арминія передъ публикою, тѣмъ страшнѣе казалось ему это тысячеглавое, рыкающее привидѣніе — *Публика,* прихотливое, неопредѣленное, странное созданіе, уродъ и красавецъ, шалунъ и мудрецъ, старикъ и

дитя, смѣшеніе всякаго добра и зла! Никогда прежде сомнѣніе въ своемъ дарованіи не тревожило Вильгельма: теперь оно терзало его.

Онъ также содрогнулся, начиная разглядывать вблизи извѣстность, младенчество славы: это былъ скелетъ съ насмѣшливою маскою на лицѣ, въ великолѣпной, но засаленной одеждѣ, въ бархатѣ съ пестрединными заплатками. Вильгельмъ представлялъ себѣ прежде Славу очень просто: на голосъ Поэзіи откликнутся сердца людей тѣми звуками, которые сокрыты въ сердцѣ каждаго. Люди поблагодарятъ Бога, что среди ихъ явился вдохновенный провѣщатель тайнъ сердца и души, понятныхъ и неизъяснимыхъ, всеобщихъ и недоступныхъ, и свободное мѣсто будетъ ему дано среди людей. Сильные встрѣтятъ его, какъ друга; страдальцы увидятъ въ немъ утѣшителя. Теперь видѣлъ онъ въ дружбѣ сильныхъ что-то похожее на канцелярскій обрядъ, съ какимъ они принуждены дѣлать все; въ другихъ видѣлъ онъ нѣчто безсмысленно-любопытное — не болѣе. Говорили объ его Арминіи, ждали новаго прекраснаго созданія, какъ говорятъ о привозѣ свѣжихъ апельсиновъ, какъ ждутъ полученія новыхъ Французскихъ картинокъ, чтобы апельсины про-

глотить, картинками обклеить ширмы. Но Вильгельма приводилъ въ отчаяніе взоръ на избранныхъ, товарищей его, поэтовъ, ученыхъ, литераторовъ. Еще не со всѣхъ сторонъ зналъ онъ ихъ, еще не начинали они терзать его — онъ не зналъ еще ихъ зависти, ненависти, но уже они ходили передъ нимъ въ домашнемъ платьѣ, не скрывали тайнъ своихъ, и сложивъ съ себя фольговые вѣнцы и мишурныя одежды, представлялись какимъ-то цехомъ ремесленниковъ, поставщиковъ, подрядчиковъ, которые бились изъ крохъ насущнаго хлѣба, походили на поэтовъ, какъ пьяница походитъ на веселаго человѣка, на ученыхъ, какъ ткачъ Гобеленевыхъ обоевъ походитъ на Рафаэля.

А чѣмъ казались ему теперь Генріэтта и любовь? Этого не зналъ и самъ Вильгельмъ. Двадцать разъ перемѣнялъ онъ свое мнѣніе. То Генріэтта была ангелъ свѣта, которому недоступны страсти земныя, у котораго надобно вымолить позволеніе безмолвно обожать его. То Генріэтта была своенравная женщина, подвластная мелкимъ страстямъ, непонимающая вдохновительной любви поэта, женщина, для которой любовь была холоднымъ расчетомъ на счастье, а не бурнымъ, увлекающимъ по-

рывомъ, не вихремъ огненнымъ, отъ котораго кружится голова, кипитъ кровь, и сердце требуетъ горя, горечи, потому, что ему мало радости любить и быть любимымъ.

Черезъ три дня Вильгельмъ шелъ вечеромъ къ Генріэттѣ. Въ рукахъ его былъ узелокъ съ чайнымъ приборомъ: ему надобенъ былъ предлогъ явиться къ матери Генріэттиной. Такъ странно измѣнились его отношенія, что онъ не понималъ: какъ можно посѣтить старушку безъ всякаго дѣла? »Иду!« говорилъ онъ, и останавливался — »Не пойду!« и шелъ. Кому дорóга къ жилищу милаго не казалась то безконечнымъ адомъ, то изумительно-короткимъ раемъ — тотъ не любилъ . . .

Онъ засталъ Генріэтту и мать, какъ всегда, за работою. Старушка встрѣтила его съ веселымъ ласковымъ лицомъ; Генріэтта встала, также ласково и учтиво, съ своего мѣста; но не говорила ни слова, ничего не говорилъ и взоръ ея.

Тутъ ничего не понялъ Вильгельмъ. Онъ не зналъ, о чемъ начать говорить ему. Г-жа Шульце избавила его отъ труда. Началось извѣстіемъ о смерти знакомой имъ женщины, о бѣдной участи сиротъ, послѣ нея оставшихся; потомъ о дорогихъ временахъ; потомъ — но Виль-

гельмъ такъ задумался, что не слыхалъ о чемъ послѣ сего говорила старушка.

Въ минуты наружнаго безчувствія не всегда человѣкъ бываетъ безчувственъ. Глухо-нѣмые, потерявъ слухъ и способность говорить, изумляютъ чувствомъ осязанія. У человѣка, пораженнаго тяжкою горестью, нервы дѣлаются такъ раздраженны и натянуты, что онъ слышитъ и чувствуетъ то, чего не слышитъ и не чувствуетъ самый здоровый весельчакъ. Только отказываясь отъ разсудка, люди становятся *ясновидящими*.

Старушка встала съ своего мѣста и вышла изъ комнаты. Вильгельмъ замѣтилъ движеніе Генріэтты: она хотѣла встать и итти за матерью; видѣлъ и взоръ ея: этотъ взоръ сказалъ ему многое, и еще болѣе досказалъ отвѣтный взоръ матери. — »Пощадите меня! Отказавшись отъ моей любви, я не хочу входить въ ваши непонятные для меня замыслы!« — Дура! Я приказываю тебѣ остаться и уладить дѣло, а при этомъ мое присутствіе совсѣмъ лишнее. — Такъ понялъ Вильгельмъ безмолвный разговоръ между матерью и дочерью, и

Сердце поворотилось у Вильгельма. Онъ былъ увѣренъ, что старуха стала за дверью и под-

слушиваетъ. И Генріэтта *согласилась* быть участницею такого заговора! Но свѣтлый, блиставшій сквозь слезы взоръ Генріэтты объяснилъ Вильгельму, что она была только жертвою.

— Вы, кажется, хотѣли итти за маменькою? — сказалъ ей холодно Вильгельмъ.

»Нѣтъ! я спѣшу кончить мою работу.

— Стало быть, я худой отгадчикъ.

Генріэтта не отвѣчала. Тысячи словъ вертѣлись и мѣшались въ головѣ Вильгельма, и мѣшали одно другому явиться въ какомъ нибудь порядкѣ.

— Мнѣ страшно казалось обезпокоить васъ чѣмъ нибудь — я могъ думать, что мое присутствіе безпокоитъ васъ.

»Вы ничѣмъ меня не безпокоите.

— Смѣю надѣяться послѣ этого, что вы простили мнѣ мои прежнія дурачества.

»Я прощаю всѣхъ и во всемъ.

— Даже лишая ихъ наслажденія — просить прощенія вашего?

»Передо мной никто не можетъ быть виноватъ.

— И я?

»Всего менѣе.

Вильгельмъ не зналъ еще, что въ игрѣ такими разговорами женщины непобѣдимы. Онъ уступилъ и смѣшался.

— Не уже ли Генріэтта не замѣчаетъ, что мы говоримъ другъ другу: *вы?* — сказалъ онъ, какъ будто разговаривая съ самимъ собою.

»Кажется, такъ и надобно говорить.

— Надобно, Генріэтта? Давно ли начала ты слѣдовать тому, что надобно, и забыла, что внушаетъ тебѣ сердце твое!

Со страхомъ оборотила къ нему Генріэтта глаза и руки, какъ будто умоляя не вспоминать ничего, или сказывая, что есть свидѣтели ихъ разговора. А! и она сбилась съ толку.

Вильгельмъ тихо поднялся, безмолвно сталъ подлѣ нея на колѣни, и прижалъ руку ея къ губамъ своимъ. »Ради Бога!..« шептала Генріэтта, вырывая руку свою.

— Если я виноватъ... Если ты любишь, любила меня, Генріэтта! — Эти слова были совсѣмъ беззвучны: тайна любви, когда она хочетъ, чтобы никто не слышалъ словъ ея, кромѣ той, или того, кому говорятъ ихъ.

»Все кончилось, г-нъ Рейхенбахъ — я была безразсудна, глупа...

— Генріэтта!

Она молчала. Вильгельмъ сѣлъ на свое мѣсто; равнодушный, холодный видъ Генріэтты поразилъ его. — Въ самомъ дѣлѣ все кончилось! — прошепталъ онъ. Да, да! я и забылъ было...

— Я оставилъ маменькѣ вашей письмо — громко сказалъ онъ. — Надѣюсь, что это письбыло прочитано.

»Не мною.

— Не вами?

»Да, я читала его маменькѣ, по ея приказанію.

— И не хотѣли понять его?

»Оно не ко мнѣ писано.

— Оно писано къ матери моей!

»И очень любопытно.

– Генріетта!

»Почему жъ мнѣ знать: не отрывокъ ли это какой нибудь изъ вашихъ *сочиненій!*

— Генріэтта! это ужасно: оно писано *къ моей матери!*

»Признаюсь, я не такъ бы писала, и не показала бы никому того, что пишу.

— Скажи, Генріэтта: кто оклеветалъ меня передъ тобою?

»Воображеніе ваше клеветало прежде на ваше сердце, и я ему вѣрила.«

— Научи меня своему языку.

»Языку сердца? — Оставимъ разговоръ нашъ, г-нъ Рейхенбахъ... «Она встала.

— Вы хотите итти? Вы боитесь остаться со мною?

»Нисколько! «И горделиво сѣла на свое мѣсто Генріэтта. — Повѣрьте, г-нъ Рейхенбахъ, что никакое безразсудство не можетъ повредить намъ, если мы сами въ немъ не участвуемъ.

Вильгельмъ схватилъ свою шляпу. Генріэтта поблѣднѣла.

»Вы идете? спросила она.

— Какая вамъ надобность, иду или остаюсь я — глупецъ, безрасудный, сумасшедшій... Онъ рвалъ шляпу руками.

»Вы — поэтъ.

— Еще ядовитая насмѣшка! Хорошо, Генріэтта, я останусь — я отмщу тебѣ, буду умѣть отмстить.... Едва не заплакалъ Вильгельмъ.

»Стою ли я мщенія вашего?

Старушка вдругъ закашляла, скрыпнула дверью и явилась. Видъ ея показывалъ явное неудовольствіе. Съ веселою улыбкою всталъ со стула Вильгельмъ, взялъ узелокъ, бывшій въ углу, принесенный имъ.

— Позвольте мнѣ, г-жа Шульце, попросить у васъ прощенія, и хоть отчасти вознаградить убытокъ, причиненный вамъ моею неловкостью.

Онъ развязалъ узелокъ. Въ немъ былъ превосходный, дорогой кофейный сервизъ, чашки съ позолотою, съ живописью.

— Мнѣ пріятно, г-жа Шульце — сказалъ Вильгельмъ — представить вамъ въ замѣнъ вашихъ Саксонскихъ старинныхъ чашекъ, вотъ эту бездѣлку.

»Какъ, г-нъ рейхенбахъ, вы не забыли объ этомъ?

— Можно ли забыть, почтенная г-жа Шульце! Бездѣлка эта, конечно, не замѣнитъ вамъ потери....

»Какъ не замѣнитъ!

— Съ прежними чашками соединены были для васъ драгоцѣнныя воспоминанія о вашемъ супругѣ. Желаю, чтобъ эти чашки заставили васъ, напротивъ, забыть о моихъ глупостяхъ.

»Помилуйте, г-нъ Рейхенбахъ! Что за узоры, что за цвѣточки, что за позолота! Г-нъ Рейхенбахъ, позвольте попенять вамъ: вѣдь этакія чашки, вѣроятно, не дешевы....

— Бездѣлка, г-жа Шульце, если только это доставляетъ вамъ хоть маленькое удовольствіе.

»Но можно ли до такой степени не жалѣть денегъ!

— Онѣ мнѣ легко достаются. Впрочемъ, я худо понимаю, я долго думалъ о томъ, что мнѣ дѣлать, и наконецъ рѣшительно пришелъ объясниться съ вами. Выслушайте меня.

— Прежде всего, извините ради Бога, что внезапная перемѣна моихъ обстоятельствъ такъ меня обрадовала, что я прибѣжалъ къ вамъ въ послѣдній разъ какъ одурѣлый, надѣлалъ столько проказъ, оскорбилъ достойную всякаго уваженія г-жу совѣтницу Шницеръ-Памеръ. Не можете ли вы сдѣлать мнѣ величайшаго одолженія: исходатайствовать прощенія у почтенной г-жи совѣтницы?

»Только? «спросила старушка, и видъ ея показывалъ обманутое ожиданіе.

— Нѣтъ, не только, г-жа Шульце, — но уваженіе, какое должны мы оказывать къ людямъ пожилымъ и почтеннымъ, представляетъ мнѣ шутку мою надъ г-жею совѣтницею такимъ непристойнымъ поступкомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я позволилъ себѣ эту шутку, признаюсь, совѣсть не даетъ мнѣ покоя.

»И! г-нъ Рейхенбахъ!

— Ахъ, нѣтъ, г-жа Шульце! Вдова чинов-

ника столь почтеннаго, ваша старинная пріятельница....

»Да что вы такъ безпокоитесь о совѣтницѣ? Между нами сказать, старая сплетница эта рада будетъ простить васъ, если напоить ее хорошимъ кофеемъ, да подарить ей что-нибудь, не дорогое, а такъ — какую нибудь вещицу, любопытную и курьёзную. Мы, конечно, съ ней старыя знакомыя; но признательно сказать, въ жизнь мою не слыхала я отъ нея добраго слова о людяхъ, и сама не видала добра ни на желѣзный грошъ. Да, я лучше пойду попрошу милости, вотъ у моего сосѣда столяра, даромъ что онъ бѣднякъ и перебивается со дня на день, а ужъ ни за что не соглашусь просить чего-нибудь у совѣтницы.

— Вы успокоиваете меня, почтенная г-жа Шульце, на счетъ г-жи совѣтницы. Позвольте жъ мнѣ сказать еще, что я ожидаю отъ васъ, какъ отъ старой пріятельницы моей маменьки, добраго и полезнаго совѣта.

»Рада служить вамъ.

— Свѣтъ нынѣ сталъ не таковъ, какъ прежде; старыя прекрасныя времена прошли и кончились, кажется, безъ возврата. Во всемъ такая дороговизна; люди сдѣлались такъ недо-

вѣрчивы, такъ недоброхотны, что вмѣсто добра жди отъ нихъ худа. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ каждому изъ насъ надобно подумать, да и подумать о будущемъ, и очень позаботиться о своей участи.

»Въ первый еще разъ слышу я отъ васъ сужденія столь благоразумныя, г-нъ Рейхенбахъ, и никогда прежде не думала я, чтобы вы столь хорошо смотрѣли на дѣла и людей.

— Съ каждымъ днемъ мы становимся старѣе, и естественно разсудительнѣе и благоразумнѣе, почтенная г-жа Шульце. И къ чему же мнѣ прежде было заботиться о своей участи, когда я ничего не видалъ впередъ? Теперь иное дѣло. При помощи Божіей, я надѣюсь вскорѣ устроить свой *каррьеръ*.

»Право? И каррьеръ, вѣрно, прекрасный?

— Теперь отъ меня зависитъ выборъ; но я не смѣю, не умѣю рѣшиться, безъ совѣта людей почтенныхъ и опытныхъ. Отецъ не оставилъ мнѣ денегъ. Что дѣлать?

»Охъ! не обвиняйте памяти своего родителя, г-нъ Рейхенбахъ!

— Избави меня Богъ; но вѣдь и я не виноватъ въ томъ, что родился бѣднякомъ? Угодно было Провидѣнію не дать мнѣ ничего, когда ино-

му предоставило Оно только одинъ трудъ въ жизни — родиться, чтобы послѣ того сдѣлаться княземъ, графомъ, богачемъ, и Богъ вѣдаетъ чѣмъ.

»Не жалуйтесь на Провидѣніе. Не уже ли вы думаете, что у знатныхъ, да у богатыхъ нѣтъ своего горя? Повѣрьте, что на долю каждаго судьба отмѣриваетъ порядочный клинъ терпѣнія. Пасторъ нашъ недавно говорилъ такъ прекрасно, что каждому при рожденіи судьба назначаетъ нести свой крестъ. Вотъ, напримѣръ, говорилъ онъ: одному нѣчего варить въ желудкѣ, а у другаго отъ излишка не варитъ желудокъ. Разсудите: кому легче? По моему мнѣнію, бѣдняку, потому, что на нѣтъ суда нѣтъ, и лучше переносить, когда ни чѣмъ пособить не можно.... Позвольте, какъ онъ тутъ изъяснилъ, такъ хорошо и прекрасно... Да, легче переносить то, чему пособить не льзя, нежели имѣть всѣ средства пособить себѣ и не быть въ состояніи пособить. Но я перебиваю ваши рѣчи...

— Мнѣ пріятно слушать ваши благоразумныя наставленія. Обращаюсь къ прежнему. Ни на что не жалуясь, никого не обвиняя, я благодарю Бога за то, что Онъ далъ мнѣ нѣкоторыя способности, и тѣмъ доставилъ мнѣ случай быть

полезнымъ себѣ и другимъ. Само Провидѣніе вело меня къ тому, что я не сдѣлался ни чиновникомъ, ни купцомъ, но сдѣлался литераторомъ. Вы знаете, г-жа Шульце, что это такое?

»Худо понимаю. Литераторомъ, то есть, такимъ человѣкомъ, который читаетъ лекціи, учитъ?

— О, нѣтъ! это профессоры, учители; но литераторы такіе люди, которые, безъ всякаго особеннаго званія, *дѣлаютъ книги.*

»Такъ не уже ли и стихотворцевъ надобно называть литераторами?

— Какъ же, г-жа Шульце: вѣдь и они дѣлаютъ книги, только въ стихахъ, такъ какъ кузнецъ дѣлаетъ ножикъ, щипцы, слесарь замокъ, каретникъ карету, сапожникъ сапоги.

»Давно думала я, и хотѣла спросить у васъ: что это за чудная склонность такая, и какъ научаются люди дѣлать книги?

— Такъ же, какъ раждаются кузнецы и слесаря, раждаются и стихотворцы и литераторы; способность особенная, г-жа Шульце. Вашъ сосѣдъ недавно сдѣлалъ замокъ о семи ключахъ; меня хоть убей, я не сдѣлаю и объ одномъ ключѣ; но за то могу написать семь книгъ, когда ему не написать и семи строкъ.

»Не мое дѣло судить. Конечно, кому Богъ даруетъ какую способность, тотъ ей и слѣдовать долженъ. Но, воля ваша, мой такой совѣтъ, что это *ремесло не хлѣбное*, и такъ говаривалъ мой покойный Готтлибъ. Почему было не выбрать вамъ лучше званія чиновника, купца?

— Но, что бы я былъ за чиновникъ, безъ связей, безъ рекомендацій, безъ денегъ? Вѣкъ биться за переписываніемъ бумагъ, всю жизнь корпѣть въ канцеляріи, для того, чтобы съ сѣдыми волосами просить милостыни — незавидная участь!

»Правда ваша: безъ рекомендацій, связей, случая, что и служить. Вотъ хоть бы нашъ общій знакомый, г-нъ Тифтикъ, который контролеромъ по сбору каменьевъ на мостовую съ пріѣзжающихъ — работящій, умный человѣкъ, и мѣсто почтное, а какъ часто онъ пощелкиваетъ зубами...

— Вотъ, сами вы изволите видѣть. Быть купцомъ, конечно, рекомендацій не нужно; за то купецъ безъ капитала — мѣшокъ безъ денегъ. Право, также не завидная участь высохнуть словно перо, сидя съ перомъ въ конторѣ какого нибудь богача, который, при отпускѣ ва-

шемъ въ гошпиталь на старости, и двухъ талеровъ не придастъ къ заслуженному жалованью.

»Но въ томъ и другомъ случаѣ, г-нъ Рейхенбахъ, бережливость, *аккуратность*, *солидность* въ дѣлахъ могутъ составить *репутацію* дѣловаго человѣка, и дать ему средства на старости лѣтъ скопить себѣ необходимое.

— Прежде, такъ было. Но теперь народъ сталъ ловокъ, смышленъ, а времена худыя. Едва ли кто теперь разбогатѣетъ изъ купеческихъ прикащиковъ, или мелкихъ чиновниковъ. Дѣловаго народа такая пропасть. Судите: за что прежде ткачу давали по 3 копфштика, за то не дадутъ теперь и 3хъ зильбергрошей.

»Правда, правда! Нѣтъ ужъ теперь не выколотишь на наковальнѣ такого домика, какой выколотилъ себѣ нашъ Шмидбухъ...

— Именно. Притомъ, съ перемѣною временъ, слова почтеннаго вашего супруга теперь не совсѣмъ сдѣлались вѣрны. Дѣло въ томъ, что при такихъ временахъ, какъ нынѣ, когда дѣловому человѣку приходится плохо, бездѣлью сдѣлался полный разгулъ, народъ жадничаетъ всякаго вздора, и стихотворцамъ теперь такое житье, что лучше всякаго почтеннаго слесаря и булочника.

»Правда, правда! Да однимъ ли имъ...

— Ваша правда; однимъ ли имъ! Танцовщикамъ, танцовщицамъ, модисткамъ, фиглярамъ, философамъ, лекарямъ . . .

»Справедливо. Посмотрите вокругъ себя: всякая мѣщанка на гуляньѣ одѣта какъ знатная дама, всякая дрянь идетъ въ модный магазинъ. А какія деньги, говорятъ, наживаютъ теперь актеры, да актрисы — и подумать страшно! Ну, а лекаря? Послѣ холеры и не говори они, будто что-нибудь знаютъ — но между тѣмъ не оберутся денегъ отъ нынѣшняго хилаго народа: какой башмачникъ въ наше время не боленъ, будто знатный баринъ, кто не лечится и какой лекарь не ѣздитъ въ коляскѣ? Что-жъ, г-нъ Рейхенбахъ — если вы можете быть стихотворцемъ и дѣланьемъ книгъ наживать добрыя деньги, да жить порядочно — будьте стихотворцемъ, литераторомъ. Вѣдь никакое ремесло не безчестно, если деньги достаются не даромъ, а трудомъ, и не ко вреду ближняго.

— Тутъ вопросъ мудреный: не даромъ ли, и не со вредомъ ли ближняго добываетъ деньги стихотворецъ и литераторъ. Впрочемъ, никто не спрашиваетъ, какъ кто нажилъ деньги...

»Разумѣется. И помните ли... Но нѣтъ, вы

уже не застали покойнаго Якоба, придворнаго шута нашего покойнаго стараго князя: этотъ человѣкъ 20-ть лѣтъ ходилъ въ дурацкой шапкѣ съ побрякушками и въ пестромъ кафтанѣ. Шутками нажилъ онъ себѣ имѣніе, купилъ помѣстье Литтенвальдъ, сдѣлался барономъ Якобомъ фонъ-Литтенвальдъ, и на дочери его женился первый кофишенкъ князя, а сынъ теперь, кажется, первый смотритель надъ княжескими лимонами и апельсинами. А самъ-то баронъ — однажды я встрѣтила его и не узнала — толстаго, въ огромномъ парикѣ и въ коляскѣ четвернею, съ гербами!

— Вы предупредили мои слова вашимъ разсказомъ. Такъ, какъ поступилъ баронъ Якобъ фонъ-Литтенвальдъ, надобно поступить, мнѣ кажется, всякому стихотворцу и человѣку легкаго ремесла: нажить себѣ деньги, составить хорошее состояніе, и потомъ сдѣлаться дѣловымъ и дѣльнымъ.

»И будто можно?

— Легче, нежели вы думаете. Надобно вамъ сказать, что вотъ я теперь могу написать стиховъ, сколько вамъ угодно. И не смѣшно ли? Людямъ это такъ нравится, что самые знатные не стоятъ ни за чины, ни за дружбу. Это

понятно, г-жа Шульце: никто не отказывается отъ чашки кофе, или рюмки мороженаго на гуляньѣ, а многіе ли дадутъ бѣднягѣ какому нибудь крейцеръ, или краюшку хлѣба? Теперь... Но, извините — вы что-то хотѣли сказать — я перебилъ вашу рѣчь.

»Нѣтъ! я только согнала муху; онѣ къ осени дѣлаются такія назойливыя — никакъ не отгонишь! Продолжайте, г-нъ Рейхенбахъ.

— На чемъ же остановились мы?

»На томъ, что знатные люди бываютъ нынѣ друзьями стихотворцевъ, и за ничто даютъ имъ чины и всякое добро.

— Точно. Глупо цѣлый вѣкъ оставаться шутомъ, или стихотворцемъ; но скажите: не умно ли поступитъ тотъ, кто, побывши въ подобной должности нѣсколько времени, добудетъ что ему надобно, раскланяется съ своею дурацкою шапкою и съ стихами, и сдѣлается помѣщикомъ Литтенвальдскимъ? Прошу сказать: скоро ли доберется до такого помѣстья какой нибудь контролеръ, или купецъ?

»Истинно, истинно!

— Кажется, что такъ, г-жа Шульце. Теперь скажу вамъ о себѣ, что мнѣ обѣщаютъ

все, что угодно, и моими стихами восхищаются всѣ наперерывъ.

»Ха, ха, ха!

— Смѣйтесь, г-жа Шулце, а дѣло такъ. Я могу показать вамъ условіе, по которому директоръ театра заплатилъ мнѣ 2000 талеровъ за мою трагедію; я могу показать вамъ письмо секретаря барона Калькопфа, который предлагаетъ мнѣ мѣсто смотрителя за чернилицами въ министерской канцеляріи, съ 1000-ю талеровъ жалованья и чиномъ каждые два года. Годъ, два, три, четыре, пять — я, съ тугого набитымъ кошелькомъ, дѣловый чоловѣкъ — чортъ побери стихи...

»Готова обнять васъ, г-нъ Рейхенбахъ.

— Благодарю васъ, почтенная Г-жа Шульце, и вы мнѣ позволите послѣ такого лестнаго изъявленія вашего дружескаго участія, предложить вамъ надлежащимъ порядкомъ то, что составляетъ одно изъ лучшихъ моихъ желаній — честь быть сыномъ вашимъ?

Генріэтта оставила свою работу, быстро поглядѣла на Вильгельма, ничего не сказала, ни сколько не измѣнилась въ лицѣ, и опять принялась за иголку.

— Вы такъ благоразумно разсуждали, г-нъ

Рейхенбахъ, что я не могу отказать въ моемъ согласіи на предложеніе ваше. Признаться, съ Генріэттою я говорила мимоходомъ — такъ, мимоходомъ . . .

»Маменька! я имѣла честь сказать вамъ мои мысли: вашъ выборъ долженъ все рѣшить. Г-ну Рейхенбаху надобно жениться, и дѣло это до меня нисколько не касается.

— Какъ: нисколько не касается, дурочка? Да, ты главное лицо въ нашей комедіи.

»Если вамъ и г-ну Рейхенбаху угодно меня ввести въ эту комедію, я должна зависѣть отъ воли вашей, маменька.

Вильгельмъ кусалъ ногти, едва скрывая свое бѣшенство, и думая: »Она поняла все!«

— И такъ, со стороны милой дочери вашей нѣтъ препятствій — сказалъ онъ. — Позволите ли мнѣ послѣ сего надѣяться, г-жа Шульце, что я могу почитать это важное для меня дѣло почти оконченнымъ, а себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ?

»Если вы мнѣ позволяете рѣшать, то я возражу одно: для полнаго порядка дѣла надобно согласіе вашей маменьки, г-нъ Рейхенбахъ. Это необходимо.

— Благоразумно, г-жа Шульце.

»Знаете ли, какой важный шагъ дѣлаете вы? И при немъ можно ли забыть великое слово: »почитай отца твоего и мать твою, да благо тебѣ будетъ и долголѣтенъ будешь на землѣ!« Спроситесь у маменьки вашей, получите ея согласіе, и тогда... хоть я и не сомнѣваюсь въ согласіи г-жи Рейхенбахъ...

»Говоря по прежнему, я сказалъ бы, что мнѣ извѣстно сердце ея, извѣстна любовь ея ко мнѣ, что счастье мое есть ея счастье — но теперь я не осмѣлюсь всего этого говорить. Позвольте мнѣ писать къ ней, увѣдомить ее.

— Кажется, родство съ нами не нанесетъ ей безчестія. Мой покойный Готтлибъ оставилъ дочери честное имя, и я успѣла по смерти его такъ вести себя, что конечно самый злой языкъ не пошевелится сказать что-нибудь обо мнѣ, либо объ Генріэттѣ.

»Боже мой! кто сомнѣвается въ этомъ! Но предоставимъ все будущему, и дадимъ полную волю на рѣшеніе маменькѣ моей.

— Ахъ! вы меня растрогали, г-нъ Рейхенбахъ! Признаюсь, не ожидала я такого благоразумія, такой удивительной разсудительности.

»Можно ли иначе поступать, почтенная г-жа Шульце, тому, кто почти опредѣленъ Смотри-

телемъ за чернилицами въ канцеляріи Его Высокопревосходительства барона фонъ - Калькоппфа! Вы не повѣрите, какъ постарѣлъ я въ самое короткое время — не скажу поумнѣлъ — я былъ вѣтренный мальчишка, но теперь другое, совсѣмъ другое... Ахъ! какая разница, хоть я и не перестаю все - таки предаваться мечтамъ воображенія. Мнѣ мечтается, напримѣръ, какъ можно быть современемъ счастливымъ, имѣя прекрасный домъ, хорошій экипажъ, порядочную услугу, когда притомъ всякій снимаетъ шляпу и при каждомъ словѣ прибавляетъ: Ваше Благородіе, Господинъ Совѣтникъ фонъ-Рейхенбахъ! Не правда ли, сударыня — онъ оборотился къ Генріэттѣ — это такъ хорошо, что плакать хочется — разумѣется, отъ радости?

— Да, это должно быть очень пріятно.

»И притомъ избранное общество, вечера, собранія, гдѣ при всей веселости вы замѣтите строгую экономію хозяевъ, совершенный порядокъ, даже въ расположеніи кусочковъ буттербброда по числу гостей; гдѣ веселятся отъ всей души, и въ то же время оглядываются, чтобы не стать спиною къ какому-нибудь Совѣтнику, и не забыть въ котильонѣ дочери какой нибудь

г-жи Совѣтницы; гдѣ все такъ чинно, благопристойно...

— Вотъ, что мнѣ всегда не нравилось въ нашихъ биргеръ-клубахъ, г-нъ Рейхенбахъ: тутъ многимъ позволяютъ много свободы. Какой-нибудь *филистеръ* толкаетъ подъ бока мать, прыгая съ дочерью, такъ, что становится досадно смотрѣть... Отъ этого я не люблю часто заглядывать въ наши клубы. Прежде совсѣмъ не такъ бывало... Да, что и говорить: такіе ли и танцы бывали въ старину, какъ нынѣ! Наши менуеты, что за прелесть такая! Поклонамъ конца нѣтъ; учтивостямъ, нѣжностямъ, взглядамъ тоже. Съ тѣхъ поръ, какъ ввелись вальсы, повѣрьте, головы больше стали кружиться и время стало хуже.

»Многіе утверждаютъ, г-жа Шульце, что, для общаго благоденствія, снова надобно-бъ было ввести въ употребленіе парики и фижмы. И, если угодно, это отчасти и правда: не слишкомъ распрыгается мужчина, когда боится разстроить свою прекрасную высокую прическу, или дама, когда едва бокомъ проходитъ въ двери...

— Вы подсмѣиваетесь надъ старымъ временемъ...

»О, совсѣмъ нѣтъ! Да, кстати, сударыня; позвольте мнѣ попросить васъ посмѣяться надъ глупостью нашего времени, позвольте попросить васъ пожаловать въ театръ, когда станутъ давать мою трагедію.

— Въ театръ? Ахъ! я ужь и забыла, когда бывала въ театрѣ, а Генріэтта еще съ роду не посѣщала театровъ.

»Да, въ самомъ дѣлѣ, я было совсѣмъ и забылъ. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ будетъ доставить вамъ это удовольствіе, сударыня.

— Какъ маменькѣ будетъ угодно.

»Почему жъ намъ не поѣхать? Кажется, тутъ ничего не будетъ неприличнаго: ты будешь съ матерью ... Только какъ домой пробраться, ночью!

— У меня будетъ карета — не безпокойтесь. Вы увидите любопытное зрѣлище: весь дворъ, министровъ, дамъ, наряды, освѣщеніе — ну, и трагедію мою. Ложа у насъ будетъ прекрасная. Не уже ли вамъ не любопытно будетъ, Генріэтта, посмотрѣть даже и на дамскіе наряды?

»О, съ удовольствіемъ!« — Она улыбнулась; но послѣ того встала и немедленно ушла изъ комнаты.

— Глупецъ! — думалъ Вильгельмъ — что ты сдѣлалъ! Какое нелѣпое намѣренiе раздосадовать, огорчить Генрiэтту, отмстить ей своею холодностью, своими поступками и словами... Что если послѣ этого ты навсегда потерялъ ее?

Холодный потъ выступилъ у него на лбу отъ внутренняго страданiя.

— Терзать милое это созданiе, разрушать радости бытiя, которыхъ и безъ того такъ мало въ ея жизни, и уничтожать, осмѣивать всѣ милыя, кроткiя мечты ея о будущемъ... Но не сама ли она виновата? Это тихое, кроткое, созданiе не показало ли своего несноснаго упрямства, нестерпимыхъ прихотей? Не становился ли я передъ нею на колѣни, не умолялъ ли простить меня, если только я виноватъ? О великiй Боже! —

Однакожъ мщенiе далеко увлекло Вильгельма — въ этомъ невольно сознавался онъ самъ себѣ. Проклятая вспыльчивость, проклятая горячая кровь! Въ минуту гнѣва, минуту забывчивости, когда кровь кипитъ и волнуется, и бьетъ такъ сильно отъ сердца въ голову, кажется, недостаетъ словъ, которыми можно выразить досаду, человѣкъ готовъ сердиться на самый языкъ, который такъ вѣжливъ и ласковъ;

ему хотѣлось бы рыкать по львиному, и какъ тигру сверкать глазами въ то же время.... И кто не раскаявался потомъ за свои минуты забывчивости, кто не хотѣлъ бы годомъ жизни выкупить иной часъ!... Но прошедшее невозвратно. Капля капаетъ и вѣчность ее поглощаетъ.

Вильгельмъ сидѣлъ блѣдный, безмолвный, не слыхалъ, что говорила г-жа Шульце. У него оставалось еще не много разсудка; онъ могъ понять, что еще полчаса, и вся *репутація* благоразумнаго человѣка, пріобрѣтенная съ такимъ трудомъ отъ г-жи Шульце, разлетится прахомъ; могъ понять, что ему надобно было поскорѣе раскланяться съ старушкою. И онъ спѣшилъ раскланяться, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, едва понимая, что дѣлаетъ.

Въ сѣняхъ увидѣлъ отъ Генріэтту. Она стояла къ нему спиною, и видно было, что она плакала, что она старалась осушить глаза свои отъ слезъ, и возвратиться съ видомъ спокойнымъ.

— Генріэтта! — онъ схватилъ ея руку.

»Вы злой человѣкъ, г-нъ Рейхенбахъ!« отвѣчала она — слезы градомъ лилились изъ ея глазъ. »Этого я не знала прежде.

Какъ молнія мелькнула она и скрылась. »Нѣтъ, Генріэтта! я не злой человѣкъ, но — глупецъ, большой глупецъ!« И онъ удалился скорыми шагами.

ГЛАВА III.

Если есть вѣрное и удачное уподобленіе свѣта чему нибудь, то, конечно, уподобленіе его театру. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ они между собою похожи. Хотите ли видѣть вѣрное различіе міра Древнихъ и міра Новыхъ? — Вспомните о театрѣ Грековъ, съ открытымъ небомъ вмѣсто потолка, съ его дневнымъ сіяніемъ, вмѣсто лампъ и кенкетовъ, съ его масками, котурнами, амфитеатрами, звучащими стѣнами; сообразите съ нимъ наши театры, съ ихъ вечерними освѣщеніями, кулисами, оркестрами, отгородками, гдѣ по стѣнамъ помѣщаются зрители, креслами, стульями, капельдинерами, занавѣсами, разъѣздомъ каретъ, буфетами, аффишами, билетами. Какъ прежде не пришло въ голову теоретикамъ и подражателямъ Древ-

нихъ подобное сравненіе? Послѣ него не надобно было писать тысячи четырехъ сотъ томовъ о разницѣ драмы древней и новой; о томъ, что Аѳинянинъ въ своемъ хитонѣ, подъ Аѳинскими портиками, нисколько не походилъ на напудреннаго посѣтителя Пале-Рояльскихъ галерей, и что увѣрять въ родствѣ ихъ, все равно, что увѣрять въ волокитствѣ Алфея за Сеною, вмѣсто Аретузы.

Но одно ли это! Сколько философскихъ идей было выводимо о томъ, что люди, какъ актеры, не тѣ за кулисами, какіе являются на сценѣ; что такъ же и въ мірѣ, какъ на театрѣ, видимъ людей на ходуляхъ: одни властители, другіе герои, третьи вельможи, четвертые нищіе, пятые умные, шестые дураки; но — *Идите съ миромъ, благочестивые міряне! кончилась комедія* — и все кончилось, всѣ равны за кулисами гроба, когда падаетъ могильный занавѣсъ, заступъ стучитъ у дверей, и герои и дураки, вельможи и умные ѣдутъ въ свои настоящія квартиры на дрогахъ, похожихъ на актерскіе экипажи. Но загляните еще въ театръ: передъ вами великолѣпный чертогъ, сады Армидины, все весело, радостно, поетъ, пляшетъ... Разъ два! Раздался свистокъ — сады ушли подъ полъ, чертоги

улетѣли къ потолку — гремитъ громъ, буря, шумъ, смятеніе, корабль бьется въ волнахъ, трещитъ, разбивается — кругомъ угрюмыя скалы, мрачное небо. Не то ли самое въ мірѣ, по свистку времени? Но чего боитесь вы, разсматривая, что тамъ, гдѣ прежде цвѣли города, бѣлѣлись флоты, высились мраморные домы, кипѣло веселое народонаселеніе, тамъ нынѣ царствуетъ чума, вѣтеръ развѣваетъ пески пустынь, море заражаетъ гнилостью, разбойникъ стережетъ одинокаго путника, и проводникъ робко указываетъ ему и печально говоритъ: »Пальмира, это Тиръ, это Эфесъ, это Карѳагенъ, Вавилонъ« — чего боитесь вы? — Перемѣнились декораціи, актеры ушли, смѣнились другими, и только!

Отставной актеръ дѣйствительнаго міра, Оксенштирнъ, философъ подъ старость, какъ многіе дѣлаются мудрецами, когда нѣтъ зозможности дурачиться, вывелъ цѣлый рядъ уподобленій міра театру. Справьтесь объ этомъ въ книгѣ, которая издана въ Рускомъ переводѣ, подъ именемъ *Мнѣній нравоучительныхъ на разные случаи, съ правилами и разсужденіями*, и напечатана въ типографіи Окорокова, въ Москвѣ, въ 1792 году. Это очень любопытно. Оксен-

штирнъ утверждаетъ, будто міръ разыгрываетъ драму: *Вѣчное тоже;* будто глупость въ мірѣ передвигаетъ кулисы, умъ снимаетъ со свѣчь, мудрецы сидятъ, смотрятъ и молчатъ, дураки сидятъ, смотрятъ и хлопаютъ, потому, что большая часть актеровъ худо знаютъ свои роли и плохо играютъ, и проч. и проч. и не знаю: правда ли все это? —

Но гробовой мастеръ всего менѣе думаетъ о суетѣ міра, обивая бархатомъ и позументами маленькій домикъ какому-нибудь непомѣщавшемуся на тысячѣ верстахъ человѣку; а могильщикъ и не подумаетъ о бренности людей и дѣлъ, работая заступомъ, когда все вокругъ него плачетъ, и пыльныя глыбы, стуча о гробъ, говорятъ: *прощай!* оставшимся на землѣ. Такъ и въ театрѣ: никто не помышляетъ о подобіи міра театру и театра міру, никто не занимается поучительными и нравоучительными сравненіями — никто. Директоръ расчитываетъ барыши отъ сбора; режиссеръ миритъ за кулисами Нерона съ Лодоискою, которые подрались, завтракая вмѣстѣ; продавецъ билетовъ считаетъ деньги, пока покупатели ихъ пересчитываютъ ребры другъ у друга; капельдинеръ сметаетъ пыль съ креселъ, на которыхъ развалится зѣвающая

лѣнь зрителя; подпольный работникъ чиститъ лампы и пачкаетъ свою рожу — всѣ заняты — отъ поэта, мучимаго неизвѣстностью успѣха, до собирателя булавокъ по ложамъ, у котораго не достаетъ еще дюжины булавокъ на гривенный хлѣбъ.

Но на этой изнанкѣ театра сколько любопытнаго! Тутъ прочь всѣ обольщенія. Что это за пыльныя холстины, что это за обломки бревенъ, обрубки досокъ, запачканныя лѣстницы, груды хлама? Боже мой! это бурныя моря, лѣса дремучіе, сады очаровательные, гдѣ вчера отчаявался Танкредъ, вызывалъ бѣса Фрейшицъ, умирала Фиделіо, при звукахъ Россини, Вебера, Бетховена. А это что за небритый, нечесаный, дурно одѣтый народъ; что за лоскутья графленой бумаги разбираютъ они при сальныхъ огаркахъ, и что за нелѣпая пискотня раздается отъ ихъ скрыпокъ, флейтъ, гобоевъ? Это вчерашніе очарователи ваши, люди, которые восхитятъ васъ сегодня согласіемъ музыки, выразятъ страсти своими скрыпками, и заставятъ подъ тактъ летать Зефировъ и Нимфъ по сценѣ, и Юпитера приноравливать свой громовый голосъ подъ мѣру речитатива.

Полное разочарованіе! Это анатомическій те-

атръ, не храмъ Изящнаго — тутъ анатомятъ — созданіе поэта. Темно, какъ въ головѣ педанта; чуть во мракѣ блистаютъ тусклые огарки; занавѣсъ поднятъ и виситъ угломъ сверху; сцена открыта до самой кровли театра и до кирпичныхъ, неподдѣльныхъ стѣнъ его — скелетъ очарованія, ужасный скелетъ, и толпа людей, которые должны передавать твореніе поэта зрителямъ, кажутся студентами Медико-Хирургическихъ лекцій; они держатъ въ рукахъ разрубленное на части тѣло поэта — тетрадки, *роли* свои, и зѣвая, разговаривая, смѣясь, невнимательно ломаютъ прекрасные стихи драмы, пока суффлеръ въ отчаяніи кричитъ изъ своей канурки, что Юлій Цезарь вретъ безъ милосердія; Дездемона хохочетъ; Отелло, поправляя свой галстухъ, говоритъ очень спокойно: »Достань мнѣ яду какого нибудь, Яго — въ эту же ночь — не хочу объясняться съ нею — она можетъ опять очаровать меня — яду, и въ эту же ночь« . . .

Время, назначенное для представленія *Арминія,* приближалось; все было готово; роли выучены; начались репетиціи. Вильгельмъ явился въ театръ, и сидѣлъ въ ложѣ директора; толпа актеровъ и актрисъ тѣснилась на сценѣ,

гдѣ репетировали вдругъ новую оперу, старый водевиль и *Арминія*. Пожавъ руку Вильгельму, директоръ убѣгалъ изъ ложи, прибѣгалъ опять, спорилъ, приказывалъ, сердился, смѣялся.

— Что-жъ не начинаютъ Арминія?

»Г-жа Элеонора не пріѣзжала.

— Чтобъ.... Репетируйте *Палача*.

Облокотясь локтями на край ложи, задумчиво сидѣлъ Вильгельмъ, и въ смѣшенномъ шумѣ, шарканьѣ, чиханьѣ, смѣхѣ, хохотѣ, нескладицѣ музыки размышлялъ, когда доносились къ нему, вмѣстѣ и попеременно, то клочекъ куплета, то лоскутокъ аріи, то обрывокъ разговора — настоящая олла потрида Искусства и Жизни.

»Судья на взятки не пошелъ —
Ну, вотъ бѣда, бѣда какая!
Какой оселъ, какой оселъ!
Что за привычка предурная:
Рѣшить дѣла на чистоту,
Смотрѣть на правость только дѣла«....

— Не то, не то! Начинай снова. Тра-ла-ла-ла-а, а, утъ, ре, ми... —

»Не говори ты мнѣ объ ней: въ три мѣсяца она стóитъ мнѣ сто талеровъ« —

И если хочешь плутовать,
Умѣй концы умнѣе прятать! —

»Мальвина, Мальвина! того ли ждалъ я за сію любовь, за сіи мученія, каковыми ты истерзала всѣ помышленія любящаго тебя Эдуарда!« — Прекрасныя устрицы, и какъ дешевы... и Шабли какое! —

Арсена! ты-ли? —»Боги! Роландо!«

— Тактъ не выдержанъ — разъ, два, три, разъ, два, три! — »Завтра въ полночь, въ улицѣ Ферронери! Пароль: *кровь и трупъ!* « — Увѣряю тебя, что всего за мной осталось три партіи и одна бутылка! — »Все-ли въ добромъ здоровьѣ? — И вы здѣсь!« — Что за прелестная погода! — »Только на три дня, сдѣлай милость! — Ха, ха, ха!... —

Между тѣмъ въ ложѣ директора былъ свой отдѣльный міръ.

»Почему не хотите вы играть въ завтрашнемъ водевилѣ?

— Г-нъ директоръ знаетъ причину.

»Если я васъ спрашиваю, слѣдовательно, не знаю.

— Я боленъ.

»Вѣрно, прихотями г-жи Анджели?

— Я простудился и кашляю.

»Прошу безъ отговорокъ.

— Если такъ, то позвольте сказать, г-нъ директоръ, почему вы согласились на передачу роли, когда ее выучила дѣвица Анджели?

»Я, сударь, просилъ объ этомъ директора. Роль кокетки совсѣмъ не годится для нея.

— Я не съ вами говорю, г-нъ Шперлингъ; вы ненавидите дѣвицу Анджели, и ваше мнѣніе, что она дурно выполнитъ роль кокетки, не должно имѣть мѣста.

»Вы смѣшиваете роль на сценѣ съ ролею за кулисами — я не спорю о послѣднемъ.

— Вы оскорбляете меня.

Bon jour, mon cher! Что у тебя новаго?

— Ничего, покамѣстъ. Говорилъ ли ты барону о княжеской ложѣ?

»Да, онъ никакъ не соглашается. Зеркало надобно поставить въ углу, въ отраженіи. Ея Свѣтлость терпѣть не можетъ свѣта съ лѣвой стороны.

— Четвертой ноги у слона недостаетъ, г-нъ директоръ.

»Да вѣдь былъ нанятъ какой-то дуралей?

— Оказался страшный пьяница, и сегодня съ утра пьянъ; весьма опасно, что испортитъ все; на репетиціи онъ такъ далеко ушелъ впе-

редъ, что разорвалъ слона, и чуть не повалилъ башни.

»На что тебѣ слонъ?

— Въ *Шахъ надира.*

»Найми стараго гофмейстера нашего: онъ превосходно сыграетъ. Что за скотина, mon cher! Ты слышалъ о вчерашнемъ происшествіи?

— Нѣтъ!

»Прелесть! Когда надобно было пить за здоровья, онъ самъ взялся махать платкомъ артиллеристамъ. Пажи окружили его; спрашивали зачѣмъ онъ стоитъ у окна; не вѣрили, что по его знаку начнутъ палить. Ловкій бѣсенокъ, Форшъ горячо заспорилъ съ нимъ, спросилъ: Какъ онъ махнетъ? — »Вотъ такъ!« вскричалъ съ досадою гофмейстеръ. Надобно же, чтобы въ это время князь ѣлъ супъ. Ты знаешь его привычку: держать тарелку въ рукахъ подлѣ самаго рта; и вдругъ — гофмейстеръ машетъ, артиллеристы почитаютъ это сигналомъ — пали! бухъ! и стѣны задрожали — тарелка выпала изъ рукъ князя отъ испуга и досады—супъ пролился на новый фракъ его — часть попала на сосѣдку — та кричитъ, вскакиваетъ; глухой каммергеръ Дурстъ сидѣлъ подлѣ нея, пилъ красное вино, со страха поперхнулся, вино

хлещетъ у него изъ рота, изъ носа, брызжетъ на другую сосѣдку — и чуть весь столъ не полетѣлъ вверхъ ногами.

— Превосходно! Что же потомъ?

»Ты глупъ!« сказалъ князь чудаку. — Онъ поклонился — »За то вѣренъ!« промолвилъ онъ. Всѣ захохотали; Форша посадили на хлѣбъ и на воду, съ подтвержденіемъ, чтобы впередъ дураковъ не трогалъ.

— Ваше 3-е явленіе III-го дѣйствія надобно передвинуть, г-нъ Рейхенбахъ — никакъ нельзя поставить декораціи лѣса послѣ 2-го явленія.

»Да, любезный поэтъ! я и забылъ сказать вамъ; подумайте объ этомъ.

— Но эффектъ слѣдующаго явленія пропадетъ.

»Что дѣлать! Мы недавно перемѣнили сцены въ Шекспировомъ *Коріоланѣ*, и поставили 2-е явленіе III-го дѣйствія послѣ 6-го во II-мъ. Кстати, къ хору Бардовъ капельмейстеръ требуетъ еще двухъ стиховъ: не выходитъ дроби для тромбона.

— Но онъ самъ вымаралъ въ началѣ два стиха?

»Да, но вы оканчиваете печально:

И, угасая за дубравой,

Напоминаетъ радость мнѣ...

»А тутъ слѣдуетъ выходъ Марабодуя, и онъ находитъ сущую невозможность тромбоны.... Переговорите съ нимъ.

Между тѣмъ на сценѣ уже началась настоящая репетиція Арминія. Вильгельмъ ушелъ туда, прислонился къ кулисѣ, смотрѣлъ, слушалъ, и думалъ, видя замаранныя, сырыя стѣны, запачканный полъ театра, смотря на Арминія въ сюртукѣ, Веледу въ шляпкѣ, на холодность, съ какою *считывались* всѣ дѣйствующія лица, невнимательность къ ролямъ, и толпу разнообразныхъ лицъ, актеровъ, актрисъ, дилеттанти, аматеровъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ на сценѣ.

Онъ думалъ: »Неуже-ли это значитъ *создавать, производить Изящное?* На чердакѣ, на лоскутьяхъ сшивались мысли мои, и сколько разъ отчаявался я выполнить идею, первоначально мелькнувшую въ головѣ моей! И теперь эта идея не похожа ли на солнце, срисованное помеломъ съ настоящаго солнца? Тотъ ли это *Арминій,* какимъ явился онъ мнѣ первоначально, въ минуту восторга, когда вдругъ выразились въ душѣ моей смѣлая завяз-

ка, дѣйствіе, развязка драмы; когда мнѣ казалось, что я вижу его живаго, ужасъ Римлянъ, грозу Германскихъ лѣсовъ; слышу вопли поражаемыхъ имъ Римскихъ легіоновъ и побѣдную пѣснь его воиновъ? Творить ли значитъ: набирать стихи, марать ихъ, выдумывать, думать о дѣйствіи на зрителей, объ условіяхъ сцены, о томъ, какъ сжать на пространствѣ 50-ти шаговъ, въ три часа времени, какъ выразить 50-ю человѣками великую драму настоящаго бытія, которая совершалась цѣлые годы, милльонами людей, раздвигалась отъ Капитоліи вѣчнаго Рима до лѣсовъ Панноніи и волнъ Батавскихъ? И этотъ декораторъ, этотъ машинистъ, этотъ плѣшивый капельмейстеръ, требующіе урѣзокъ, вырѣзокъ, перемѣнъ — и эти люди въ сюртукахъ и фракахъ, въ шинеляхъ, чепчикахъ, шляпкахъ — имъ выразить, имъ воскресить великое бытіе давно-прошедшаго? Они подымутъ изъ могилы тебя, бранноносный, дикій, неистовый Арминій, тебя, пламенная, вдохновенная Веледа!.. Бѣдно Искусство человѣка, жалко оно, каррикатура, игрушка праздности людей, минутная прихоть художника... Да! мысль его слетѣла съ неба, но люди подрались за нее и втоптали ее въ грязь земную.

Трагедія была прорепетирована дѣйствующими лицами. Положили репетировать ее въ слѣдующій разъ въ костюмахъ.

— Какъ вы находите? — спросилъ директоръ, подходя къ Вильгельму.

»Я совершенный невѣжда въ сценическомъ искусствѣ«, отвѣчалъ онъ.

— И не уже ли вы не сдѣлаете ни одного примѣчанія?

»Ничего, г-нъ директоръ.«

— Добрый, милостивый творецъ! Посмотрите-ка, когда будутъ репетировать что-нибудь Вейссево — онъ съ ума сходитъ, бѣсится, бранится, ссорится, самъ пищитъ и декламируетъ изъ всѣхъ силъ.

Голосъ Вильгельма обратилъ на него вниманіе Элеоноры. Она была постоянно горда, холодна, казалась королевою среди почтительныхъ подданныхъ, ни съ кѣмъ не говорила, садилась на стулъ, молчала, когда были не ея рѣчи; неохотно вставала, когда надобно было читать ей свою роль; она читала ее тихо, невнятно, вяло.

Быстро взглянула она на Вильгельма. »Васъ ли я вижу, г-нъ Рейхенбахъ? Мы не видались такъ давно...

Въ человѣкѣ есть какое-то предчувствіе, котораго не объяснитъ ни Медицина, ни Психологія. Что это такое? Не уже ли голосъ души?

Въ одно мгновеніе Вильгельмъ успѣлъ вспомнить, что онъ видѣлъ Элеонору только одинъ разъ, и съ тѣхъ поръ не видался съ нею; успѣлъ вспомнить первое впечатлѣніе свое, то, что сохранялось въ душѣ его послѣ сего свиданія; повѣрить чувство, испытанное имъ, когда онъ получилъ отъ нея записку. »Прочь отъ этой женщины!« говорило что-то душѣ Вильгельма.

Но Элеонора подошла къ нему, глядѣла на него задумчиво и робко, щеки ея покрылись легкою краскою.

— Я не знала, что вы здѣсь, г-нъ Рейхенбахъ. Моя роль шла бы иначе. Я попросила бы вашихъ совѣтовъ во многомъ.

»Могу-ли совѣтовать...

— Ахъ! оставьте комплименты! Я не должна существовать для васъ иначе, какъ ваше твореніе. Создайте изъ меня вашу Веледу, передайте мнѣ ея душу!

»Г-жа Элеонора....

— Оставьте г-жу Элеонору, ради Бога! Чувствую, какъ вамъ, съ вашею поэтическою,

свѣтлою душею, грустно смотрѣть на всю эту поддѣлку Искусства. Оно ничтожно, это бѣдное Искусство, но кто-же смотритъ на него? Не уже ли душа не можетъ понять того, что дѣлала другая душа, хотя бы вѣка раздѣляли ихъ? Если поэтъ въ состояніи оживить прошедшее стихами, почему не оживить его актеру своею игрою, если онъ вполнѣ пойметъ мысль поэта? Послѣ этого не надобно ни подставокъ, ни декорацій: мѣсто душѣ поэта, и кто не увлечется ея вдохновеннымъ голосомъ?

»Вы изъяснили мнѣ тайну Поэзіи и Искусства, о которой сейчасъ думалъ я.

— Г-нъ Рейхенбахъ! свободны ли вы на два часа?

»Я ничѣмъ не занятъ.

— Поѣдемъ-те со мною.

Она подала ему свою руку, и машинально повлекся за нею Вильгельмъ. Модная коляска подкатилась къ подъѣзду; черезъ нѣсколько минутъ они мчались по улицамъ. Элеонора молчала, отодвинувшись въ уголъ коляски; Вильгельмъ прижимался къ другому уголку коляски, безъ мыслей, безъ размышленій.

Онъ ничего не замѣчалъ вокругъ себя. Онъ не видѣлъ и того, что когда коляска остано-

вилась у великолѣпнаго подъѣзда жилища Элеоноры, когда онъ подалъ руку Элеонорѣ и, слегка, какъ вѣтерокъ, опираясь на его руку, сошла Элеонора, въ это самое время подходили къ нимъ двѣ пѣшеходки. Одна была старуха, въ старинномъ огромномъ чепчикѣ, шла и говорила безъ умолку; другая была молодая дѣвушка, и молча слѣдовала подлѣ старухи. Коляска помчалась прочь, и дѣвушка мимоходомъ остановилась, смотрѣла на богатую лѣстницу, по которой шелъ Вильгельмъ, и велъ Элеонору, довѣрчиво опиравшуюся на его руку. Дверь съ хрустальными стеклами растворилась передъ ними въ верху лѣстницы. Дѣвушка еще стояла и смотрѣла.

Старушка прошла уже мимо подъѣзда, оглянулась, и не видя своей сопутницы, громко кликнула ее:

»Генріэтта! что ты засмотрѣлась тамъ?

Молодая дѣвушка тяжело вздохнула и поспѣшно догнала старушку. Онѣ опять пошли рядомъ и скрылись изъ виду.

Да, это была Генріэтта съ матерью своею.

Не помню кто сказалъ, что не понимаетъ ни любви, ни кокетства съ замаранными руками и въ ситцовомъ платьѣ. Гдѣ недосугъ любить,

тамъ нѣкогда и горѣть страсти. Можно ли цѣловать руку, когда она не манитъ къ поцѣлую своею прелестью? Это неправда.

Но съ молодою прелестною женщиною промчаться въ легкомъ экипажѣ, войдти въ ея жилище, гдѣ окружатъ васъ всѣ приманки роскоши, сѣсть въ ея будуарѣ, гдѣ такъ заманчиво скрытъ дневный свѣтъ цвѣтными занавѣсками, гдѣ вы тонете въ эластическихъ подушкахъ дивановъ, гдѣ запахъ цвѣтовъ лелѣетъ ваше обоняніе, зеркала отражаютъ переливы свѣта и тѣни, гдѣ затѣйливое воображеніе истощено въ уборахъ стѣнъ, пола, потолка, гдѣ неслышно ступаете вы по Англійскимъ коврамъ, гдѣ все говоритъ воображенію вашему — и если притомъ хозяйка такъ мила, такъ мила, и небрежно сидитъ подлѣ васъ, и глаза ея нѣжно устремлены на васъ, когда легкое дезабилье высказываетъ вамъ половину тайнъ ея очаровательной красоты, и рука ея брошена небрежно на диванъ, бѣлая, пухлая, съ золотыми браслетами рука, и ножка видна вамъ на бархатной скамейкѣ.... Бѣдная голова ваша! я пожалѣю объ ней, если она закружится; пожалѣю объ васъ, если не закружится....

Зная свѣтъ только изъ романовъ, какіе ус-

пѣлъ прочитать, и составляя себѣ объ немъ какія-то свои метафизическія понятія, Вильгельмъ думалъ объ немъ, или слишкомъ хорошо, или слишкомъ худо. Онъ воображалъ себѣ людей либо ангелами, либо демонами. Онъ не зналъ ни полу-разврата, ни полу-добра; и развратъ всегда думалъ онъ встрѣтить отвратительнымъ, отталкивающимъ, добро всегда очаровательнымъ, увлекающимъ. Воображая себѣ тирановъ Исторіи, Калигулъ, Коммодовъ, Геліогабаловъ, онъ видѣлъ въ нихъ какихъ-то тигровъ въ человѣческомъ образѣ, которые самою природою, съ перваго дня рожденія, осуждены пить кровь человѣческую, терзать людей для того только, чтобы терзать ихъ. За то въ Ликургахъ, Нумахъ, Генрихахъ Четвертыхъ, онъ видѣлъ людей безъ крови и желчи, и отъ чистаго сердца вѣрилъ, что они считали каждый день пропавшимъ, когда не сдѣлали добра. Такъ вѣрилъ онъ возможности Аркадскихъ пастуховъ въ Греціи, патріотизму и геройству варваровъ древней Германіи — и Богъ знаетъ чему еще вѣрилъ Вильгельмъ. Грибоѣдовъ правъ: *тепло тому на свѣтѣ, кто всему вѣритъ.* Но жаръ лихорадки не есть еще здоровье.

Вильгельмъ не зналъ — и кто, бывши мо-

лодъ и поэтъ, знаетъ это — не зналъ, что земля только въ воображеніи поэтовъ бывала Аркадіею, а Неронъ только по мнѣнію историковъ зажигалъ Римъ для препровожденія времени, отъ нѣчего дѣлать; не зналъ, что міръ похожъ на свѣтлую лазурь, безпрестанно покрываемую облаками и тучами, и эти тучи такъ же необходимы, какъ и чистая, свѣтлая лазурь небесъ. Онъ не зналъ, что только смѣсь этой лазури съ тучами есть истинная жизнь и поэзія земной поверхности, какъ величайшая поэзія невидимой нами внутренности земли есть огнедышущая гора, гдѣ борятся огонь и вода, два величайшіе поэта земли нашей.

Онъ не зналъ, что змѣй-искуситель являлся нашей праматери въ видѣ прелестной мудрой змѣи, въ очаровательномъ саду; не зналъ, что порокъ и донынѣ облекается въ чешую змія; что самое зеркало Истины со всѣхъ сторонъ обвиваетъ змѣя, закусившая хвостъ свой, и что эта змѣя разовьется только при кончинѣ міра, какъ вѣрили Скандинавы; что падшій духъ можетъ быть такъ же обольстителенъ своею поэзіею, сколько ужасенъ погибелью.

Онъ воображалъ себѣ Элеонору какою-то Фриною древнихъ Грековъ, Нинонoю Ланкло,

безстыдною, наглою красавицею; воображалъ ея жилище какимъ-то будуаромъ Восточныхъ гаремовъ, гдѣ грубое сладострастіе гордится своимъ безстыдствомъ. Одалиска стараго вельможи, баядерка дряхлаго богача!» вертѣлось въ головѣ Вильгельма. »Что мнѣ до того, если ты не продаешь красоты своей первому прохожему за насущный хлѣбъ — ты развратная женщина, и святое чувство добра и поэзіи недоступно тебѣ!»

Когда въ первый разъ онъ увидѣлъ Элеонору, только изумился онъ, что видъ ея былъ увлекательно-очарователенъ, что въ глазахъ ея видна была тихая, кроткая задумчивость, что голосъ ея невольно падалъ въ сердце..

Онъ узналъ послѣ того всю прозу любви своей къ Генріэттѣ, и теперь увидѣлъ снова Элеонору, опять тихую, задумчивую, какъ мечту поэзіи.

Ничто не напоминало въ ней одалиски и баядерки. Тишина жилища, уединеніе, всюду слѣды высокаго образованія, пламенной любви къ искусству — фортепіано и арфа съ твореніями Моцарта и Бетховена; бюстъ Шиллера, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и незабудокъ; Эгмонтъ Гётевъ, брошенный на столикѣ подлѣ дивана;

недоконченный рисунокъ съ эстампа Магдалины Корреджіевой, и среди всего этого, сама Элеонора въ простомъ, щеголеватомъ, но скромномъ дезабилье своемъ. И все это, когда въ то же время все окружающее Элеонору вдыхаетъ упоительную нѣгу чувствъ...

Но опасность Вильгельма только начиналась. Когда Элеонора провела его въ будуаръ свой, который называла своею рабочею комнатою, вбѣжала—Лалага, живое изображеніе Африки.

Прелестное, странное дитя это бросилось на колѣни подлѣ Элеоноры, положило кудрявую свою голову на ея колѣни, и съ горестію сказало: «Я едва дождалась тебя, Ленора! Ты забыла свою Лалагу!«

— Нѣтъ, милый другъ! — Элеонора играла золотымъ ожерельемъ Негритянки, и съ усмѣшкой оборотилась къ Вильгельму.

»Не повѣрите, какъ любитъ меня это своенравное, прихотливое твореніе. Я сама не могу жить безъ нея — меня столь немногіе любятъ...

— Тебя люблю я, любитъ еще Коко — вскричала Лалага.

»Это мой попугай! »сказала улыбаясь Элеонора, какъ будто не смѣла скрывать отъ Вильгельма того, кто любитъ ее.

Тогда начался разговоръ, тихій, мечтательный, въ которомъ свѣтская ловкость, знаніе людей, образованность Элеоноры увлекли Вильгельма; его увлекло и это нѣжное чувство поэзіи приличій, которое доступно только женщинамъ; грубый голосъ мужчины никогда не выразитъ самыхъ бездѣлокъ такъ мило и увлекательно, какъ выражаетъ ихъ женщина своимъ голосомъ.

Сколь многое, о чемъ только догадывался Вильгельмъ, сказывала ему Элеонора, такъ просто, безъ всякихъ требованій! Какъ понимала она жизнь сердца — какъ мило осуждала она въ стихахъ Гёте злую насмѣшку, проглядывавшую сквозь восторгъ и добродушіе поэта, какъ досказывала она къ стихамъ Шиллера, чего не умѣлъ сказать себѣ самъ этотъ поэтъ, скорбный житель неба, упадшій на землю, отраствившій здѣсь крылья свои, и опять улетѣвшій на небо, едва только могъ онъ подняться на своихъ крыльяхъ. Дикія созданія Жанъ-Поля гармонировались отъ взгляда Элеоноры, и вопль горести Байроновой она преображала въ тихій ропотъ Пери, окованной злыми Дивами.

И когда Вильгельмъ видѣлъ, какъ ничтоженъ еще его неопытный, юный геній передъ

этою женщиною, когда онъ начиналъ стыдиться, что прежде не понималъ ее, когда онъ робѣлъ, думая, что ея суду подвергается теперь нестройный, неловкій его Арминій — гордость его искала еще себѣ отговорокъ, и находила ихъ: »Это понимаетъ она наслышкою, умомъ! »Наслышкою! но отъ кого? Умомъ! но развѣ умъ пойметъ поэта?

Элеонора, какъ будто угадала мысль Вильгельма. Она замолчала, отодвинула отъ себя Лалагу, задумалась.

— Мы и забыли о ролѣ Веледы? — сказала она.

Лицо Вильгельма помрачилось. — »Ахъ! она исчезнетъ теперь, эта женщина, которая увлекла было меня въ страну какого-то бытія!« думалъ онъ. »Опять увижу я *актрису* — опять возродитъ въ душѣ моей скорбь мое неоконченное твореніе, и то, какъ эта актриса читаетъ его холодно, грубо, не понимая... Здѣсь выученное не пособитъ ей.

— Вы будете читать роль Арминія.

Вильгельмъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Начните съ того монолога, послѣ котораго является Веледа.

Вильгельмъ улыбнулся. »Я, право, не помню стиховъ.«

— Не помните? — Какъ жаль! У меня нѣтъ теперь списка вашей трагедіи. Впрочемъ... — Она потупила глаза — я помню наизусть обѣ роли.

»Можно ли! Какая счастливая память!..

— Не знаю, память ли ... Меня особенно плѣняетъ вашъ Арминій ...

»Первый монологъ я помню.

— Читайте его.

Вильгельмъ началъ читать съ замѣшательствомъ. Выходъ Веледы — тихо начала читать Элеонора — но, нѣтъ! она *не читала.*

Какой поэтъ не мечталъ о томъ, что его созданіе, его стихи будетъ читать *ангелъ-дѣва красоты,* повѣрять ихъ своею душею, доказывать, чего не сказалъ самъ поэтъ, угадывать, что выразилъ онъ непонятно; кто не мечталъ о томъ, какъ она оставитъ поэму его, склонится на свою руку, закроетъ глаза, и въ мечтѣ неясной будетъ видѣть самого поэта, страдать, плакать, радоваться съ нимъ, говорить съ нимъ о тайнахъ своего бытія, о мечтахъ своего воображенія! И послѣ долгой задумчивости, медленно вздохнетъ она, взглянетъ на его поэму,

какъ на милую подругу свою, и спрячетъ отъ завистливыхъ глазъ любопытства это твореніе, гдѣ на страницахъ видны капли слезъ, гдѣ сухія вѣточки, какой нибудь листочекъ, какая нибудь ленточка, какая нибудь незамѣтная другому отмѣтка, всегда будутъ напоминать ей минуты бытія, проведенныя съ обольстителемъ-поэтомъ. . . .

Кто иногда не говорилъ самому себѣ, въ гордомъ самоувѣреніи, смотря на свое созданіе:

Глаза прелестные читали
[illegible] любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои?

Но не многіе испытали наслажденіе: слышать, какъ передъ самимъ поэтомъ, ему самому читаютъ *волшебныя уста* его творені[illegible] *лестные глаза* устремляются на его созданіе!

Бѣдный поэтъ! если тебѣ придется передъ людьми читать свою поэму — читай ее лучше самъ, заикайся, краснѣй, перевирай слова, но — читай самъ, а не давай другому — не давай мужчинѣ, ради Бога: тебѣ покажется тогда, что злой духъ держитъ въ когтяхъ твое твореніе; что онъ насмѣшливо пытаетъ его, при-

даетъ голосомъ своимъ уродливое выраженіе твоимъ идеямъ, твоимъ стихамъ, нарочно хочетъ смѣшить тобою... Тебѣ покажется тогда самому смѣшно, что ты, когда послѣ сытнаго обѣда, или въ скукѣ вечера, или для развлеченія среди мелкихъ заботъ жизни, принялись за тебя отъ нѣчего дѣлать, между картами и зѣвотою, ты хочешь, чтобы тебя поняли, чтобы люди позволили раздольно явиться передъ ними всѣмъ мечтамъ твоимъ, вслушивались въ жизнь, дыханіе, трепетъ каждаго твоего стиха: ты глупъ, или тщеславенъ до глупости... Дозволь читать стихи твои перед[illegible] неопытному, пламенному, который можетъ еще забыть самого себя передъ людьми; дозволь читать тебя передъ другими еще тому, кто любитъ: онъ станетъ выражать тобою себя самого: но что за дѣло? Онъ и тебя выразитъ прекрасно.

Но, женщинѣ, но дѣвушкѣ!.. Ахъ! отними у нихъ свою поэму: передъ другими онѣ не умѣютъ ни понимать, ни читать! Онѣ читаютъ такъ, какъ съ метрономомъ разыгрываютъ твореніе Моцарта, или какъ вышиваютъ прелестный рисунокъ въ тамбуръ...

Если же найдется изъ нихъ не спрашивай о причинѣ — найдется такая, одна, которая звуками голоса оживитъ твои слова, освѣтитъ ихъ огнемъ своего взора и передастъ имъ свое дыханіе, тогда — о, мой поэтъ! — тогда на колѣни передъ нею: ты счастливецъ, ты создатель и поэмы и души дѣвической!

Говорятъ, что графиня Джіоли, не зная по-Англійски, понимала все, что читалъ передъ нею Байронъ. »Ты высказываешь грусть разлуки, ты описываешь радость свиданія, ты изображаешь видъ безконечнаго моря!« говорила она, не понимая словъ, и всегда угадывала вѣрно; и Байронъ преклонялъ предъ ней колѣна, которыхъ не преклонялъ ни предъ кѣмъ въ мірѣ, и говорилъ ей:

.... change »my life!« into »my soul!«
Which, like my love, exists for ever...*

Но, и здѣсь разочарованіе: какъ отчуждаетъ поэта, какъ отталкиваетъ его душу эта книга, эти листочки, испещренные масломъ съ сажею, которые необходимы для того, чтобы поэти-

* Не говори мнѣ: »*жизнь* моя!« Говори: »моя *душа!*« Душа безсмертна, какъ моя любовь.

ческія думы его переходили въ очаровательные звуки! Тебя не помнятъ, бѣдный поэтъ! Не на сердцѣ, не на скрижаляхъ памяти людей хранится твое вдохновеніе: оно написано, напечатано на листочкахъ, какъ рецептъ лекаря, какъ записка домашняго расхода — не безсмертно оно вмѣстѣ съ душею человѣка: умчись вѣтромъ, пропади листокъ, и — твое вдохновенное созданіе погибло...

Кто не сжегъ бы своей поэмы, еслибы его твореніе было живо въ памяти людей, какъ народная пѣсня, переходило черезъ вѣка изъ устъ въ уста, какъ переходили рапсодіи Омира, пока человѣкъ весь жилъ поэзіею, а не записывалъ ее, и не боялся затерять между ветошью жизни?

Но счастливъ и тотъ, кто слышитъ свое созданіе, врѣзанное въ память хоть немногихъ; кто слышитъ его повторяемое хоть мелькомъ милою дѣвою, пламеннымъ юношею, въ минуты восторга, въ часы грусти. Не оскорбляйте поэта, передавая стихи его безсмысленной толпѣ въ видѣ поговорки и пословицы; но сохраните его стихи для немногихъ, для тѣхъ мгновеній жизни, когда недостаетъ у васъ собствен-

ныхъ словъ, когда вы получаете слово въ памяти вашего сердца!

Двойная радость поэту, двойная жизнь его созданію, если безъ листочковъ, безъ книгъ, переданное вѣрной, согрѣтой сердцемъ памяти, льется его гармоническое твореніе, какъ будто возсоздаваясь мгновенно въ сердцѣ другаго, и если видитъ, слышитъ поэтъ, какъ совершенно это возсозданіе, какъ глубоко врѣзано каждое его слово въ чужую душу, какъ понятна каждая искра его мысли, часто безотчетная и темная для него самого, безотчетно постигнутая другимъ, постигнутая, можетъ быть, мгновенно, на минуту . . . Тѣмъ дороже, тѣмъ выше награда: съ ней сливается мысль скорой разлуки.

О Шекспиръ, Шекспиръ! не ты ли сказалъ, постигая прелесть мимолетнаго наслажденія, отѣняемаго мыслью о разлукѣ близкой и неизбѣжной:

»Ты видишь во мнѣ то время года, когда пожелтѣлый листокъ дрожитъ отъ холоднаго дыханія зимы, сиротѣя на деревѣ, нѣкогда богатомъ зеленѣющими листьями, оживленномъ пѣснію птичекъ. Ты видишь во мнѣ вечернюю зарю дня, съ солнцемъ исчезающаго на западѣ передъ мрачною ночью, символомъ смерти,

налагающимъ на землю печать молчанія. Ты видишь во мнѣ послѣднія искры огня, которыя перебѣгаютъ по холодѣющему пеплу, какъ по ложу смерти, и гибнутъ отъ того, что нѣкогда составляло ихъ жизнь. Вотъ что видишь ты во мнѣ, и тѣмъ болѣе любишь меня, зная, что вскорѣ потеряешь меня навсегда и безъ возврата!« —

Вильгельмъ услышалъ не актрису, выучившую наизусть свою ролю; Элеонора не читала стиховъ его — нѣтъ! въ ней ожила, въ ней заговорила Веледа, та Веледа, о которой мечталъ Вильгельмъ, которая, неуловима его стихами, воздушнымъ призракомъ носилась передъ взоромъ поэта въ его уединеніи. Каждое слово отыскало свои звуки, каждый переливъ страсти, волновавшей душу Веледы, звучалъ гармоніею поэтическою. Фантастическая жрица Германскихъ лѣсовъ, вдохновенная провѣщательница, такова была она, говоря желѣзными словами Тацита: mariti magis quam parentis animo, neque victa in lacrymas, neque voce supplex, compressis intra sinum manibus, gravidum uterum intuens*, когда измѣна отцовская передавала ее въ руки

* Оживленная болѣе духомъ мужественнаго супруга,

Римлянъ; такова была она, когда подъ священнымъ дубомъ Туискона скрывала на груди Арминія скорбь свою, когда потомъ призывала воиновъ къ побѣдѣ; когда потомъ безмолвно смотрѣла на холодный трупъ Арминія, павшаго побѣдителемъ въ битвѣ, и подымая хоругвь его, звала къ мщенію за Арминія, при унылой пѣсни бардовъ, и — безумная, мечтала потомъ о дняхъ пролетѣвшаго счастія, о невозвратномъ времени любви. . .

Вильгельмъ не видалъ Элеоноры: это была мечта его, оживленная въ образѣ очаровательной дѣвы, забывавшей передъ нимъ все. Трогательная, бѣшеная, задумчивая, радостная, то увлеченная любовью, то восторженная побѣдою, Элеонора не существовала для окружающаго ея. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ надобно было пѣть хору бардовъ, во время торжественнаго моленія Германцевъ, Элеонора придвинула къ себѣ свою арфу, пальцы ея пробѣжали по струнамъ, и какіе звуки непостижимые слились съ ея голосомъ — звуки, какъ свистъ вихрей

нежели слабаго отца своего, не унижаемая ни слезами, ни моленіемъ, сложивъ руки надъ сердцемъ, подъ которымъ хранила залогъ любви Арминія..

въ лѣсахъ, какъ вопль отчаянія, какъ кличъ побѣды — они были пронзительны, ядовиты, и Вильгельмъ закрылъ глаза свои, едва удерживалъ свои слезы....

Онъ читалъ сначала самъ роль Арминія, но вскорѣ смѣшался, сбился; Элеонора начала читать обѣ роли. И сложивъ руки на груди, устремивъ глаза на Элеонору, онъ оставался неподвиженъ, онъ слушалъ еще, когда погребальнымъ гимномъ окончила Элеонора чтеніе трагедіи, и утомленная облокотилась на диванъ, наклонила голову, закрыла платкомъ пылающее лицо свое. Въ жару чтенія развились ея локоны и падали на бѣлое дезабилье; грудь ея подымалась, будто волны утихающаго моря. Лалага приклонила свою черную, какъ смоль, курчавую голову къ колѣнамъ Элеоноры.

Молчаніе продолжалось минуту. — Элеонора, Веледа! — вскричалъ Вильгельмъ, вскакивая съ дивана, и останавливаясь въ изумленіи передъ Элеонорою — прости меня! Могъ ли я знать прежде Элеонору?

»Я ваше твореніе!« отвѣчала Элеонора слабымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Оно ничтожно — Нѣтъ!

оно прекрасно, прекрасно, — я чувствовалъ, какъ я былъ выше другихъ въ эти минуты!

Скорыми шагами ходилъ онъ по комнатѣ.

— И вы передадите свое вдохновенiе этой изумленной толпѣ — она услышитъ васъ, она пойметъ васъ — да, она должна понять! Но не мою трагедiю передадите вы ей — не я создалъ ее — вы создаете самого меня, Элеонора! Великiй Боже — сколько мыслей, сколько идей кипитъ теперь въ бѣдной головѣ моей! Какая душа, Элеонора! Въ первый разъ я постигаю назначенiе поэта въ мiрѣ... Элеонора! что въ будущемъ покажу я людямъ!

»Если только будущее существуетъ для меня,« печально отвѣчала Элеонора.

Вильгельмъ внимательно взглянулъ на нее, и изумился, какъ очаровательна была она въ это мгновенiе, сидя на своемъ диванѣ, утомленная, тихая. Слезы видны были на ея глазахъ.

Онъ почувствовалъ, что дыханiе его стѣсняется; вся комната показалась ему въ огнѣ, который свѣтлыми кругами катился и исчезалъ вокругъ него.

— А эти хоры, Элеонора? Не уже ли ихъ

создалъ вашъ капельмейстеръ? Или я слышалъ не то, тамъ, въ этомъ темномъ театрѣ?

»Думаю, что не то. Хоры, которые слышали вы здѣсь, была моя ничтожная импровизація.

— Какъ, Элеонора?

»Да, часы досуга, часы сердечной грусти я посвящаю музыкѣ, и мнѣ казалось, что мое чтеніе будетъ выразительнѣе, если присовокупить къ нимъ нѣсколько аккордовъ арфы.

— Напишите эти хоры, ради Бога, напишите!

»Развѣ это возможно? Я ихъ не помню; они раждались подъ моею рукою и исчезли, не спрашиваясь меня.

— И никто не услышитъ, не узнаетъ ихъ!

»Вы ихъ слышали.

— Да, слышалъ, и если-бы могъ, заплатилъ бы годами жизни, чтобы еще разъ услышать, передать ихъ другимъ.

»Зачѣмъ, г-нъ Рейхенбахъ? Зачѣмъ дѣлиться съ другими прекрасными дарами неба, когда мы платимъ за нихъ всею своею жизнью, а люди такъ холодно смотрятъ на нихъ, какъ на игрушки! Игрушекъ дайте имъ, этимъ дѣтямъ-умникамъ, за то, что они удостоиваютъ помѣщать и поэзію въ число забавъ сво-

ихъ. Будь только одно сердце, которое слышало бы насъ — О! за одно такое сердце можно заплатить не годами, но вѣчностью!

— Элеонора! вы непостижимы. — Вильгельмъ остановился передъ нею. — Еще нѣсколько словъ...

Она печально улыбнулась. Словъ, и вѣчно словъ! Ни высокое молчаніе, ни языкъ взора, ни выраженіе вздоха — ничто это непонятно людямъ...

Молча ходилъ Вильгельмъ; молчала Элеонора. Онъ вдругъ подошелъ къ столику, на который облокотилась Элеонора, небрежно очеркивая что-то карандашемъ на бумажкѣ. Вильгельмъ увидѣлъ легкій очеркъ своего лица, обведенный нѣсколькими чертами... Элеонора смѣшалась, покраснѣла, отодвинулась отъ столика.

— Извините меня, г-нъ Рейхенбахъ — сказала она — выраженіе вашего лица было такъ замѣчательно въ эту минуту....

Вильгельмъ вдругъ измѣнился, поблѣднѣлъ. Проклятая мысль сверкнула въ головѣ его, когда онъ увидѣлъ замѣшательство Элеоноры, и это замѣшательство такъ было естественно, что она казалась дѣвочкою 16-ти лѣтъ, кото-

рую застала мать за портретомъ ея любовника.

— Актриса, кокетка, одалиска! — Мгновенно исчезло очарованіе! взоръ Вильгельма погасъ.

Вдругъ Лалага вскочила съ своей скамеечки, хлопнула руками, оборотилась къ Вильгельму и спросила его: Не тебя ли зовутъ: *поэтъ?*

Вильгельмъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на это полудикое изображеніе Африки — кипящее жизнью, не смотря на юность, прелестное, не смотря на черный цвѣтъ лица; глаза Лалаги были огненные; зубы казались рядами жемчужинъ; ея цвѣтное платье, ея золотое ожерелье на шеѣ умножали очарованіе.

— Не тебя ли зовутъ: поэтъ? — повторила Лалага, схвативъ Вильгельма за руку.

Въ замѣшательствѣ отдернула къ себѣ Элеонора Лалагу. »Полно, Лалага, полно!« говорила она.

— Нѣтъ! я хочу слышать: не онъ ли тотъ, котораго ты называла поэтъ!

»Онъ, онъ! Поди отсюда.

Лалага отскочила, и глаза ея, устремленныя на Вильгельма, засверкали.

— Онъ! Такъ это онъ сумасшедшій, какъ наши феллиты? Зачѣмъ же пришелъ онъ сю-

да съ своими пѣснями? — Ахъ! Ленора! убѣжимъ, убѣжимъ отъ него! Я боюсь его — ты сама будешь безумная, какъ онъ — убѣжимъ!

»Лалага!

— А! я догадываюсь, когда ты говорила такъ хорошо, вотъ теперь говорила, какъ никогда еще не говаривала! Бѣдная Ленора! Знаешь ли, что съ тѣхъ поръ, какъ ты узнала его, ты сама почти поэтъ! И сколько разъ каждый день плачешь ты и смѣешься, сколько разъ твердишь ты во снѣ: »Поэтъ, поэтъ!« Убѣжимъ, прогони его! Посмотри, какъ онъ хорошъ, какъ хорошо онъ смотритъ — онъ сведетъ тебя съ ума, ты безумно полюбишь его, Ленора, ты любишь уже его, какъ никого еще не любила. . .

Элеонора не могла остановить Лалаги. Щеки ея вспыхнули, какъ огонь, вся она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Въ забвеніи самого себя, Вильгельмъ взялъ ея руку, прелестную, бѣлую руку, и крѣпко прижалъ ее къ губамъ своимъ.

— Элеонора! — прошепталъ онъ.

Взоръ любви устремился на него, взоръ не тихой, кроткой любви, но страсти, дотолѣ таимой, сумасшедшей, бѣшеной.

»Рейхенбахъ!«

Онъ цѣловалъ ея руку, склонивъ свою голову къ этой рукѣ.

»Рейхенбахъ! А твоя вдохновительная дѣва, Генріэтта!«

Генріетта! — съ ужасомъ повторилъ Вильгельмъ, и блѣдный отшатнулся онъ. Рука Элеоноры упала изъ рукъ его на ея колѣни. Какъ будто пораженный внезапнымъ свѣтомъ, захватилъ онъ глаза рукою, и ему представился мимолетный, укоряющій его образъ Генріэтты, во всей прелести, какою юность, невинность, любовь облекаютъ дѣвушку...

— Ахъ! Элеонора! — сказалъ онъ уныло. Совѣсть страшно терзала его душу. Онъ схватилъ свою шляпу, и, прежде нежели опомнилась Элеонора, его уже не было въ комнатѣ.

Но, только вечеромъ пришелъ Вильгельмъ въ свое жилище. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окошки его. Вильгельмъ ходилъ по комнатѣ, одинъ, безмолвный, то тихо, то скоро. Тѣнь его рисовалась на стѣнѣ, и нѣсколько разъ останавливался онъ, и вглядывался въ тѣнь свою, какъ будто страшась: не привидѣніе ли это, наблюдающее за каждымъ его шагомъ? Налег-

ла темная ночь. Вильгельмъ еще не спалъ, сидя подлѣ своего окошка, и уже востокъ румянился зарею, когда утомленная голова его склонилась на руку, и безпокойный сонъ овладѣлъ имъ.

Нескладныя сновидѣнія мучили Вильгельма. То мелькала передъ нимъ Генріэтта, какъ неземное что-то, и длинная полоса свѣта лежала по тому направленію, въ которомъ она пролетала. То Элеонора являлась изъ какой-то бездны огня, простирала къ нему руки, умоляла спасти ее. Вильгельмъ спѣшилъ къ ней; но вмѣсто рукъ Элеоноры обвивали его два крыла дракона, ядовитаго, крылатаго, отвратительнаго; рожа барона Калькопфа прыгала вокругъ, кривлялась, надувалась, дразнила его языкомъ; и въ то же время со всѣхъ сторонъ придвигались къ нему театральныя кулисы, шевелилась холстина вмѣсто воды, и накрывала, душила его, пока безобразное смѣшеніе шума репетиціи, оркестра, болтовни актеровъ и актрисъ слышались отвсюду, и маленькіе бѣсенки плясали и кувыркались съ сальными огарками. Все исчезало — разстилался знакомый лугъ на его родимой сторонѣ, и — Генріэтта была въ его объятіяхъ, не разсѣянная,

не невнимательная, не холодная, но со всѣмъ очарованіемъ Элеоноры, со всею прелестью Генріэтты.

»Это былъ сонъ!« говорилъ самъ себѣ Вильгельмъ, когда первые лучи солнца разбудили его. Онъ вспоминалъ все, что было съ нимъ вчера, вспоминалъ репетицію въ театрѣ, чтеніе у Элеоноры, очарованіе, какимъ увлекся онъ, хаосъ мыслей, въ какомъ тонулъ онъ, бѣгая послѣ того по окрестностямъ города, до самаго вечера. »Кокетство, поддѣлка чувствъ, какихъ не могъ я воображать«, говорилъ Вильгельмъ. »И я забылъ Генріэтту съ этою женщиною, забылъ, что вижу передъ собою актрису, любимицу барона Калькопфа! Теперь понимаю обольщеніе демона; но, нѣтъ, Генріэтта, я измѣнялъ не тебѣ, не любви твоей: я видѣлъ передъ собою все, что только высокое Искусство человѣческое произвести способно, и преклонился передъ силою Искусства человѣческаго. — Но можетъ ли до такой степени очаровать насъ Искусство, если источникъ его не будетъ таиться во глубинѣ души? Какова же душа этой женщины? Не достойна ли она поклоненія, не достойна ли того, чтобы передъ нею все забыть? Даже и Генріэтту, тихую,

кроткую — Генріэтту, тебя, у которой жизнь-любовь и любовь-жизнь... Вильгельмъ! можешь ли ты говорить это, послѣ всего, что видѣлъ отъ Генріэтты! Она любитъ? У нея любовь-жизнь?«

»Но она ангелъ, ангелъ, и — я не пойду болѣе къ Элеонорѣ, не пойду въ это проклятое жилище, гдѣ стѣны самыя дышутъ нѣгой и упоеніемъ чувствъ. Элеонора — да, она очаровательна, она прелестна... Если бы Генріэтта — но тогда будетъ ли она Генріеттою?

ГЛАВА IV.

Уже давно на длинныхъ аффишкахъ прибито было безсмертіе поэта и выставлено по всѣмъ перекресткамъ и рынкамъ. Каждая торговка пирожками и селедками могла прочитать и знать, что »такого-то года, мѣсяца и дня, представлена будетъ новая оригинальная трагедія, *Арминій*, въ 5 ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ прологомъ, соч. Вильгельма Рейхенбаха. Новые костюмы г-на N. N.; новыя декораціи: храмъ Туискона, лѣсъ при лунномъ сіяніи, Римскій лагерь, пещера, г-на Б. Б. — Хоры Бардовъ, и Римскихъ и Германскихъ воиновъ, музыка г-на Г. Г. — Роль Веледы занимаетъ г-жа Элеонора.«

Безсмертіе и аффиша, поэтическое созданіе

и новые костюмы, приглашеніе насладиться Изящнымъ и цѣна за входъ. Что за смѣсь!

»Ну, вѣрные товарищи! вы нерѣдко помогали мнѣ въ затрудненіяхъ; скажите мнѣ, пожалуйте, что говорятъ въ городѣ о нашемъ предпріятіи? Мнѣ хотѣлось бы понравиться толпѣ: она кормитъ насъ. Машины поставлены, театръ готовъ, публика извѣщена; зрители занимаютъ мѣста, и готовы предаться обольщенію, за которое напередъ заплатили. Знаю, какъ надобно овладѣвать умомъ публики, но никогда не былъ я въ подобномъ затрудненіи: весь этотъ народъ, не то, чтобы привыкъ къ великому, но читалъ бездну. Гдѣ найдти новаго, свѣжаго, чѣмъ можно-бъ было занять его? Говорю одно: мнѣ надобна толпа. Хочу, чтобы она вливалась нестройными волнами въ мой театръ; чтобы за свѣтло еще она осаждала всѣ двери, тѣснилась, ломала себѣ ребра, дралась за билеты, какъ у дверей булочника тѣснится и дерется она за хлѣбъ, въ дорогое, голодное время. Поэтъ можетъ сдѣлать все это. Постарайся, милый другъ!

— Не говори мнѣ о толпѣ. При взглядѣ на нее, съ ужасомъ бѣжитъ мой испуганный геній! Удали отъ меня эти бурныя волны, да

не увлекутъ онѣ и меня въ своемъ дикомъ стремленіи! Уведи меня лучше въ тихое уединеніе: тамъ чистыя наслажденія поэта, тамъ любовь и дружба — даръ боговъ. Ахъ! здѣсь, когда хочу я высказать глубокія волненія души моей, дрожащія губы мои не находятъ словъ, и если мимолетное вдохновеніе мелькаетъ для меня — оно гибнетъ въ смятеніи толпы, незамѣченное современниками! Только испытанное ржавчиною многихъ годовъ, твореніе Генія сіяетъ полнымъ блескомъ своимъ. Что въ современномъ! И шумиха блеститъ; но одно чистое золото переходитъ въ потомство.

...Охъ! оставь въ покоѣ наше потомство! Если мы станемъ думать объ немъ, кому-же заняться современниками? Они требуютъ своего участка, и — справедливо. Умѣй развеселить ихъ веселымъ лицомъ; толпа не боится того, кто самъ ее не пугаетъ, и чѣмъ она многочисленнѣе, тѣмъ легче расшевелить ее. Ну! полно робѣть; выходи безъ хлопотъ — пусти впередъ воображеніе; умъ, чувства и страсти поплетутся за нимъ — да не забудь и дурачества.

»Движенія, движенія всего болѣе. Ко мнѣ идутъ смотрѣть, надобно, чтобъ было на что

посмотрѣть. Если глаза зрителей останутся довольны, если зрители успѣютъ досыта наглядѣться на пестрое и на чудное — плыви къ славѣ на полныхъ парусахъ; каждый, выходя изъ театра, объявитъ себя твоимъ защитникомъ. — Вы, г-да поэты, можете понравиться публикѣ только количествомъ. Всякій думаетъ о себѣ. Разложивъ на прилавкѣ своемъ много товаровъ, ты угодишь на вкусъ каждаго, и твои покупатели пойдутъ отъ тебя довольные. Вотъ еще забота: составлять во едино то, что надобно продавать по кускамъ! Работа, о которой говорю вамъ я, гораздо легче; для идеи, для исполненія надобна минута; публика изорветъ же въ клочки вашу работу; не лучше ли и представить ее изорванную, въ клочкахъ?

— Какъ? За такое презрительное ремесло ты заставляешь приняться меня? Художникъ въ глазахъ твоихъ является ремесленникомъ? Уничтожать законы вкуса и генія для прихотей толпы!

...За что сердиться? Умный работникъ умѣетъ выбирать орудіе, смотря потому, изъ чего что дѣлаетъ. Тебѣ приходится работать изъ мягкаго дерева. Посмотри, что за народъ твои слушатели! Одинъ приходитъ отъ скуки; дру-

той является послѣ сытнаго обѣда; этотъ — еще хуже — притащился начитавшись журналовъ; всякій изъ нихъ разсѣянъ, какъ въ маскерадѣ; только любопытство не уснуло еще при ихъ совершенномъ безчувствіи. Дамы являются тутъ на показъ съ своею красотою, съ своимъ нарядомъ — онѣ сами на сценѣ и для самихъ себя. Что же всему этому народу дѣлать съ твоими высокими мечтаніями? Не уже ли думаешь, что они рады будутъ слышать ихъ отъ добраго сердца? Разгляди этихъ любителей Поэзіи: они холодны и недоброжелательны; они нетерпѣливо ждутъ конца: одному пора за карточный столъ; другому время пуститься въ разгульную бесѣду. И ты призовешь чистыхъ Музъ разглагольствовать съ этими людьми? Какъ глупы всѣ вы, поэты! Не трудитесь по пустому; творите, мѣшайте кое-какъ, и не бойтесь ошибиться. Удовольствовать народъ нелегко. Старайтесь только расшевелить его, и — что вамъ за дѣло какъ, печалью ли, радостью ли!

— Прочь отъ меня, ищи себѣ другихъ товарищей! Поэтъ не обезславитъ себя въ угоду тебѣ; онъ не посрамитъ благороднѣйшаго изъ даровъ, какіе получилъ отъ природы! Чѣмъ управитъ онъ души? Какъ покоритъ стихіи? Не

гармоніею ли?—Гармонія! Она наполняетъ его сердце; ее черпаетъ онъ въ чудесахъ созданій. Невнимательныя Парки безъ разбора вертятъ нити на свое веретено; различныя событія, разнообразныя бытія свиваются, сталкиваются, сшибаются на ихъ моткѣ. Кому разобрать это смѣшеніе, одушевить мертвый безпорядокъ, покорить его закону поэтическаго стиха? Кто будетъ умѣть, по условному порядку, расположить части для дѣйствія цѣлаго, извлечь звучные переходы изъ рѣзкихъ воплей, бѣшеныхъ страстей міра? Кто возвратитъ солнцу его тихое вечернее сіяніе, веснѣ цвѣты, щедро разсыпаемые ею любящему сердцу, и кто совьетъ вѣнокъ изъ зеленыхъ листовъ, воспламеняя героевъ къ сей высокой наградѣ? Кто создалъ Олимпъ и соединилъ на немъ міръ боговъ? Геній Поэта — онъ, открывающій намъ могущество человѣческаго генія.

»Пусть такъ, пусть работаетъ твой геній, но создавай однакожь свои творенія, какъ создается любовь въ наше время. Случайно встрѣчаются; сердце пошевелилось; останавливаются; занимаются другъ другомъ; является наслажденіе; за нимъ маленькія ссоры, а за тѣмъ счастье и бѣдствіе, и часто мы находимся при раз-

вязкѣ романа, сами этого не замѣчая. Черпай какъ угодно изъ океана жизни, но дѣйствуй для насъ по нашему. Всѣ живутъ, но всѣ ли замѣчаютъ, что они живутъ? Нѣтъ! и какъ же обрадуются эти люди, если ты растолкуешь имъ, что такое жизнь. Больше свѣта на пестрыя картины, много вздору, немного истины, и изъ всего этого составь питье, которое бы понравилось всякому. Къ тебѣ прибѣжитъ цвѣтущая юность: любопытная и внимательная, она ищетъ сло́ва загадкѣ жизни. Душамъ чувствительнымъ хорошій стихъ пища въ ихъ задумчивости. Всякій находи у тебя то, что принесъ въ своемъ сердцѣ, хочетъ ли онъ плакать, хочетъ ли смѣяться. Они порадуются твоимъ картинамъ, удивятся твоей глубокой мысли. Говори съ юностью: только надежда благодарна; съ тѣми людьми нѣчего дѣлать у кого нѣтъ ее.

— Отдайте же мнѣ то время, когда я самъ надѣялся! Тогда неистощимыя пѣсни раждались на лирѣ подъ моею рукою. Облако застилало міръ, и каждая почка обѣщала мнѣ цвѣтокъ очаровательный; поля усѣвались этими цвѣтами, и всѣ ихъ хотѣлъ я сорвать. Ничего не было у меня, а я былъ богатъ. Потребность истины, прелесть лжи попеременно волновали

мою душу. Отдай мнѣ наслажденія, полныя страданій, и мощь ненависти, и всемогущество любви. Ахъ! отдай, отдай мнѣ мою юность!

...Твою юность? Она была бы тебѣ необходима, еслибы сильный непріятель сражался съ тобою, или любовница обвивала тебя нѣжными ручками и крѣпко прижимала къ своему сердцу; была бы тебѣ необходима юность твоя, еслибъ ты хотѣлъ вѣнка, высоко повѣшеннаго на аренѣ и обѣщаннаго самому ловкому изъ состязателей; была бы необходима, если бы ты хотѣлъ кончить за шумнымъ столомъ вечеръ, начатый веселыми танцами. Но играя на лирѣ, сражаясь и торжествуя пѣснію, упиваясь сладкимъ мечтаніемъ Поэзіи — на что тебѣ юность, добрый старикъ? Старость возвращаетъ тебѣ невинность дитяти, не лишая ума старческаго.

»Къ дѣлу, господа; что за разговоры! Время, которое пропадаетъ у васъ въ спорахъ, могло бъ быть употреблено полезнѣе. Къ чему много толковать о томъ, что надобно дѣлать? Нерѣшительный вѣчно неготовъ. Смѣлѣе, если ты поэтъ, и передъ тобой всѣ пособія Искусства. Чего не сдѣлалъ сегодня, то дѣлай завтра, а

между тѣмъ каждое мгновеніе дорого. Смѣльчакъ хватаетъ случай за клокъ волосовъ его и не выпускаетъ изъ рукъ. Вы говорили, что въ театръ всякій идетъ для себя и смотритъ по своему. Не жалѣйте же ни машинъ, ни декорацій; пусть являются и исчезаютъ солнце и мѣсяцъ; сыпьте звѣзды полною рукою; передъ вами вода, и огонь, и утесы, и дикіе звѣри и хищныя птицы. Громоздите на театральныхъ подмосткахъ всѣ чудеса твореній, и быстрымъ полетомъ пролетайте по небесамъ, аду и землѣ...«

Прости, великая тѣнь творца Фауста и Миньоны, Вертера и Маргериты, Вильгельма Мейстера и Геца Берлихингена, прости, что въ безпорядочный разсказъ мой брошенъ литографическій списокъ съ твоей безсмертной картины! Ты бралъ краски радуги, писалъ лучемъ солнечнымъ, засыпалъ пепломъ волкана Италійскаго; ты изобразилъ волненіе поэта, мелкость театральнаго управителя, безпечность весельчака и міръ зрителей стихами чудными, волшебными: въ бѣдной прозѣ переданы стихи твои. Но что лучше изобразитъ міръ и людей, если не твой стихъ, хотя и въ прозѣ, недостойной твоего орлинаго полета?

Блѣдно и невѣрно передали мы описаніе

Гётево, этотъ разговоръ поэта съ шутомъ и директоромъ театра. Гёте вырвалъ его изъ души человѣческой, и вѣчнымъ созвучіемъ ему будетъ отзываться душа поэта, когда онъ станетъ передавать людямъ свое новое созданіе.

Насталъ давно желаный, страшный день представленія *Арминія.* Уже дня три Вильгельмъ чувствовалъ лихорадочный жаръ и ознобъ, не выходилъ изъ комнаты, не зналъ за что приняться, не могъ ни писать, ни читать, ни думать, и онъ содрогнулся, когда довольно рано по утру ему принесли отъ директора театра билетъ на ложу и аффишку на веленевой бумагѣ.

»Да, развѣ не отмѣнили спектакля?« спросилъ онъ разсѣянно у присланнаго съ билетомъ.

— Какъ можно, сударь, отмѣнить! Да послѣ этого бѣги изъ города — отвѣчалъ болтливый посолъ.

»Что же такое?

— Да, то, сударь, что я вотъ лѣтъ пять служу при театрѣ, а только два раза видѣлъ этакую давку, какая была сегодня. Одинъ разъ походило на это, когда пріѣзжали сюда Индійскіе фокусники, да другой разъ, когда давали

оперу: *Сорокъ чертей съ половиной*, и за сценой палили изъ пушекъ. Но все однакожь не то было. Тогда одному вывихнули руку, другому оторвали ухо. . .

»А сегодня?

— Сегодня, сударь, потѣха, да и только: драка, крикъ, шумъ, точное сраженье; троихъ увезли въ гошпиталь. Такъ вѣдь такой, сударь, *Азартъ:* когда повезли одного изъ битыхъ, онъ очнулся, и первое слово кричитъ: »Билетъ на ложу во 2-мъ ярусѣ!« Экой неугомонной: билетъ, хорошъ билетъ — ребрà не досчитался! Да, ужъ какъ же радъ и г-нъ директоръ: такъ и прыгаетъ! Вѣдь и Его Свѣтлость изволитъ пожаловать; весь театръ убранъ стаканчиками . .

»Благодарю тебя. Ты можешь итти. . .

— Но. . . кажется, сударь, вы сочинитель того, что станутъ играть сегодня?

»Такъ что же?

— Да, на водку, сударь, надобно. Вѣдь я и самъ играю въ вашей комедіи.

»Ты?

— Да, сударь. Мнѣ надобно будетъ итти съ факеломъ, когда хоронятъ вашего . . . какъ бишь онъ. . . *Армеръ-риттера*. А прежалкая,

сударь, ваша комедія. И какъ играетъ въ ней г-жа Элеонора! Вчера на репетиціи такъ и хлопнулась объ полъ, когда услыхала о смерти своего рыцаря — словно мертвая.

»Вотъ тебѣ крейцеръ.

— Виватъ, сударь! Посмотрите, какъ я отличусь.

Въ сотый разъ принялся перечитывать афишку Вильгельмъ, сидя въ своихъ огромныхъ креслахъ; прочиталъ и задумчиво вертѣлъ въ рукахъ своихъ билетъ.

— Съ кѣмъ подѣлиться мнѣ и грустью и радостью? — думалъ онъ.

Жизнь человѣческая похожа на Природу, тѣмъ, что въ ней есть весна, лѣто, осень и зима.

Не весна ли это время, когда разцвѣтаетъ въ колыбели нѣжный цвѣтокъ, хранимый отъ бурь свѣта рукою заботливой матери?

Не лѣто ли это время, когда человѣку, оставившему колыбель, для души мало цѣлаго свѣта, а для жара страстей цѣлаго сердца?

Не осень ли это время, когда надежды лѣта созрѣютъ въ жатвѣ труда, или опустошенныя дождемъ бѣдствій, изсохшія отъ жара скорби, нивы жизни угрожаютъ печальною бу-

душностью, застывающею кровью, съ инеемъ сѣдинъ?

Не зима ли это время костыля и погибели всѣхъ мечтаній, оледенѣлости всѣхъ страстей, называемое старостью?

Такъ, не младенцемъ ли, улыбающимся въ колыбели на привѣтъ матери весны, является намъ Природа? Не бѣшенымъ ли юношествомъ жизни дышетъ она потомъ, палимая львомъ зодіака? Не мужество ли, созрѣлое въ опытѣ и страстяхъ, являетъ осенью? Не дряхлая ли старость природы зима, когда медленно влачится водный потокъ подъ корою льда, какъ будто кровь подъ сѣдиною, солнце, какъ умъ старика, тускло свѣтитъ, невысоко поднявшееся на небосклонѣ, сыплется съ облаковъ снѣгъ, будто замерзшія мечты, и сугробы его прообразуютъ могилу?

Но въ мірѣ все подобно Человѣку и Природѣ. И твореніе художника имъ подобно.

Младенецъ-идея прекраснаго созданія, радуетъ, печалитъ, заставляетъ скорбѣть и утѣшаться мать-поэта, пока онъ носитъ ее въ душѣ своей. То весело, безпечно играетъ она, то тревожитъ его болѣзненными ощущеніями и заставляетъ отчаяваться въ бытіи своемъ,

я — часто гробъ поглощаетъ прежде рожденія надежду матери...

Но она преобразовалась, эта идея-младенецъ, въ прелестную дѣву, полную красоты, цвѣтущую юностью, свѣтлую будущимъ счастьемъ. Поэтъ, какъ отецъ, готовъ вести мысль своего созданія, одѣтую всѣмъ блескомъ роскошнаго воображенія къ брачному алтарю. Мысль и исполненіе подаютъ другъ другу руки.

Но это осень созданія. Какъ часто семейственныя заботы, приличія свѣта, несогласіе въ мелочахъ жизни убиваютъ всё счастіе супруговъ! Непримиримые враги — Жизнь и Поэзія, умышляютъ на бытіе другъ друга. И свѣтлая идея, прекрасная мысль гибнутъ въ исполненіи. Совершилось оно. — Что же? Это холодная осень созданія. Какъ человѣкъ при концѣ жизни видитъ, что надежды юности и труды мужества были сами себѣ цѣлью, такъ поэтъ узнаетъ, что только мечта о созданіи и трудъ созданія были цѣлью и наградою его.

Кто, смотря на статую, гдѣ мыслилъ онъ изсѣчь въ мраморѣ, на тетрадь, гдѣ хотѣлъ заключить въ словахъ, на картину, гдѣ думалъ изобразить красками мысль свою, кто — спрашиваю — былъ доволенъ своимъ созданіемъ?

Кто не хотѣлъ надписать на немъ, какъ Шекспиръ на гробницѣ своей: »Ради Бога! не троньте бѣдняка, здѣсь заключеннаго?« Кто не сознавалъ, что дряхлымъ, увядшимъ старикомъ, брюзгливою старухою переходила безконечная мысль его въ ограниченныя условія вещественности? Безмѣрное солнце генія едва отсвѣчивается въ каплѣ, своемъ созданіи... Бѣдный старикъ, изувѣченный временемъ и жизнью! оттолкните его въ могилу — прочь безобразный выродокъ, карло, потомокъ славнаго предка!

А! вотъ являются люди лечить его, судить объ немъ, любоваться его немощною, почтенною старостью, выманить у него нѣсколько искръ генія, тягаться съ нимъ за то, чѣмъ своевольно овладѣлъ онъ у другихъ. Критикъ, типографщикъ, цензоръ, актеръ, душатъ, давятъ, лечатъ, отпѣваютъ его; книгопродавецъ отводитъ ему мѣстечко на кладбищѣ; переплетчикъ сбиваетъ ему гробъ, смотря по прихоти другихъ — sit ei terra levis! Приходятъ люди, и никто не хочетъ почтить своею скорбью унылаго: Finis *(конецъ)*, этого memento mori *(помни смерть)*, которое повторяетъ каждому изъ нихъ идея, облеченная въ *форму книги.* Разбираютъ ее, читаютъ, судятъ, какъ разбира-

ютъ, читаютъ, судятъ бумаги, оставшіяся послѣ покойника.

Книга въ рукахъ читателя, драма передъ судомъ зрителей, статуя и картина въ галлереѣ любителя — это надгробные камни живыхъ нѣкогда идей художника и поэта, могилы, гдѣ въ эпитафіяхъ можете прочитать самыя убѣдительныя доказательства, какъ бѣденъ и какъ глупъ человѣкъ.

Блаженъ поэтъ и художникъ, если надъ гробомъ его созданія, надъ твореніемъ, которое онъ кончилъ и похоронилъ въ книгу, есть кому пролить слезы состраданія, есть кому раздѣлить съ нимъ грусть оконченнаго труда и указать на потомство, какъ на жизнь за гробомъ. Даже притворныя слезы ближняго облегчаютъ нашу печаль. Отъ чего Мольеръ читалъ свои творенія кухаркѣ? Отъ чего Гофманъ читалъ свои созданія погребщику? Неужели вы вѣрите, что Мольеру надобны были, въ самомъ дѣлѣ, совѣты управительницы надъ его кухнею! Вздоръ, какъ доказанный вздоръ, будто Наполеонъ учился у Тальмы, подымая мечемъ на свою голову желѣзную корону Карломана!

Блаженъ поэтъ, когда онъ можетъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь и сожалѣніемъ, и радостью,

какія возбуждаетъ въ немъ окончанный трудъ его, подѣлиться съ подругою сердца, съ другомъ души. . .

— Съ кѣмъ подѣлиться мнѣ? — Вотъ одно, что кружилось въ головѣ Вильгельма, и онъ повторялъ мысленно стихи Гёте:

. . .» Уведи меня въ тѣ тихія долины,
Гдѣ радость чистая цвѣтетъ поэту,
Гдѣ дружба и любовь, услада сердца,
Отъ Бога созданы хранить его . . .«

— Женщины честолюбивы: я просилъ мать Генріэтты ѣхать въ театръ. Старуха согласилась; вѣрно и теперь не откажется; и *она* должна будетъ ѣхать. Мщеніе Генріэттѣ, мщеніе! Ты увидишь, какъ вознесутъ поэта, Вильгельма, котораго нѣкогда называла ты *своимъ*? Но, милый другъ! если и не любовь, если только честолюбіе заставитъ тебя со слезами броситься въ мои объятія — всею жизнью моею искуплю я потомъ минуту моего мщенія, ту минуту, когда скажу тебѣ: »Ты была несправедлива, Генріэтта! Вильгельмъ въ рубищѣ, неизвѣстный, бѣдный студентъ, жилъ тобою — Вильгельмъ, прославленный поэтъ, привѣтствуемый рукоплесканіями соотечественниковъ, твой,

твой всегда! Въ состояніи ли ты будешь заплатить мнѣ всею твоею жизнью за свое раскаяніе? Ахъ нѣтъ, Генріэтта! довольно будетъ одной минуты любви...«

Онъ написалъ нѣсколько строкъ, запечаталъ записку, вмѣстѣ съ аффишкою и билетомъ, и позвалъ своего наемнаго слугу.

»Францъ! ты отнесешь это письмо по адресу, и попросишь отвѣта. Одѣнься въ парадный фракъ свой, будь учтивъ и вѣжливъ.«

Ловкій слуга улыбнулся, когда взглянулъ на адресъ. »Не ошибка ли, г-нъ Рейхенбахъ? Въ улицѣ Рогатой Козы, въ домѣ, въ низу въ квартирѣ...

— Нѣтъ! — отвѣчалъ сердито Вильгельмъ. — Это моя тетка. — Францъ повернулся и вышелъ.

Вотъ что писалъ Вильгельмъ:

»Милостивая Государыня!

Имѣвъ честь получить согласіе ваше, быть въ театрѣ на первомъ представленіи моей трагедіи, смѣю надѣяться, что вы не изволили перемѣнить вашего рѣшенія. Въ слѣдствіе сего, честь имѣю препроводить при семъ билетъ и аффишку, и просить позволенія вашего, въ

6-ть часовъ вечера, явиться съ экипажемъ, и имѣть честь сопутствовать вамъ.

Съ истиннымъ, глубочайшимъ почтенiемъ и совершенною преданностiю, пребыть честь имѣю, вашъ навсегда,

Милостивая Государыня,

покорнѣйшiй слуга

Вильгельмъ Рейхенбахъ.

— Но — вскричалъ Вильгельмъ — если мой Арминiй, вмѣсто почестей и рукоплесканiй, будетъ осыпанъ хохотомъ и свистками? А! каково тогда будетъ твое торжество, Вильгельмъ... Я не переживу этого! Лучше не звать Генрiэтты... Францъ!... И можно ли звать ее для того, чтобы посредствомъ успѣха выманить у нея погасшее чувство любви... Какая ничтожная уловка!... Францъ!...

— Стыдись, Вильгельмъ!... Францъ!...

Но Франца давно уже не было.

— Какъ не пришло мнѣ это въ голову прежде? Можно ли до того ослѣпляться честолюбiемъ? Впрочемъ, жребiй брошенъ: пусть и

Генріэтта будетъ свидѣтелемъ моего посрамленія... Освистанному поэту кстати быть несчастнымъ любовникомъ... ха, ха, ха! — Для чего надѣлали такъ много шуму, этотъ проклятый директоръ, этотъ Жоффруа... Если бы менѣе ожидали, менѣе бы требовали... Бѣдный Арминій! худо созданный, щедушный, чахлый до рожденія — и его представить тому народу, который третьягодня холодно смотрѣлъ на *Рэмео и Юлію,* тѣмъ, которые поднимаютъ носъ презрительно, говоря о созданіяхъ Шиллера? Арминію позволили бы пройдти тихомолкомъ, еслибы онъ явился робко, тихо, скромно... Его благоволили бы удостоить снисхожденія... mention honorable! Чортъ побери! Лучше упасть и расшибиться съ размаха, нежели черепахой ползти къ славѣ!

— Впрочемъ, ловкій директоръ, игра Элеоноры, богатая обстановка, неужели не поддержатъ Арминія?

Невольно покраснѣлъ Вильгельмъ, и проворчалъ: »Стыдись, поэтъ! Надѣяться на такія средства...

Францъ возвратился.

— Отвѣтъ?

»Есть, сударь!« отвѣчалъ онъ, лукаво улы-

баясь, »и написанъ вашею хорошенькою сестрицею.«

— Кто сказалъ тебѣ такой вздоръ?

»Вы называли г-жу Шульце тетушкою.

— Но дочь ея мнѣ не сестра. Подай и поди!

Францъ подалъ записочку и вышелъ съ тѣмъ довольнымъ видомъ, который показываютъ слуги, сдѣлавшись повѣренными господъ своихъ въ сердечныхъ тайнахъ.

— Мнѣ надобно прогнать этого щеголя и негодяя — говорилъ Вильгельмъ, смотря на письмо, надписанное рукою Генріэтты. — Онъ привыкъ жить у людей... которые... — И съ тайнымъ наслажденіемъ разсматривалъ Вильгельмъ надпись на оберткѣ записки, надпись, сдѣланную съ ошибками противъ правописанія, нетвердымъ почеркомъ.

— Какъ жаль, что я не знаю искусства: по почерку узнавать свойства людей! я прочиталъ бы теперь душу Генріэтты... Въ этихъ каракулькахъ, когда ты не умѣлъ прочитать ее ни во взорѣ, ни въ словѣ, глупецъ? — Онъ едва не бросилъ письма не читавши.

»Маменька, будучи вамъ благодарна за ваше приглашеніе, приказала мнѣ, чтобы поблагода-

рить васъ, что симъ исполняю, и она будетъ ожидать въ назначенномъ вами часу.

»Съ совершеннымъ почтеніемъ, честь имѣю пребыть, ваша,

Милостивый Государь,

покорная слуга

Генріэтта Шульце.

— О милый другъ, о мой ангелъ Генріэтта! Какъ эта записочка, эти ошибочныя, неправильныя, простыя строки дороже мнѣ всѣхъ изысканныхъ подставокъ ума, подложной образованности, поддѣльнаго воспитанія, глупаго старанья умничать! Будь всегда тѣмъ, что ты есть; тебѣ ли надобны украшенія, перло души...

— Но, какъ это холодно! Не уже ли она можетъ сохранять свою досаду на меня, если бы я былъ и въ самомъ дѣлѣ виноватъ передъ нею? Быть такою злопамятною, не знать наслажденія прощать, не знать прелести раскаянія? — Не уже ли не могла она приписать еще одного слова... Въ присутствіи матери? — Но, печатая письмо, но когда бы отвернулась

старуха — одно слово: *люблю*, одна буква: Л — или: »*твоя* Генріэтта...« Все погибло безъ возврата...

До какихъ мелочей можетъ иногда упадать человѣкъ! Кому изъ насъ, стариковъ, носившихъ въ молодости недѣланные галстухи, не случалось останавливаться съ досадою передъ зеркаломъ, и — будемъ откровенны — подвязывать галстухъ, и тщетно стараться подвязать его удачно, такъ, чтобы не были видны слѣды старанія, и онъ казался наброшеннымъ небрежно? И въ какія-же бывало это минуты? Въ минуты, которыми дорожили мы, когда мы спѣшили на счастье, по крайней мѣрѣ, туда, гдѣ мы думали найдти его...

Пробило пять часовъ. Францъ доложилъ, что карета готова, спрашивалъ: что прикажетъ подать одѣваться г-нъ Рейхенбахъ.

А г-нъ Рейхенбахъ думалъ: какъ явиться ему — одѣтому ли щегольски, по всѣмъ требованіямъ моды, или неряхой, въ сюртукѣ, небритымъ Жанъ-Жакомъ Руссо? — Успѣхъ, или неудача? Онъ дѣйствующее лицо въ этой комедіи. Если бы не спросили, не замѣтили его! Но, быть позорищемъ для нѣсколькихъ тысячъ глазъ — зачѣмъ не рѣшился я лучше

не ѣхать въ театръ, и потомъ равнодушно слышать объ успѣхѣ, о томъ, какъ четыре тысячи рукъ хлопало и двѣ тысячи ртовъ кричало: »*Автора!*« Щеголеватая одежда почтена будетъ подготовкою, небрежная — желаніемъ отличиться оригинальностью... все это глупо...

— Если бы я не далъ слова Генріэттиной матери — клянусь, что не поѣхалъ бы... Но, теперь... Но можно послать къ нимъ карету, извиниться, что я нездоровъ... Что подумаютъ обо мнѣ? Не будетъ ли это нестерпимымъ кокетствомъ съ моей стороны...

И Вильгельмъ одѣлся прекрасно, безъ требованій, щеголевато, просто; но садясь въ карету, онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Какой-то поэтъ блѣднѣлъ, слыша свистъ соловья: вѣрю, потому, что онъ былъ драматическій поэтъ и его пьеса была освистана.

Знаете ли, отъ чего Бетховенъ такъ мало писалъ оперъ? Сказываютъ, будто онъ говаривалъ, что оперу сочинить легче всего другаго, но пока ее дадутъ на сценѣ, надобно испортить три фунта крови. На постановкѣ первой оперы своей онъ взбѣсился, прибилъ капельмейстера, переломалъ басы и скрипки и молилъ Бога, чтобы Онъ послалъ ему глу-

хоту. Увы! безразсудная молитва тяжко исполнилась надъ творцемъ Фиделіо!

Отчаяніе Вильгельма умножилось отъ того, что встрѣтилъ онъ въ жилищѣ Генріэтты.... Карета, остановившаяся у входа въ квартиру г-жи Шульце, сама по себѣ была уже такимъ явленіемъ, которое могло обратить на себя вниманіе всѣхъ сосѣдей, добрыхъ, простыхъ ремесленниковъ, честныхъ бургеровъ и почтенныхъ кухарокъ, которыхъ они называли своими женами, потому, что были съ ними обвѣнчаны. Вообразите же, что г-жа Шульце, почитая важнымъ событіемъ въ жизни своей поѣздку въ театръ—и какъ еще притомъ? въ ложу, въ каретѣ — разславила объ этой поѣздкѣ всѣмъ сосѣдкамъ; говорила, что она ѣдетъ въ театръ, съ самимъ сочинителемъ того, что тамъ будутъ играть; что она будетъ въ ложѣ; что г-нъ сочинитель самъ пріѣдетъ за нею въ каретѣ, и что въ театрѣ будетъ Его Свѣтлость, и что Его Свѣтлость надѣнетъ послѣ того орденъ на сочинителя, а этотъ сочинитель... хмъ! знакомый ей, г-жѣ Шульце, очень любезный и богатый молодой человѣкъ.

И вотъ сначала взволновался весь дотолѣ

мирный домъ, отъ чердака до подвала; пошли говорить сосѣдки; другія были смѣлѣе, явились разспрашивать г-жу Шульце, видѣли аффишку, билетъ, записку, и страшное любопытство терзало ихъ: узнать непремѣнно, какая связь была между г-жею Шульце и сочинителемъ? Лукаво поглядывали въ это время на Генріэтту. И г-жа Шульце торжествовала; полуотвѣты ея подтверждали догадки; остальное дополнили языки сосѣдокъ. И вотъ вся улица Рогатой Козы заговорила, зашептала, засплетничала, передавала за тайну, прибавляла. Когда вѣсть начала переходить въ десятый домъ, Вильгельмъ былъ уже каммергеръ, влюбленный въ Генріэтту, богачъ безсчетный, которому вечеромъ въ театрѣ князь надѣнетъ ленту черезъ плечо. Поутру видѣли Франца, и на него глядѣло глазъ уже дюжины три, когда онъ, щегольски одѣтый, насвистывая аріи, заглядывая въ окна, приходилъ къ г-жѣ Шульце.

Но когда покатилась карета Вильгельма, невнятный шопотъ изъ дватцати домовъ слился въ одинъ гулъ, »*Ѣдетъ!*« Изъ сорока *васисдасовъ* высунулись головы въ чепчикахъ и колпакахъ, разинулись рты, поднялись указывающіе пальцы, и при входѣ къ г-жѣ Шульце, толпа

мальчишекъ вскричала: »Женихъ, сочинитель! «Пока матери зажимали имъ рты, мужчины почтительно снимали шапки, а женщины глядѣли прямо въ глаза Вильгельма, прекрасную карету его окружили, дивились его Францу, его лошадямъ, сбруѣ, толковали, спорили.

Этого мало. Вильгельмъ ужаснулся, взглянувъ на г-жу Шульце: она измѣнила лицо свое; всегда добродушная, тихая, немножко бользунья, немножко сплетница, она надулась теперь, какъ индѣйскій пѣтухъ; на головѣ ея былъ надѣтъ огромный раскрахмаленный чепчикъ на проволокѣ, какихъ не надѣваютъ и въ маскерадъ; надобно еще было сохраниться у нея какой-то Дамассиновой робѣ, черной блондовой мантильѣ, — все это она надѣла, и — злые языки говорили, что старушка даже подрумянилась... Клевета! Ее разрумянили самодовольствіе, торжество, вниманіе цѣлой улицы Рогатой Козы.

Этого мало. Вильгельмъ нашелъ въ жилищѣ Генріэтты три благословенныя семьи родныхъ и знакомыхъ г-жи Шульце, семьи, обильныя дѣвами, и эти дѣвы были разряжены и пестры, какъ шахматная доска, одѣты какъ вывѣска парикмахера. И г-жа Шульце торжественно рекомендовала Вильгельма отцамъ и матерямъ,

говорила ему, что, желая доставить удовольствіе г-жѣ Б. Б., и г-жѣ В. В., и г-ну Г. Г., она пригласила ихъ съ собою въ театръ, и надѣется, что г-нъ Рейхенбахъ не откажетъ имъ въ этомъ удовольствіи. И ему начали рекомендоваться старики, старухи, сыновья въ желтыхъ жилетахъ, пестрыхъ галстухахъ съ бантами, въ панталонахъ съ лампасами, въ коричневыхъ и табачныхъ фракахъ, дочери въ барежевыхъ шарфахъ, лиловыхъ перчаткахъ съ полосатыми бантами на головахъ, въ мусселиновыхъ каньзу... Вопросы отцовъ о томъ: кто онъ, что онъ, гдѣ живетъ; дружеское вниманіе сыновей, которые сжимали руки Вильгельма, спѣшили доказать свое познаніе свѣта, посмѣяться надъ стариками, и любезность прелестныхъ дѣвицъ, кузинъ и подругъ Генріэтты... О! отъ этого можно было придти въ отчаяніе! И съ этой толпой надобно было явиться въ театръ, чтобы тамъ всѣ узнали Вильгельма, всѣ указывали на него...

— Въ ложахъ бываетъ только пять стульевъ, г-жа Шульце...

»Да, это ничего!« вскричалъ какой-то любезный юноша — »у капельдинера можно еще нанять стульевъ.

— Кавалеры постоятъ — прибавилъ другой. »Въ ложѣ помѣщается восьмнадцать человѣкъ — насъ всего двадцать.

— Мы останемся дома — воскликнули два старика. — Берите молодежь, г-жа Шульце! »А что-жъ это? Какъ ты одѣлась, сударыня — сказала Генріэттѣ г-жа Шульце, запирая шкафы, складывая ключи въ карманъ и смотря на дочь свою — развѣ тебѣ надобно быть хуже другихъ?«

По врожденному инстинкту вкуса, Генріэтта никогда не надѣвала на себя всѣхъ этихъ смѣшныхъ подражаній знатнымъ щеголихамъ, чѣмъ такъ дорожатъ мѣщанки, всего, что черезъ три года переходитъ съ баловъ большаго свѣта на мѣщанскія вечеринки, съ плечъ знатной дамы на плеча дочекъ почтенныхъ бургеровъ, съ измѣненіемъ черепахи въ рогъ, золота въ семилоръ, кружевъ въ блонды, розоваго цвѣта въ красный. Природный вкусъ руководствовалъ Генріэтту, всегда одѣтую въ простомъ бѣломъ, черномъ платьицѣ, съ гладкою головкою, въ нарядномъ передничкѣ. И теперь она одѣлась по своему.

— Что это? Или ты хочешь чтобы тебя почли

служанкою? Поди, переодѣнься, сударыня, надѣнь шляпку атласную...

»Но, маменька, теперь уже нѣкогда...

— Какая дура! Вотъ не посмотри только я...

»Позвольте мнѣ остаться дома, маменька.

— Это что за выдумки?

Вильгельмъ молчалъ. Адъ былъ въ душѣ его.

У меня болитъ голова, и въ ложѣ безъ меня будетъ много.

»Ахъ! ma cousine!« вскричала одна дѣвушка — »можетъ быть, только васъ и замѣтятъ многіе! Она оправила свою косынку и посмотрѣла на Вильгельма.

— Какія прихоти! — вскричала г-жа Шульце сердито.

»Но въ самомъ дѣлѣ, чтобы не опоздать!... Въ аффишкѣ сказано: въ 6½ часовъ начало... Да всегда позже начинаютъ... Но когда же переодѣваться? — раздавались со всѣхъ сторонъ голоса. — Начался семейный совѣтъ, какъ украсить Генріэтту безъ переодѣванья; и черезъ нѣсколько минутъ сняли съ нея передникъ, накололи ей кучу лентъ на голову, закутали ее въ платочки, шарфы; кузины рѣшили, что туалетъ ея довольно сносенъ; мать ворчала, но — пора, пора!

Выступилъ торжественный поѣздъ, и былъ встрѣченъ толпою любопытныхъ зрителей; пошли споры, кому сѣсть въ карету, отговаривались, отнѣкивались, насильно тащили въ карету нѣсколькихъ старухъ. Вильгельмъ хотѣлъ бѣжать, просилъ отпустить его, позволить ему итти пѣшкомъ; никто не согласился; голоса дѣлились и не рѣшали дѣла.

»Да, куда это они ѣдутъ?« спрашивали вновь приходящіе любопытные.« Не уже ли свадьба!«

— Нѣтъ! въ театръ. Самъ сочинитель везетъ ихъ.

»А который сочинитель!

— Вонъ тотъ, что въ черномъ фракѣ.

Наконецъ карету нагрузили. Бѣдную Генріэтту прижали въ одномъ уголку, Вильгельма въ другомъ; остальное заняли г-жа Шульце, матери, дочери; иныя сѣли на колѣни другихъ; старухи просили поднять стекла, молодыя говорили, что онѣ задохнутся отъ жара. Къ счастью, никто не начиналъ говорить съ Вильгельмомъ, и только молодая сосѣдка его, навалясь тучною красотою, увѣряя, что ей жарко, любезничала раза три съ нимъ, и потомъ шептала подругѣ, что онъ угрюмъ, какъ сочинитель.

Въ отчаяніе приходилъ Вильгельмъ, наблюдая Генріэтту. Она казалась веселою, была въ восторгѣ отъ общества своихъ подругъ, смѣялась, безпрестанно говорила съ ними, раздѣляла ихъ глупыя шутки; ласково встрѣтила она Вильгельма, учтиво, холодно поклонилась ему, даже спросила о здоровьѣ, и была потомъ такъ занята другими, что не сказала ему болѣе ни одного слова. Она, всегда смѣшанная, молчаливая съ нимъ, такъ словоохотна была въ это время со всѣми молодыми глупцами, такъ весело отвѣчала на ихъ вопросы, такъ охотно слушала ихъ разсказы, даже дала слово танцовать съ однимъ котильонъ, съ другимъ мазурку на первомъ балѣ. Вильгельму хотѣлось прибить, выкинуть за окно этихъ болвановъ, и — непостижимое очарованіе: никогда не казалась ему Генріэтта столь милою, столь чудною — даже и въ странномъ нарядѣ, какой составился послѣ поправки ея туалета ... Я самъ помню: такія минуты невыносимы, и молю Бога, чтобы Онъ избавилъ отъ нихъ всякаго, кто любитъ!

Вильгельмъ думалъ, что по крайней мѣрѣ не замѣтятъ пріѣзда ихъ въ театръ, потому, что они пріѣдутъ довольно поздно. Къ несчастію,

толпа народа въ корридорахъ ожидала князя; обширная галерея была наполнена мужчинами, женщинами всякихъ званій. Прекрасный экипажъ обратилъ вниманіе этой толпы: ожидали чего нибудь моднаго, щегольскаго; нѣсколько повѣсъ взялись за лорнеты, и — неумѣренный смѣхъ раздался, когда на подножкахъ кареты начали показываться толстыя ноги и цвѣтныя башмаки кузинъ Генріэттиныхъ, показался наконецъ изъ дверецъ чепчикъ г-жи Шульце, и счетомъ изъ кареты вылѣзло всего семь человѣкъ обоего пола и трехъ различныхъ поколѣній. Къ несчастію, г-жа Шульце оттолкнула какого-то щеголя, который, глазѣя и смѣясь, забылъ посторониться. »Что вы, сударь, изволите подсмѣиваться-то? Молоды еще! « сказала она. Смѣхъ умножился. Но все было бы забыто и потерялось въ толпѣ, еслибы проклятый Шпейеръ, стоя тутъ же и собирая матеріялы для статьи о нравахъ, не протянулъ руки и не сказалъ громко: »Рейхёнбахъ!«

— Рейхенбахъ! — зашептали въ толпѣ, и взоры дамъ и мужчинъ обратились на Вильгельма.

Положимъ, что онъ шелъ бы въ это время съ своею благородною, прекрасною осанкою,

велъ подъ руку Генріэтту, просто одѣтую, и за ними слѣдовала бы какая-нибудь добрая старушка — кто не позавидовалъ бы счастью его, прелести Генріэтты; кто не сказалъ бы: »Поэтъ«

— Но увидѣвъ автора Арминія въ смѣшномъ обществѣ этихъ мѣщанокъ и старухъ, щеголеватое общество поразило его ужаснымъ: c'est un bourgeois! и эти слова были сказаны почти въ слухъ Вильгельму. Онъ почувствовалъ, какъ негодованіе закипѣло гнѣвомъ въ груди его, забылъ все смѣшное, вспомнилъ свое собственное достоинство.

Хотите ли зажать ротъ наглости, если она хочетъ поразить васъ насмѣшкою? Не стыдитесь только сами за себя, станьте смѣло передъ ней, смѣло, потому что вы не возвышаете требованій своихъ далѣе того, что вы есть въ самомъ дѣлѣ, обопритесь на смѣшное, чѣмъ думали испугать васъ, на то, что вы есть въ самомъ дѣлѣ, обопритесь надежно, и отдайте око за око и зубъ за зубъ.

Смѣло придвинулся Вильгельмъ къ молодому щеголю, который заклеймилъ его ужаснымъ словомъ: *буржуа*, взялъ за руку этого щеголя, крѣпко стиснулъ его руку, и усмѣхаясь, и глядя на него громко сказалъ: »Вы не ошиблись,

м. г. — je suis vilain et très-vilain (*я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!*) — Шумъ одобренія раздался въ толпѣ. »Пойдемте; здѣсь ожидаютъ пріѣзда Его Свѣтлости« — продолжалъ Вильгельмъ, подавая руку г-жѣ Шульце, и увелъ всю *честную* компанію, пока изумленный щеголь не зналъ еще, сердиться, или притвориться равнодушнымъ надобно ему, а дамы увѣряли, что поэтъ-мѣщанинъ очень уменъ, très-spirituel...

Театръ представлялъ взорамъ великолѣпное зрѣлище. Раекъ набитъ былъ еще засвѣтло; мѣста за креслами, кресла, ложи всѣхъ ярусовъ, кромѣ перваго, и нѣсколькихъ втораго, были уже наполнены народомъ. Первый ярусъ и первые ряды креселъ оставались почти пусты: сюда должна была явиться знать, и она еще не являлась, хотя повсюду громко хлопали въ ладони, и, какъ павильоны лопавшихся ракетъ, раздались эти знаки нетерпѣнія зрителей отъ райка до креселъ... Весь театръ былъ унизанъ стаканчиками, убранъ свѣчами, въ ложахъ; наружность княжеской ложи горѣла въ огнѣ; смычки, басы, флейты, барабаны готовы были загремѣть, задвигаться. Капельмейстеръ слушался совѣта директора: *Движенія, дви-*

женія болѣе! и набилъ оркестръ всякой всячиной; даже фертепіано, арфа, труба, треугольникъ, серпанъ были тутъ приготовлены, и оркестръ едва вмѣщалъ въ себѣ толпу музыкантовъ. И все двигалось, шевелилось, ходило, говорило, ожидало; стукъ безпрестанно подъѣзжавшихъ экипажей раздавался извнѣ; двери хлопали; капельдинеры, въ лучшей ливреѣ, бѣгали, суетились.

Да, отъ этого могла повернуться голова человѣка, который могъ думать: »Я тотъ, для котораго все это собралось и шевелится!« — Воля ваша, если бы мнѣ надобно было выбирать себѣ жребій, я выбралъ бы жребій полководца. Кажется, рукой ощупываешь славу, когда передъ тобой гремитъ пальба, дрожитъ земля, движутся тысячи по мановенію одного; и этотъ одинъ, безтрепетный, хладнокровный, разложа карту передъ собою, стоитъ, смотритъ и рѣшаетъ участь царства, среди громовъ, огня, пожаровъ. Какое торжество дипломата, даже и въ ту минуту, когда умъ и безсонница, и тысячи трудовъ и кипы бумагъ пріобрѣтаютъ ему однимъ почеркомъ пера милльонъ людей и области; какое торжество министра, если онъ слышитъ даже, какъ благословляютъ его въ

хижинахъ и чертогахъ, читая мудрый законъ, имъ составленный — какъ можно все это сравнить съ упоеніемъ грома и битвы, которые, если и не отгрянутъ такъ шумно въ потомствѣ, то заставляютъ дрожать современниковъ, и съ изумленіемъ смотрѣть на побѣдителя!

Если бы надобно мнѣ было рѣшать между жребіемъ Шеллинга, Ньютона, Омира, Шекспира — я выбралъ бы жребій Шекспира, именно потому, что онъ былъ поэтъ и — *драматическій* поэтъ. И Шеллингъ, и Ньютонъ, и Омиръ безсмертны; но драма — это Ваграмъ, это Бородино, это Полтава генія, бой со славою громами, лицомъ къ лицу, грудь къ груди. И пока дожидайся Шеллингъ, чтобы въ уединеніи своемъ благословилъ его философъ, дожидайся Ньютонъ, пока ученый преклонитъ передъ нимъ колѣна въ своей лабораторіи, дожидайся Омиръ, пока растолкуютъ величіе его комментаторы и критики — въ рукоплесканіяхъ Елисаветы и современниковъ Шекспиръ, еще живой, слышалъ уже рукоплесканія потомства. Нигдѣ и никогда Поэзія и Искусство не являются такъ величественно, такъ дружно одна съ другимъ! И если геній озаряетъ ихъ своимъ свѣтомъ, то нигдѣ человѣкъ не прекло-

няется передъ ними такъ рабски, такъ мгновенно, такъ совершенно! Тутъ не мертвыя буквы высказываютъ душу поэта, не взглядъ на холодныя краски очаровываетъ зрителя, не чтеніе въ уголкѣ какомъ нибудь оживляетъ его образы — нѣтъ! все, музыка, страсти въ образѣ людей, гремящій стихъ, собираютъ толпу изумляться поэту... Правда, нигдѣ и паденіе не бываетъ такъ внезапно, совершенно, ужасно; нигдѣ такъ не опасно разбирать: изъ чего составлено обольщеніе, увлекающее зрителей, этотъ Deus ex machina — но признаться ли въ слабости? Я никому въ мірѣ не завидую; но не разъ грустилъ, почему я не драматическій поэтъ, и охотно бы отдалъ все написанное, все, что напишу, за созданіе одной драмы, а за славу Шеллинга охотно обмѣнялся бы славой Шиллера, за славу Ньютона вымѣнялъ бы *одного Макбета*, одинъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*... Смѣйтесь! Но кто безъ слабости...?

Глаза сосѣдей обратились на ложу, куда ввалилась г-жа Шульце, потому, что мѣсто подобныхъ явленій принадлежитъ райку, мѣстамъ за креслами, вышнимъ ложамъ. Директоръ прислалъ Вильгельму 1-й № втораго ряда. И на этотъ разъ второй рядъ ложъ занималъ боль-

шой свѣтъ, потому что изъ перваго вытѣснили его дворъ и придворные. Лорнеты, трубочки, просто глаза устремились на ложу Вильгельма, и всѣ сосѣди внимательно наблюдали, какъ входили, разсаживались, усаживались, спорили за мѣста г-жа Шульце съ товарищами. Вильгельмъ стоялъ въ корридорѣ, не видалъ ни губокъ, ни носиковъ большаго свѣта, вздернутыхъ презрительно, ни улыбочекъ, говорившихъ: какъ попались сюда *эти люди* (diese Leute)? — *Компанія* усѣлась наконецъ; сосѣди забыли ее, обратились на другихъ. Вильгельмъ хотѣлъ доставить себѣ хоть одно бѣдное наслажденіе: смотрѣть и наблюдать, какъ бrдетъ чувствовать и понимать его созданіе Генріэтта! Онъ былъ увѣренъ, что она пойметъ, узнаетъ все, даже отличитъ тѣ стихи, которые писалъ онъ, думая объ ней. Пусть позволятъ ему проглядѣть три часа на эту холодную Генріэтту, и потомъ, какъ угодно — свищутъ, хвалятъ, рукоплещутъ. Онъ задумчиво прислонился къ стѣнѣ ложи, и съ наслажденіемъ видѣлъ, что взглядъ на театръ и зрителей невольно увлекъ, очаровалъ дѣвушку, неопытную, только любовью наученную прихотничать, скрывать, безобразить свои чувства. Съ дѣтскимъ добродушіемъ Генріэтта

обглядывала всѣ части театра, и внимательно слушала изъясненія подругъ своихъ, которыя приняли роль знатоковъ. Какъ любовался ею Вильгельмъ, какой умъ находилъ онъ въ ея кроткихъ, голубыхъ глазахъ, какъ превышала она, въ своемъ странномъ нарядѣ, весь этотъ модный свѣтъ, въ токахъ, щегольскихъ шляпкахъ, беретахъ, какъ самое добродушное невѣжество Генріэтты, самое мѣщанское удивленіе — казались ему новою прелестью! Вильгельмъ любовался и тонкимъ лукавствомъ, какое оказывала Генріэтта, разсматривая наряды, замѣчая странности, физіономіи. Если вы судите о мѣщанкахъ и смѣетесь надъ ними такъ немилосердо, не ужели вы думаете, что онѣ, въ свой чередъ, не находятъ васъ странными, не смѣются надъ вами? Послушайте ихъ!

Но судьба безчеловѣчно гнала Вильгельма. »Гдѣ, гдѣ?« раздавалось въ корридорѣ, и слышенъ былъ шумъ шаговъ, и пѣшеходное дополненіе кузинъ и знакомыхъ г-жи Шульце вторглось въ ложу, не съ аристократическимъ шумомъ, которымъ люди большаго свѣта умѣютъ обратить на себя глаза публики, но — съ мѣщанскою давкою и возпею. Одно походитъ на другое такъ, какъ изученная небрежность

въ танцахъ походитъ на неумѣнье и неловкость. Опять обратились глаза сосѣдей на ложу, которая теперь была наполнена, словно Ноевъ ковчегъ, животными всякихъ родовъ. И опять пошло усаживанье, пока молодые кавалеры утирали потъ, увѣряя, что почти бѣжали, боясь опоздать; другіе вытаскивали изъ кармановъ запасные апельсины и яблоки, подчивали; кузины брали, жевали и чавкали подарки. Генріэтту оттѣснили въ другой рядъ; Вильгельмъ видѣлъ физическую невозможность наблюдать Генріэтту: просто, не было мѣста, и онъ ушелъ изъ ложи, проклиная г-жу Щульце и всѣхъ кузиновъ, и кузинъ, и знакомыхъ ея.

Движеніе въ галереяхъ и корридорахъ разсѣяло Вильгельма. Подлѣ лавочки, гдѣ продавали театральныя пьесы, множество людей спрашивали его *Арминія*, и досадовали, что онъ не напечатанъ. Далѣе встрѣтились съ нимъ литераторы; шумъ, бѣготня народа — все это давало какую-то жизнь движенію. Поспѣшно идя мимо, въ расшитомъ мундирѣ своемъ, директоръ встрѣтилъ Вильгельма, мимоходомъ пожалъ ему руку и просилъ зайдти въ директорскую ложу. »Это авторъ!« раздалось послѣ того. И когда Вейссе, Шпейеръ, Шперлингъ,

и вся ихъ привычная братья утащили Вильгельма къ буфету, гдѣ хлопали пробки шампанскаго, и кипѣлъ шумливый разговоръ, вмѣстѣ съ виномъ въ бокалахъ, онъ увидѣлъ, что, желая себя сдѣлать замѣтными, весь этотъ литературный народъ заводитъ съ нимъ разговоръ, кажется дружнымъ. Это польстило самолюбію Вильгельма, разсмѣшило его; онъ не измѣнялъ своего простаго обращенія, не принималъ гордeливаго взгляда, не участвовалъ въ шумѣ литературномъ, и ушелъ, едва только нашелъ возможность увернуться.

Смотря теперь на театръ, онъ изумлялся, какъ могло это мрачное, безобразное обиталище Мельпомены и Таліи преобразиться во что-то обольстительное, блистающее, свѣтлое. Все — пыль, сплетни, подготовка, мелочи спрятались за кулисы. Вильгельмъ вошелъ въ кресла. Ему пришло въ голову испытать: не льзя ли будетъ отсюда смотрѣть въ ложу Генріэтты? Увы! ея не видно было изъ-за чепчика г-жи Шульце и шестнадцати головъ кузинъ и кузиновъ.

Шумные разговоры въ креслахъ обратили вниманіе Вильгельма. Глядя изъ ложи, въ удаленіи отъ всѣхъ, онъ забывалъ прологъ къ

Фаусту, и думалъ про обольщеніе Искусства, привлекшее въ театръ толпу разнороднаго народа, заставившее этотъ народъ забыть всѣ свои страсти, всѣ мелочи жизни. Онъ казался самому себѣ волшебникомъ, воскрешавшимъ чувство Изящнаго въ душахъ людей. Но въ креслахъ, на этомъ базарѣ *знатоковъ* — Вильгельмъ разочаровался. Никто не думалъ объ немъ и воскресеніи Изящнаго. Всякій занимался своимъ, самимъ собою, другими. Тутъ пили, ѣли, спали, сплетничали, смѣялись, глазѣли кругомъ, смотрѣли въ верхъ, въ низъ, въ сторону, здоровались, видѣлись, бранились, ссорились, мирились — только не думали о томъ, зачѣмъ пришли въ театръ. Одинъ не спускалъ глазъ съ ложи какой нибудь кокетки; другой съ нетерпѣніемъ спрашивалъ: скоро ли начнутъ, увѣряя, что ему пора домой, пора поставить ноги въ теплую воду; третій напередъ бранилъ все, театръ и зрителей, и клялся, что его не заманятъ впередъ въ эту духоту, копоть, толкотню.

Наконецъ, Вильгельмъ попался на толпу знатоковъ, занимавшуюся спектаклемъ, и даже сочинителемъ.

— И вы на Арминія?

»Да, всѣ ѣдутъ, и я туда же.

— Что это такое?

»Вѣрно, вздоръ. Но Элеонора, говорятъ, будетъ превосходна.

— Какой-то мальчишка, студентъ?

»Помилуйте! Необыкновенное дарованіе.

— Въ наше время?

»Трагедія! Ха, ха, ха! Арминій — *Іеремиnій* бы лучше.

— Я лично знакомъ съ авторомъ. Онъ побочный сынъ барона ***.

Вильгельмъ никогда не видывалъ этого человѣка.

»Неправда! Онъ какой-то школьникъ.

— Бѣднякъ!

»Слава все замѣнитъ.

— Вы его не видали? Постойте! Да, да — вотъ, я узнаю эту забавную старуху, съ которою онъ пріѣхалъ — я самъ видѣлъ его у подъѣзда — вотъ она, въ ложѣ, направо.

И въ самомъ дѣлѣ, злодѣй указывалъ прямо на ложу, гдѣ засѣдала г-жа Шульце!

— Ха, ха, ха! Ради Бога! Что за рожи!

»Это мать поэта, ха, ха, ха!

Множество глазъ устремились на ложу.

— Постойте: мнѣ мельнуло какое-то смазливое личико. Пойдемъ подурачиться!

»Пойдемъ. Я люблю мѣщанокъ.

— Жаль, что онѣ пропахли кухнею и не жалѣютъ жасминной помады! Арминій выползъ изъ кухни — ха, ха, ха!

Что оставалось дѣлать Вильгельму? Онъ хотѣлъ бѣжать. Но внезапное движеніе, общій шумъ начались повсюду. Въ первые ряды креселъ, въ ложи перваго яруса толпами повалилъ отборный народъ. »Князь!« раздавалось повсюду. Баронъ Калькопфъ явился въ своей ложѣ, весь въ орденахъ, въ золотѣ, въ брилльянтахъ. Какъ за могущимъ властелиномъ, вился за нимъ блестящій рой офицеровъ, придворныхъ; звѣзды, ордена, пудра наполнили ложи, кресла. Капельмейстеръ застучалъ смычкомъ. »Его Свѣтлость!« раздался глухой говоръ. Князь показался въ своей ложѣ, съ многочисленнымъ, великолѣпнымъ дворомъ, и, пока все оборотилось на княжескую ложу — загремѣла музыка. Первый ударъ ея отозвался въ душѣ Вильгельма, онъ опять былъ поэтъ, трепетавшій за участь своего творенія, смотрѣвшій вокругъ себя, и думавшій о томъ, какое безуміе обладало имъ, когда онъ воображалъ се-

бѣ, что все это, блестящее, свѣтлое, холодное, приготовленное, сбѣжавшееся Богъ знаетъ для чего, всякій для себя и для другихъ, чтобы все это постигло поэта, поняло его, сочувствовало ему....

Увертюра гремѣла между тѣмъ, странная увертюра, сборъ всего, чѣмъ восхищались въ Моцартѣ, Россини, Веберѣ. Но во многихъ ложахъ захлопали, и — все захлопало; Капельмейстеръ кланялся, съ довольнымъ видомъ. Онъ былъ счастливъ.

— Все краденое, mon général!

»Чѣмъ скучать своею глупостью, лучше напомнить хорошее чужое.

— Но что за безстыдство! Всѣ эти прелестныя вещи, elles sont prises...

»Non! il les a *conquises*. L'homme de génie ne vole pas; il conquiert.

Поднялась занавѣсъ. Новая, великолѣпная декорація: Римъ, Капитолій, площадь, толпа народа. Громкія рукоплесканія.

— Глупцы! чему вы рукоплещете? — думалъ Вильгельмъ, смотря на пеструю декорацію. Его заставили придѣлать прологъ къ трагедіи, потому что директору надобно было поставить балетъ и новую декорацію, видъ Ри-

ма: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло! Вильгельмъ ввелъ въ прологъ Тиверія, заставилъ его говорить великолѣпную чепуху. Но стиховъ не слушали; pas de deux, pas de trois, прыжки, *пируэты, облоны,* каррикатура Римскихъ ристалищъ возбуждали рукоплесканія, даже крики: *браво!*

При громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей безпечно оборотившихся къ княжеской ложѣ, упала занавѣсъ, пока капельмейстеръ разсыпался мелкою дробью по барабанамъ.

»C'est beau!

— Прелестные костюмы!

»Князь хлопалъ три раза.

— А что вы скажете о стихахъ?

»Тутъ еще ничего не видно — что-то глупо, кажется.

— Изрядно — comme-ça...

»Прелестно, mon cher?

— Да. — Отвѣчавшій зѣвнулъ во весь ротъ.

Зашумѣла занавѣсъ; началась трагедія. Глубокое молчаніе. Тутъ въ первый разъ Вильгельмъ увидѣлъ, какъ то, отъ чего надѣялся онъ дѣйствія, пропадало въ невнятномъ произношеніи актеровъ; какъ выставлялись на показъ несвойственности, неловкости его творенія; увидѣлъ и

нелѣпость зрителей, которые, какъ будто нехотя, изъ сострадания, слушали хорошие стихи, и въ то же время шопотомъ одобренія хвалили пустые возгласы, ни сколько не понимая силы словъ. А что было за разнообразіе! Одинъ хвалилъ одно, другой другое; чему хлопалъ одинъ, тому шикали другіе. Громкія, продолжительныя рукоплесканія встрѣтили Элеонору. Она была вся въ бриллиянтахъ. Но Вильгельмъ замѣтилъ, что кресла и ложи молчатъ; первый захлопалъ баронъ Колькопфъ — ему повторили въ райкѣ.. И безъ того Элеонора явилась смущенная, блѣдная; такой пріемъ еще болѣе смѣшалъ ее. Въ 1-мъ актѣ было много игры Арминію. Къ несчастію, актеръ впалъ въ напыщенную декламацію; нисколько не понималъ роли, кричалъ. И дрожь проняла Вильгельма, когда 1-й актъ кончился очень холодно, послѣдняя сцена не произвела никакого дѣйствія, и зрители съ нетерпѣніемъ выходили изъ креселъ въ корридоры.

Музыка играла въ междудѣйствіи какую-то жалкую композицію капельмейстера. Вильгельму казалось, что онъ слышитъ панихиду по своемъ *Арминіи*.

Вильгельмъ дрожалъ; то обдавало его холо-

домъ, то палило жаромъ; ему казалось, что глаза зрителей ищутъ его въ толпѣ между всѣми, чтобы посмѣяться надъ его честолюбіемъ; что изъ рта каждаго высовывается огромный свистокъ; что даже свѣчи тухнутъ отъ скуки и зѣвоты (онѣ въ самомъ дѣлѣ сильно нагорѣли въ это время). Князь спокойно занимался разговоромъ, не думая о трагедіи; видя опустѣвшія мѣста въ ложахъ и креслахъ, потому что многіе ушли прогуляться и отдохнуть въ корридорахъ, Вильгельмъ воображалъ уже себѣ, что весь этотъ народъ разъѣхался.

Но, опять музыка; мѣста опять наполнились; со свѣчекъ сняли; опять явилась Элеонора, уже безъ бриллiянтовъ, и чудное измѣненіе видно было въ ней съ самаго перваго монолога, гдѣ надобно было ей выразить ужасную безнадежность судьбы Веледы: какъ провѣщательница, она видитъ свою погибель; ее не утѣшаютъ ни побѣда *Арминія*, ни любовь его. Будто электрическая искра, эта простая, безъискусственная игра перелетѣла къ зрителямъ; рукоплесканія загремѣли. И Арминій ожилъ: его декламація пропала. Хоръ бардовъ, краденый изъ Моцарта, присовокупилъ еще болѣе прелести; кстати была и битва на сценѣ;

зрители зашевелились; рукоплесканія умножались; Элеонора была превосходна. Вильгельмъ отдыхалъ, слыша: »C'est charmant! C'est beau!«

Междудѣйствіе было короткое. Третій актъ былъ уже вѣрнымъ ручательствомъ успѣха; въ креслахъ, въ ложахъ усердно хлопали; самъ князь и баронъ Калькопфъ начинали; публика поддерживала... »Теперь къ Генріэттѣ. Чортъ съ ними, съ этими уродами, которые окружаютъ ее!« думалъ Вильгельмъ, видя, что никто нейдетъ изъ театра, всѣ ждутъ четвертаго акта. »Кажется... Но Боже! какъ хороша Элеонора«...

Въ корридорѣ остановили, задержали его. Онъ спѣшилъ уйти, и увидѣлъ Шпейера.

»Поздравляю, г-нъ Рейхенбахъ!« кричалъ журналистъ. »Хотите ли слышать, что я написалъ для завтрашняго листка, подъ вдохновеніемъ рукоплесканій?

— Какъ же писать? Еще битва некончена.

»Кончена, мой любезнѣйшій, Явная побѣда! Вотъ что говорю я о 5-мъ актѣ и о вашемъ вызовѣ... Да! слышали ль вы? Князь сказалъ: C'est sublime! а княгиня, C'est pathétique! Поздравляю. Слушайте-же...

— Шпейеръ! тамъ пьютъ здоровье *Арми-*

нія. Гдѣ авторъ? Зови его — я незнакомъ съ нимъ.

»Вотъ онъ«... Но обернувшись назадъ, Шпейеръ не видалъ уже Вильгельма, который опрометью бѣжалъ наверхъ. Четвертый актъ начался въ это время. Тихо вошелъ Вильгельмъ въ ложу, такъ, что никто, всѣ занятые сценою, не замѣтилъ его, и, тѣснясь впередъ, оставили ему маленькое мѣстечко. Только Генріэтта не глядѣла на сцену. Сидя назади всѣхъ, облокотясь на руку, опустя голову, она слушала, утирала глаза платкомъ, ея щеки были въ огнѣ. Элеонора превосходила сама себя; четвертый актъ былъ верхъ совершенства ея игры; стѣны дрожали отъ безпрерывныхъ рукоплесканій. Но слыша голосъ Элеоноры — Генріэтта вздрагивала. Когда Веледа, внимая призывнымъ кликамъ на битву, не отпускаетъ *Арминія*, когда она, въ изступленной страсти, восклицаетъ:

Нѣтъ, нѣтъ? ты мой, Арминій, мой!
Я не отдамъ, не отпущу тебя....

Эти слова казались воплемъ, излетавшимъ изъ души — и они пронзали душу. Генріэтта сложила руки, подняла глаза къ небу, думая,

что ее никто не видитъ, и съ отчаяніемъ закрыла себѣ лицо платкомъ. Вдругъ умолкла Веледа; замѣтны были общее волненіе, глухой шумъ между зрителями; и все потомъ затихло, такъ, что можно было различить дыханіе. Генріэтта торопливо поднялась и смотрѣла на сцену. Послѣ отчаяннаго вопля — Веледа вдругъ отталкиваетъ отъ себя *Арминія:* »Иди! тебя зоветъ отечество!« говоритъ она, и полусумасшедшая шепчетъ: »Но тебя ждетъ побѣда и — *смерть!*« Лицо Элеоноры было неизобразимо, когда потомъ она осталась одна съ женщинами и старцами; нѣмая пантомима продолжалась нѣсколько мгновеній; безъ словъ все было сказано — въ креслахъ вскочили отъ ужаса! Тихій хоръ, молитва старцевъ и женъ — вдругъ рѣзкій звукъ трубы, и съ кликомъ: »*Нѣтъ Арминія! Плачьте старцы, дѣти! Плачьте объ Арминіи и о свободѣ Германіи!*« Веледа падаетъ безъ чувствъ; смятеніе на сценѣ, и рукоплесканіе зрителей слилось съ крикомъ, топаньемъ ногами, стукомъ палками. Генріэтта отворотилась отъ сцены, и взоръ ея встрѣтился со взоромъ Вильгельма. Онъ стоялъ тутъ, сложа руки, пожиралъ глазами каждое движеніе Генріэтты; въ восторгѣ воображалъ

онъ, что видитъ, какъ все исчезло для нея, кромѣ любви къ нему, кромѣ вдохновенія поэзіи... Неожиданно увидя Вильгельма, какъ будто испугалась Генріэтта, и взглядъ на Вильгельма, какъ взглядъ на голову Медузы, вдругъ окаменилъ ее. Холодная улыбка заморозила оживленное лицо дѣвушки. Вильгельмъ, готовый за минуту упасть передъ нею, передъ дѣвою вдохновительницею, опомнился, увидѣлъ — *Генріэтту Шульце*, свалился съ третьяго неба на землю, и сжавъ кулаки, скрежеща зубами, поспѣшно и тихо ушелъ онъ изъ ложи, толкалъ встрѣчавшихся съ нимъ въ корридорѣ, опомнился только отъ холоднаго вѣтра, дунувшаго на него изъ сѣней. Самъ не замѣчая какъ, Вильгельмъ дошелъ почти до подъѣзда.

Корридоры и галереи были пусты; даже капельдинеры ушли смотрѣть на сцену, кто откуда могъ. Тутъ на свободѣ ходилъ Вильгельмъ. Онъ слышалъ, какъ вдали градомъ сыпались рукоплесканія, почти безпрерывно, и глухой шумъ сливался съ ними. »Что мнѣ въ васъ, клики безсмысленные, что мнѣ въ васъ! Генріэтта, Генріэтта! Любовь и счастье! Моя погибшая любовь! и такъ ничто не воротитъ тебя? Генріэтта! Прости же на всегда! Не пос-

стигаю, какой злой демонъ отвратилъ мое счастье? Я всматривался въ лицо твое — оно все тоже небесное; я видѣлъ, какъ въ душу твою проникали пламенные стихи мои, ты плакала... о чемъ плакала ты, Генріэтта?

Нѣсколько человѣкъ, явившихся въ корридорѣ, и общій шумъ, показывали, что четвертое дѣйствіе кончено. Спасаясь отъ встрѣчъ, Вильгельмъ ушелъ въ кресла, сѣлъ въ самомъ дальномъ ряду; тутъ съ восторгомъ говорила о новой трагедіи мелкая публика. Не смотря на грусть, на тоску, Вильгельмъ едва удерживался отъ смѣха, подслушивая сужденія добрыхъ бюргеровъ, увѣрявшихъ, что *Арминій* едва ли не лучше *Желѣзной Маски*, и *Ненависти къ людямъ и раскаянія.* Нетерпѣніе зрителей было доведено до высочайшей степени. Самъ Князь захлопалъ, чтобы скорѣе начинали, и трагедія началась опять. Вильгельмъ забылся, смотря на Элеонору; въ пятомъ актѣ она была ужасна, величественна! Дарованіе не могло внушить такой игры: видно было страшное чувство, которое навсегда овладѣло Элеонорою; это была не актриса, но женщина, пожираемая любовью, отчаяніемъ; казалось, что ядовитая одежда Деяниры жжетъ ее. Вильгельмъ трепе-

талъ, и — темная мысль: »Не уже ли любовь одушевила эту женщину, дотолѣ холодную безчувственную!« — мелькнула въ головѣ Вильгельма. »Не уже ли до такой степени можетъ достигнуть Искусство? Не уже ли *мое творенiе* могло выкликать ея душу, если прежде она такъ холодна, искусственна бывала въ творенiяхъ Шекспира и Шиллера?« Я ваше творенiе!« говорила она! Меня любитъ она! — Меня? — Какое безумiе! — Онъ старался прогнать эту нелѣпую мысль, но долженъ былъ невольно согласиться, что юность, красота, дарованiя Элеоноры заставляли забыть въ ней Элеонору, видѣть въ ней что-то странное, таинственное, очаровательное, демонское, въ этой колдуньѣ, въ этомъ привидѣнiи женщины! Безъ всякихъ чувственныхъ помышленiй, Вильгельмъ готовъ былъ стать на колѣни передъ нею, какъ передъ генiемъ Искусства.

Кончилась трагедiя, занавѣсъ зашумѣла; вообще въ 5-мъ актѣ хлопали мало: всѣ такъ были увлечены быстрыми переходами дѣйствiй, страстей, сценъ, что боялись пропустить даже и одно слово, одинъ стихъ. Но все вознаградилось потопомъ рукоплесканiй и крикомъ: *Автора, автора!* — Вильгельмъ испугался этихъ

словъ, какъ будто неожиданности. Крикъ умножался; шумъ, стукъ соединялись съ нимъ. Вильгельмъ видѣлъ, что его ищутъ, спрашиваютъ, и спѣшилъ въ ложу директорскую.

Вотъ настала она, эта минута, о которой было столько мечтаній, минута, купленная столькими страданіями. Вотъ онъ, поэтъ, низко кланяется, и всѣ тѣснятся, наклоняются, стараются, видѣть его, гремятъ, шумятъ, кричатъ. Вильгельмъ хочетъ удалиться, публика хочетъ еще смотрѣть на него; новые поклоны. Видѣла ли его та, которою онъ желалъ быть видѣннымъ, одною изъ тысячъ?

Между тѣмъ, какъ кресла и ложи рукоплескали Элеонорѣ, вызванной на сцену, толпа знатоковъ, придворныхъ, чиновниковъ, литераторовъ тѣснилась въ ложу директорскую; всѣ старались увидѣть, обнять Вильгельма, скромнаго, оробѣвшаго, ослѣпленнаго, изумченнаго столькими переходями чувствъ. Статный адъютантъ пробивался сквозь толпу. »Его Свѣтлость требуетъ сочинителя,« говорилъ онъ громко; и Вильгельма повели торжественно сквозь тѣсноту зрителей. Вокругъ него толкались, шумѣли; дамы, мужчины, всѣ старались взглянуть на поэта. Вильгельмъ передъ княземъ, въ блестя-

щей княжеской ложѣ, въ виду всей восхищенной публики. Баронъ Калькопфъ взялъ его за руку и подвелъ къ князю.

»Представляю Вашей Свѣтлости плохаго чиновника моей канцеляріи и хорошаго поэта,« сказалъ онъ, смѣясь. Князь улыбнулся, прищурился, посмотрѣлъ на Вильгельма. »Мы постараемся пріискать наказаніе вашему плохому канцеляристу, а теперь — благодарю поэта отъ лица Германіи.« Вильгельмъ поцѣловалъ его руку. »Мы еще увидимся; приготовьте намъ еще что нибудь.« Молча поклонился Вильгельмъ; князь оборотился къ сценѣ; публика хлопала, кричала:« Виватъ! »Es lebe hoch!« Вильгельмъ вышелъ изъ ложи. Тутъ снова толпа окружила его, передавала съ рукъ на руки. Восторгъ былъ общій.

Увѣряю васъ, что толпа можетъ предаваться восторгу, и предается ему вполнѣ, потому что она не любитъ и не умѣетъ ни разсуждать, ни останавливаться на дорогѣ сильныхъ впечатлѣній, и бѣжитъ по этой дорогѣ, пока не ударится лбомъ объ стѣну, потому что она не смотритъ куда бѣжитъ. Не говорю — какъ и что увлекаетъ ее къ восторгу: толпа бѣгала нѣкогда по Москвѣ за слономъ; это событіе

перешло къ потомству въ знаменитомъ Польскомъ:

Что въ Москвѣ за удивленье?
Что за новое явленье?
Что дивится такъ она? —
Привели въ нее слона!

Въ Парижѣ толпа приходила въ восторгъ отъ жирафа. Но точно такъ можетъ она придти въ восторгъ отъ чего угодно — даже и отъ Поэзіи: увѣряю васъ въ этомъ, совсѣмъ не шучу, и, въ доказательство — ссылаюсь на Хемницерова *Зеленаго осла*...

Въ такихъ случаяхъ кажется непонятно: куда дѣвается это всегдашнее честолюбіе человѣка, столь дорогое для него во всякое другое время? И странно видѣть, что предметъ, на который прежде и глядѣть не хотѣли, заставляетъ каждаго разѣвать ротъ отъ изумленія! Вы хотите успѣха? Старайтесь только завладѣть вниманіемъ толпы, и владѣйте ею самовластно: вы не найдете невольника послушнѣе этого прихотливаго, неукротимаго творенія, которое называютъ *толпою*, и — если угодно, *публикою!* На долго ли? Совсѣмъ другой вопросъ. Опредѣлите: долго ли продолжается лю-

бовь кокетки? Но пока она продолжается — васъ любятъ искренно, безотчетно, любятъ всею головою и безъ всякаго расчета: души и сердца не ищите ни у толпы, ни у кокетки; та и другая безпрестанно берутъ въ займы то и другое, у кого попало.

Каково бываетъ въ эти минуты тому, кого любитъ толпа? Его состоянiе... счастье, наслажденье?... Нѣтъ! оно похоже на состоянiе человѣка, съ которымъ вальсируютъ на кровлѣ высокой башни: ему весело, ему страшно, и тѣмъ сильнѣе вертится онъ, чѣмъ страшнѣе ему становится.

Осыпанный привѣтомъ, обремененный новыми знакомствами, приглашенiями, Вильгельмъ былъ увлеченъ въ ту залу, гдѣ собирались обыкновенно послѣ окончанiя спектаклей актеры, актрисы, знатоки, дилетанты. Тутъ среди шума, споровъ, разговора, хохота, когда *Арминiй* говорилъ о своей ролѣ, Шпейеръ громко читалъ свою статью, (въ которой, безъ дальнихъ околичностей, увѣрялъ, будто Вильгельмъ выше Шекспира, а Элеонора выше г-жи Жоржъ), явился директоръ. Онъ обнялъ Вильгельма, увѣрялъ, клялся въ восторгѣ, въ дружбѣ, »Не уходите — мы ѣдемъ вмѣстѣ« — говорилъ онъ —

»ни слова отговорокъ! Мы празднуемъ торжество *Арминія.* Слышите! дивертисманъ кончился; начинаютъ разъѣзжаться; я бѣгу провожать Его Свѣтлость!« Онъ исчезъ.

Между тѣмъ стукъ экипажей, шумъ выходящаго народа напомнилъ Вильгельму, что у него были товарищи въ театрѣ. Но, кромѣ того, что ему невозможно было и подумать пробраться въ ложу 2-го яруса и застать тамъ г-жу Шульце, въ тѣснотѣ и суматохѣ — онъ думалъ еще: »Не хочу отравить для себя этой минуты — если и не радостной (онъ вздохнулъ глубоко), по крайней мѣрѣ, упоительной... Гдѣ искать радостей? Прочь мечты, прочь несбыточныя желанія счастья на землѣ? День мой вѣкъ мой! Къ Элеонорѣ, къ Элеонорѣ иду я — не къ женщинѣ, но къ генію Искусства... Генріэтта! я умираю для тебя, и для любви — а безъ тебя существуетъ ли для меня г-жа Шульце, и то, что окружаетъ тебя?...

— Г-нъ директоръ проситъ васъ къ себѣ, г-нъ Рейхенбахъ.

»Гдѣ онъ?

— Дожидается въ аванъ-залѣ.

Среди разрушенія всего, что составляло очарованіе зрѣлища, отправился Вильгельмъ къ ди-

ректору. Только немногіе, дожидавшіеся экипажей, стояли еще въ гелереѣ; стукъ экипажей исчезалъ въ разныхъ улицахъ; пѣшеходовъ не было уже ни одного; по корридорамъ бѣгали служители и тушили свѣчки и лампы; буфетчикъ убиралъ свои припасы, въ театрѣ было темно; двери въ ложи были растворены, какъ будто ложи зѣвали, утомленныя шумомъ.

»Поѣдемъ те, г-нъ Рейхенбахъ!« говорилъ директоръ, завертиваясь въ плащъ свой. И черезъ минуту карета директора быстро неслась по опустѣлымъ улицамъ засыпавшаго города.

Конецъ II-й части.

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

THE LIBRARY OF CONGRESS

